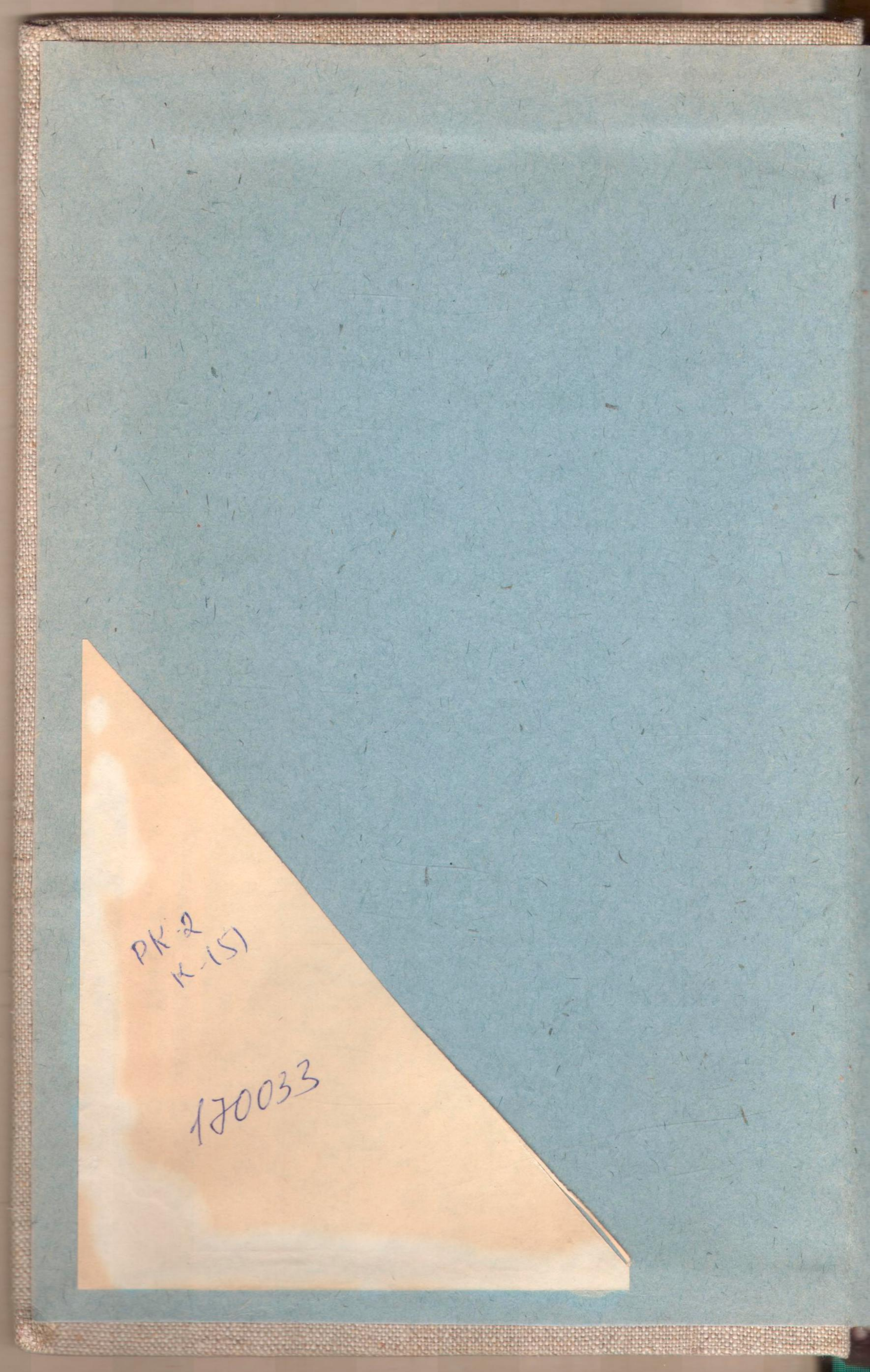
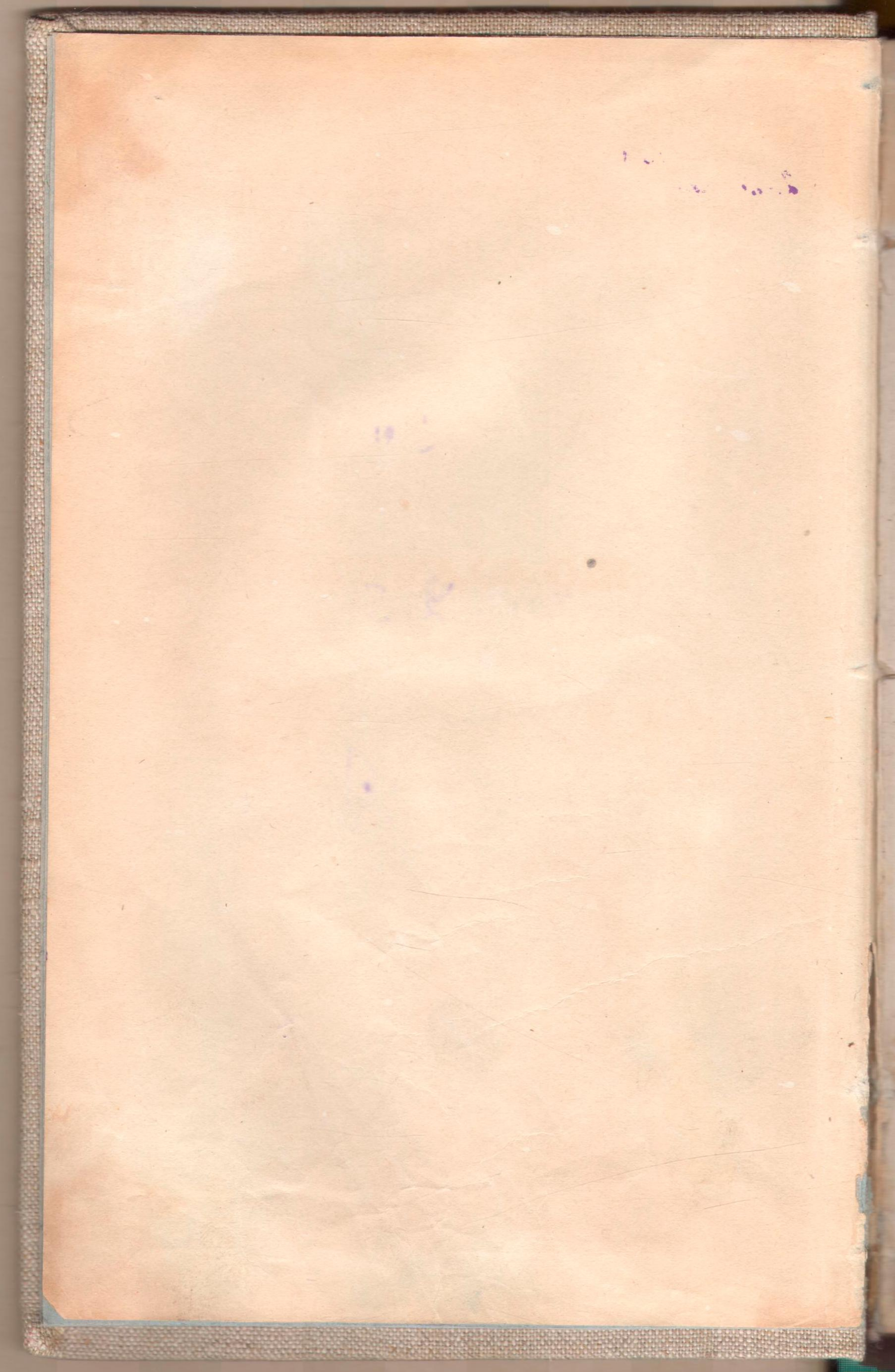

PK-2
K-(5)
170033

10824

часть 2.3

Часть 2.

МОЛОДИКЪ.

…совалъ на камнѣ М. Башиловъ.
…П. Бутенкова въ Харьковѣ

МОЛОДИ́КЪ

НА 1844 ГОДЪ,

УКРАИНСКІЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ,

Издаваемый И. Бецкимъ.

(*Въ пользу Харьковскаго дѣтскаго пріюта*).

ХАРЬКОВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1 8 4 3.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ, С. Петербургъ, 10 Сентября 1842.

Ценсоръ А. Очкинъ.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

Ценсоръ А. Никитенко.

Ценсоръ А. Фрейгангъ.

Напечатано иждивеніемъ Его Сіятельства, Харьковскаго Губернскаго Предводителя, Князя Василія Петровича Голицына.

I.

НАУКИ И МАТЕРІАЛЫ.

ОСНОВАНІЕ ХАРЬКОВСКАГО КОЛЛЕГІУМА,

НЫНѢШНЕЙ ХАРЬКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ.

Харьковскій Коллегіумъ, подъ именемъ Славено-латинскихъ школъ, основанъ 1726 года въ городѣ Харьковѣ Преосвященнымъ Епископомъ Бѣлоградскимъ Епифаніемъ при пособіи Генералъ-Фельдмаршала Князя Михайла Михайловича Голицына, бывшаго въ то время главнокомандующимъ на Украинѣ, и имѣвшаго пребываніе въ Харьковѣ. Преосвященный Епифаній купилъ для сего училища каменный большой двухэтажный домъ съ довольно обширнымъ дворовымъ мѣстомъ у Полковника Лаврентія Шидловскаго за 500 рублей, (*) и присоединилъ къ оному приходскую каменную о двухъ престолахъ Покровскую церковь, учредилъ монастырь, и наименовалъ оный Харьковскимъ училищнымъ покровскимъ, что указомъ изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода 1799 года и утверждено. Ревностный патріотъ и любитель наукъ Генералъ-Фельдмаршалъ Голицынъ купилъ села: Пѣсочки, Руба-

(*) Сіе видно изъ копіи крѣпости, имѣющейся въ крѣпостной книгѣ въ Коллегіумской библіотекѣ.

новку, Замосскій кутъ и другія съ хуторами и угодьями, и отдалъ Коллегіуму на содержаніе учителей и учениковъ. Въ отчинахъ сихъ было 5 деревень и 4 хутора, въ коихъ находилось крестьянъ 650 душъ, пахатной, сѣнокосной и лѣсной земли 3076 десятинъ, мельничныхъ колъ 51, винокуренныхъ заводовъ три, кромѣ садовъ, рыбныхъ ловель и другихъ заведеній (*). Покровительствуя сіе училище, онъ далъ предписаніе военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ, подлинникомъ хранящееся въ библіотекѣ коллегіума, нижеслѣдующее:

«По указу Ея Императорскаго Величества Самодержицы «Всероссійской и прочая, и прочая, и прочая. Азъ учрежденный Ея Императорскаго Величества надъ войски «Генералъ-Фельдмаршалъ и Кавалеръ ордена Святаго «Апостола Андрея и Лейбъ-Гвардіи полку Семеновскаго «Полковникъ Князь Михаилъ Голицынъ симъ объявляю: «которые маетности подлежащіе до Харьковскаго Коллегі«ума состоятъ въ полку Харьковскомъ, тѣхъ маетностей «обывателемъ обидъ и налогъ, ктобъ какого званія ни «былъ, не показывать; и сверхъ опредѣленнаго по указомъ «Ея Императорскаго Величества безденежно ничего не брать «вышнимъ подъ опасеніемъ воинскаго суда, а нижнимъ «наказанія на тѣлѣ по силѣ преступленія, того ради во «вѣрность сего подписую рукою своею съ приложеніемъ «печати.

Князь Голицынъ.

Москва,
Марта 19 дня 1730 года.

(*) Вотчины сіи отобраны, какъ монастырскія, въ 1787 году.

На содержаніе учителей и учениковъ Коллегіума, кромѣ доходовъ съ вотчинъ, дарованныхъ Княземъ Голицынымъ, получаема была изъ монастырей 20-я, да изъ приходскихъ церквей 30-я часть доходовъ, которой суммы восходило въ годъ болѣе 1000 руб. Сверхъ сего Преосвященный Епифаній купилъ разнаго рода недвижимое имѣніе и утвердилъ оное за училищнымъ монастыремъ. По указу Святѣйшаго Сѵнода въ тоже время собираемые Богодуховскаго уѣзда въ селѣ Каплуновкѣ при Чудотворной иконѣ Богородицы съ молебновъ доходы, поступавшіе съ 1722 года на Бѣлоградскія училища, обращены на содержаніе Харьковскаго Коллегіума, коихъ ежегодный сборъ простирался до 600 рублей.

1731 года Преосвященный Епифаній на утвержденіе въ Харьковѣ заведенныхъ славено-латинскихъ школъ исходатайствовалъ именную Высочайшую, писанную на пергаментѣ за собственноручнымъ подписаніемъ Императрицы Анны Іоанновны грамоту, которая и нынѣ въ библіотекѣ коллегіумской въ подлинникѣ хранится:

Божію поспѣшествующею милостію, мы Анна Императрица и Самодержица Всероссійская Московская, Кіевская, Владимірская, Новгородская, Царица Казанская, Царица Астраханская, Царица Сибирская, Государыня Псковская, и Великая Княгиня Смоленская, Княгиня Эстляндская, Лифляндская, Корельская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская, и иныхъ; Государыня и Великая Княгиня Новгорода, Низовскія земли, Черниговская, Рязанская, Ростовская, Ярославская, Бѣлозерская, Удорская, Обдорская, Кондійская, и всея сѣверныя страны повелительница; и Государыня Иверскія зем-

ли, Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей и Кабардинскія земли, Черкаскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ наслѣдная Государыня и обладательница Наше Императорское Величество чрезъ сіе объявляемъ; понеже дядя Нашъ Петръ Великій Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій какое особливое попеченіе о размноженіи училищъ и школъ, какъ духовныхъ для прославленія имени Божія и защищенія Россійскія церкви, такъ и для свѣтскихъ разныхъ наукъ, о томъ всѣмъ извѣстно и собственно въ регламентѣ духовномъ выданномъ въ 1721 году объявлено, чтобъ каждой Архіерей въ своихъ Епархіяхъ имѣлъ школы и семинаріи, о чемъ такожде и другими указами подтверждено было; а нынѣ Нашему Императорскому Величеству Богомолецъ нашъ Преосвященный Епифаній Епископъ Бѣлоградскій и Обоянскій всеподданнѣйше билъ челомъ, что онъ Преосвященный Епископъ построилъ въ своей Епархіи въ городѣ Харьковѣ въ надеждѣ лучшаго Священства и къ защищенію Россійскія церкви училищной Покровской монастырь и въ немъ Славено-греко-латинскія школы каменныя, и учредилъ игумена такогожъ надъ школами и учителями Ректоромъ для лучшаго управленія и смотрѣнія, какъ учителей, такъ и учениковъ, да еще Префекта и учителей, а имянно всѣхъ семь человѣкъ, отъ чего де не токмо Священству, но и отечеству Россійскому по милости Божіей не малой плодъ происходитъ; и чтобъ на подкрѣпленіе тѣхъ школъ и свободнаго въ нихъ ученія, дабы и впредь были отъ его сукцессоровъ содержаны не нарушимо, дать нашу жалованную грамоту. И мы Всепресвѣтлѣйшая, Самодержавнѣйшая Великая Государыня Анна Іоановна Наше

Императорское Величество, слушавъ онаго Богомольца нашего Преосвященнаго Епифанія Епископа Бѣлоградскаго и Обоянскаго челобитья, и усмотря его Архіерейское въ томъ особливое попеченіе и тщаніе, ревнуя вышеупомянутому дяди нашего Петра Великаго намѣренію и опредѣленію Всемилостивѣйше пожаловали, указами тому Харьковскому монастырю и въ немъ славено-греко-латинскимъ школамъ Игумену и Ректору, такожъ учителямъ быть вѣчно и ненарушимо, и оной содержать по нашимъ Императорскимъ указамъ и по духовному регламенту не премѣнно, а въ томъ монастырѣ Игумену и Ректору и всѣмъ учителямъ довольствоваться тѣми доходами, чѣмъ они нынѣ по разсмотрѣнію Епифанія Епископа Бѣлоградскаго, яко перваго строителя того монастыря и училища, удовольствованы; а учить всякаго народа и званія дѣтей православныхъ не токмо Піитикѣ, Риторикѣ, но и Философіи, и Богословіи, Славено-греческимъ и Латинскимъ языкамъ; такожде стараться, чтобы такія науки вводить на собственномъ Россійскомъ языкѣ, и преподавать ученія со усерднымъ тщаніемъ, ревностію и радѣніемъ, отнюдь не отлучаясь ни въ чемъ святыя восточныя Церкви исповѣданія; а неспокойныхъ и вражды творящихъ учителей и учениковъ унимать и смирять, и ни до какого своевольства не допущать. Чего ради сего Нашего Императорскаго Величества жалованною граматою тотъ Харьковскій училищный Покровскій монастырь и въ немъ школы и въ нихъ свободное ученіе утверждаемъ; и при томъ повелѣваемъ всѣмъ нашимъ подданнымъ какъ военнымъ, такъ и штатскимъ и всякаго званія и чина людямъ тому училищному монастырю и въ немъ Ректору, учителямъ и ученикамъ въ школахъ

обрѣтающимся, также внѣ монастыря живущимъ подданнымъ и слугамъ монастырскимъ отнюдь обидъ и утѣсненія никакого не чинить: а ежели кто тому монастырю, также Ректору, учителямъ школьнымъ и внѣ монастыря и въ школахъ обрѣтающимся нынѣ и впредь будущимъ, учнетъ чинить какія обиды или стѣсненія, въ томъ защищать и по нашимъ правамъ и указамъ оборонять; и для вящаго утвержденія реченному богомольцу нашему Преосвященному Епифанію Епископу Бѣлоградскому и Обоянскому и по немъ будущимъ сію нашу Императорскаго Величества жалованную грамоту за подписаніемъ нашія Монаршескія руки и печатью Государственною утвердить повелѣли. Дана въ Москвѣ Марта 16 дня 1731 года, государствованія нашего втораго года.

На подлинномъ подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

Анна.

Скрѣпилъ Графъ Головкинъ.

Печать на красномъ воску въ серебренномъ позлащенномъ кругломъ футлярѣ съ изображеніемъ на немъ всероссійскаго герба.

Въ слѣдствіе сей высочайшей грамоты въ 1734 году открытъ Богословскій классъ, и училище начало именоваться Харьковскимъ Коллегіумомъ, а потомъ въ 1740 годахъ Тихориціанскою (по имени основателя Преосвященнаго Епифанія Тихорскаго) и просто Харьковскою Академіею. Что явствуетъ изъ училищныхъ актовъ и консисторскихъ указовъ 1742 и 1745 годовъ за бывшихъ Преосвя-

щенныхъ Митрополитовъ Бѣлоградскихъ Петра и Антонія. Указами изъ Святѣйшаго Сѵнода 1742 и 1744 года велѣно всѣхъ учителей и учениковъ Бѣлоградской, Курской и Староосколькой Семинаріи собрать въ Харьковскій Коллегіумъ, такъ же отъ дома Ахтырскаго всѣ вотчины и недвижимыя имѣнія, данныя Коллегіуму Преосвященнымъ Епифаніемъ, возвратить сему училищу. Сими указами подтвержденъ вновь вышеупомянутый сборъ на Коллегіумъ доходовъ съ церквей, Монастырей и отъ Каплуновской Иконы. Но сіи сборы, исключая доходовъ отъ Каплуновской иконы, 1765 года по указу Государыни Императрицы Екатерины II отмѣнены, а вмѣсто ихъ отпущать повелѣно на коллегіумъ изъ Коллегіи экономіи въ годъ по 816 рублей и 39¾ копѣйки.

1765 года въ данной Губернатору Слободско—Украинской губерніи Инструкціи собственною рукою Государыни Императрицы Екатерины II-й написана двадесятая статья тако:» Къ преподаваемымъ нынѣ въ Харьковскомъ Коллегіумѣ наукамъ прибавить классы французскаго и нѣмецкаго языковъ, Математики, Географіи и Рисованія, а особливо Инженерства, Артилеріи и Геодезіи, на что и сумма до трехъ тысячъ рублей изъ неокладныхъ доходовъ опредѣляется, и у кого тотъ Коллегіумъ въ вѣдомствѣ состоитъ, съ тѣмъ губернской канцеляріи, о лучшемъ возстановленіи и распространеніи наукъ учиня сношеніе, употребить общее стараніе.» Но съ 1768 года сіи новоприбавленные классы остались въ вѣдѣніи Губернскаго Правленія; а нынѣ бывъ преобразованы въ Гимназію, зависятъ отъ Императорскаго Харьковскаго Университета.

1770 года стараніемъ Преосвященнаго Епископа Самуила Миславскаго состроенъ каменный объ одномъ этажѣ большой корпусъ для помѣщенія бурсы, на счетъ доходовъ отъ Каплуновской Иконы и другихъ испрошенныхъ суммъ.

1774 года присланы въ Коллегіумъ отъ бывшаго тогда при Вѣнскомъ дворѣ Российско — Императорскаго полномочнаго Министра Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника и Кавалера Дмитрія Михайловича Голицына въ память, родителя своего перваго основателя Коллегіума 8-мъ бронзовыхъ фамильныхъ медалей съ изображеніемъ на латинскомъ языкѣ на 1-й и 2-й Князя Михаила Голицына, на 3. Князя Алексѣя Голицына.

на 4. Князя Іоанна Трубецкаго.

— 5. Княгини Ирины Трубецкой.

— 6. Княгини Татіаны Голицыной.

— 7. Княгини Анастасіи Трубецкой.

1780 года доходы съ Каплуновской церкви поступили въ вѣдомство казенное, а по новымъ штатамъ на Епарпеское Бѣлоградское училище опредѣлено по 2000 руб., кои всѣ получались на Харьковскій Коллегіумъ за исключеніемъ нѣкоторой только части на Бѣлгородскія училища, въ коихъ тогда находились два только грамматическіе класса.

1787 года Государыня Императрица Екатерина II, во время путешествія своего изъ полуденнаго края чрезъ Харьковъ, Всемилостивѣйше пожаловала на Коллегіумъ единовременно 1000 рублей.

1793 года Преосвященный Епископъ Курскій Ѳеоктистъ исходатайствовалъ у Святѣйшаго Правительствующаго Сv-

нода 1152 руб. 86¼ коп., на которую сумму перекрыты оба Коллегіумскіе корпусы, перестроены учительскія келіи и прочія ветхости починены.

1792 года Князь Димитрій Михайловичь Голицынъ, полномочный Министръ при Вѣнскомъ Дворѣ, опредѣлилъ завѣщаніемъ своимъ внесть на вѣчныя времена Московскаго воспитательнаго дома въ сохранную казну 10,000 рублей съ тѣмъ, чтобы проценты изъ опаго капитала обращались въ пользу Коллегіума, которая сумма и внесена въ Московскій опекунскій совѣтъ Княземъ Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ, и копія съ свидѣтельства, даннаго отъ оной сохранной казны, препровождена въ Коллегіумъ при слѣдующемъ объявленіи:

Губернскаго города Харькова въ заведенный въономъ въ 1727 году Коллегіумъ.

Отъ Оберъ-Камергера Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника и Ордена Святаго Апостола Андрея Первозваннаго, Св. Александра Невскаго и бѣлаго Орла Кавалера Князя Александра Князя Михайлова сына Голицына,

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Съ какимъ расположеніемъ братъ мой двоюродной Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, Дѣйствительный Камергеръ, бывшій при Римскомъ Императорскомъ Дворѣ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ, и Орденовъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго, Св. Александра Невскаго, Свят. Равноапостольнаго Князя Владиміра 1-й степени и Св. Анны Кавалеръ, покойный Князь Димитрій Михайловичь

Голицынъ оставилъ въ пользу онаго Коллегіума 10,000 р., какъ и на какомъ основаніи мною внесены оные Императорскаго воспитательнаго дома въ московскій опекунскій совѣтъ, и по сколько ежегодно имѣетъ быть выдаваемо въ пользу сего училища процентовъ, о томъ изъ приложенной при семъ копіи съ свидѣтельства, даннаго мнѣ отъ сохранной онаго казны, усмотрѣть изволите (*). Но какъ я, будучи учрежденъ отъ покойнаго брата моего душеприкащикомъ, то долгомъ себѣ поставляю просить г. главныхъ начальниковъ Коллегіума, что бы они благоволили избирать учителей знающихъ, исправныхъ, усердныхъ, честныхъ, добронравныхъ и трезвыхъ, дабы опредѣленная имъ ежегодная выдача чрезъ стараніе ихъ приносила обществу пользу.

Я удостовѣренъ, что оные г. начальники, какъ нынѣшніе, такъ и впредъ опредѣляемые, рачительно исполнять будутъ, чтобъ все вышеписанное въ точности исполняемо было.

Князь Александръ Голицынъ.

Москва 8 Августа 1794 года.

1795 года Князь Александръ Голицынъ препроводилъ въ Коллегіумъ 250 руб. при слѣдующемъ письмѣ на имя Г. Ректора и учителей:

(*) Оные 10,000 внесены, какъ изъ упомянутаго свидѣтельства явствуетъ въ Московскій Опекунскій Совѣтъ на вѣчныя времена съ тѣмъ, чтобы, изъ получаемыхъ на оный капиталъ процентовъ 500 руб. выдаваемо было ежегодно въ жалованье учителю Философіи 200 руб., учителю Риторики 200 руб. и учителю Синтаксимы 100 руб.

Государи мои!

На сей почтѣ препроводилъ я въ Харьковскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія въ пользу учащихся въ Коллегіумѣ 250 руб. при моемъ объявленіи, съ котораго у сего прилагаю копію (*). Съ нелицемѣрнымъ почтеніемъ и всеусерднымъ расположеніемъ пребываю и проч.

Князь А. Голицынъ.

Москва 1795 года
Декабря 25 дня.

Тогоже года Князь Александръ Голицынъ прислалъ въ Коллегіумъ портреты благотворителей сего училища, Князей дяди своего Михаила Михайловича и сына его Димитрія Михайловича Голицыныхъ.

Съ 1798 года по случаю двойной прибавки на духовныя училища суммы, Коллегіумъ получалъ окладной суммы по 2000 руб. въ годъ.

(*) Въ семъ объявленіи значится, что онъ К. Голицынъ разсудилъ за благо сдѣлать пособіе въ содержаніи и обучающимся при Коллегіумѣ и въ домѣ онаго живущимъ сиротамъ: для того и отправилъ въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія 250 руб., прося оный Приказъ доставить оные деньги въ Харьковскій Коллегіумъ для содержанія бѣдныхъ учениковъ, удостовѣря при томъ ихъ, что и впредъ ежегодно изъ оставленной покойнымъ братомъ его Княземъ Димитріемъ Голицынымъ суммы имѣетъ онъ доставлять въ Августѣ мѣсяцѣ по 250 руб., и что сіе и покончинѣ его исполняемо будетъ.

1799 года отъ благотворительной скрывавшей свое имя особы (*) препровождено къ Князю Александру Голицыну 5000 рублей для внесенія оныхъ въ Московскій Опекунскій Совѣтъ на вѣчныя времена съ тѣмъ, чтобы проценты съ оныхъ поступали въ пользу Коллегіума на содержаніе обучающихся въ ономъ сиротъ, кои деньги Его Сіятельствомъ по волѣ благотворительной оной особы того же 1799 года и внесены въ упомянутый Совѣтъ.

1801 года Его Сіятельство Князь Голицынъ внесъ въ сохранную казну Московскаго Опекунскаго Совѣта 5000 руб. съ тѣмъ, чтобы проценты на оные 250 вмѣсто присылаемыхъ имъ ежегодно, поступая на Коллегіумъ, употребляемы были на содержаніе сиротъ, какъ изъ духовнаго званія, такъ изъ дворянъ и разночинцовъ.

Того же года Его Сіятельство, отъ имени благотворительной особы, скрывавшей свое имя (Маріи Шереметьевой), внесъ еще 10,000 рублей въ Московскій Опекунскій Совѣтъ при слѣдующемъ письмѣ на имя Префекта Протоіерея Андрея Прокоповича и учителей:

Государи мои!

Будучи ревностнымъ послѣдователемъ предкамъ моимъ къ приведенію Коллегіума въ цвѣтущее состояніе, утѣшаюсь я душевно тому, что соревнующія особы мнѣ дѣлаютъ лестное довѣріе во благо Коллегіума. На сихъ дняхъ одна благотворительная и мнѣ извѣстная, однакожъ отъ другихъ

(*) Сія благотворительная особа, какъ оказалось по смерти ея послѣдовавшей 1807 года, была вдова Лейбъ Гвардіи умершаго Капитана Петра Шереметьева супруга Марія Петровна.

имя свое скрывающая особа, (кромѣ доставленныхъ 1799 года пяти тысячь рублей, кои тогда же внесены въ Московскій Опекунскій Совѣтъ) доставила ко мнѣ при письмѣ своемъ Государственными ассигнаціями 10,000 рублей въ пользу обучающихся въ Харьковскомъ Коллегіумѣ бѣдныхъ сиротъ, предоставляя мнѣ въ полную волю сдѣлать онымъ распредѣленіе по моему благоусмотрѣнію (*). Впрочемъ имѣю я васъ о нижеслѣдующемъ увѣдомить: въ минувшемъ 1795 году при отправленіи отъ меня въ Коллегіумъ портретовъ покойныхъ роднаго моего дяди Фельдмаршала Князя Михаила Михайловича и сына его, а моего брата Князя Димитрія Михайловича Голицыныхъ, требовали покойный отецъ Архимандритъ и Ректоръ Василій и Префектъ и Богословіи учитель честный отецъ Протоіерей Андрей письмомъ своимъ отъ 11 Февраля того же года, чтобъ я и свой собственной доставилъ. Я теперь на сіе согласуюсь, и имѣю оной портретъ отсюда въ Харьковъ отправить съ прибавленіемъ къ тому родословной книги

(*) Сіе распредѣленіе изображено въ послѣдующемъ письмѣ Его Сіятельства отъ 28 Маія 1801 года въ слѣдующихъ пунктахъ. Процентные 590 руб. на сіи 10,000 руб. опредѣляю я употреблять ежегодно на нижеслѣдующее: 1.) Чтобы къ находящимся на полномъ содержаніи изъ получаемыхъ съ прежде внесенныхъ мною 10,000 рублей въ сохранную казну процентныхъ 500 прибавлено было еще 3 ученика, на которыхъ ежегодно отпускать 100 2.) Учителямъ Нѣмецкаго и Французскаго языковъ по 100, учителямъ Математики и Рисовальнаго искуства по 50 рублей 3.) на книги и Физическіе инструменты и другія пособія 50 руб. 4.) на больницу Коллегіумскую 50 рублей. О точномъ восполненіи вышеписаннаго благоволите прилагать усердное стараніе.

Голицынской фамиліи (*) сверхъ того пришлю три серебренныя медали покойнаго Князя Димитрія Михайловича съ ихъ описаніемъ, изъ которыхъ опредѣляю я представить одну Его Преосвященству, другую оставить въ Коллегіумѣ, яко памятники, служащіе учащимъ и учащимся доказательствомъ о нашей любви, усердіи и доброжелательствѣ къ Коллегіуму. За тѣмъ съ истиннымъ почтеніемъ пребываю.

Князъ Александръ Голицынъ.

Москва 1801 года.
Апрѣля 2.

1802 получено отъ Его Сіятельства на имя преосвященнаго Христофора Епископа Слободско-Украинскаго и Харьковскаго слѣдующее письмо:

Преосвященнѣйшій Владыко,

Милостивѣйшій Государь мой и Архипастырь!

Долгомъ поставляю Ваше Преосвященство извѣстить, что какъ намѣреніе моихъ предковъ, а особливо покойнаго брата моего князя Димитрія Михайловича и неизвѣстной для Коллегіума благотворительной персоны, такъ и мое всегда было, чтобъ въ оной Харьковской Коллегіумъ не одних только духовнаго званія учениковъ принимать, но также и изъ бѣдныхъ дворянъ и разночинцовъ, ибо въ пользу духовнаго званія дѣтей довольно есть учрежден-

(*) Портретъ поставленъ въ Коллегіумской залѣ, и книга родословная и медаль съ описаніемъ ся хранятся въ Библіотекѣ.

ныхъ семинарій, для дворянъ же и разночинцовъ, которыхъ числомъ гораздо больше, нежели духовныхъ, подобныхъ училищъ недостаточно; чего для въ таковомъ смыслѣ Харьковская школа и называется Коллегіумомъ, а не семинаріею. Я осмѣливаюсь просить васъ, Преосвященнѣйшій Владыко! дабы въ Коллегіумъ принимались наравнѣ, какъ духовнаго чина ученики, такъ дворяне и разночинцы; ибо въ противномъ случаѣ необинуясь чистосердечно сказать могу, что я уже откажусь участіе въ пользу онаго больше принимать потому, что тогда довольно будетъ и одного вашего о его благѣ старательства.

Впрочемъ какъ и всегда пребуду съ чувствами истиннаго почтенія и нелицемѣрной преданности.

Вашего Преосвященства

Покорнѣйшимъ слугою

К. Александръ Голицынъ.

Москва 1802 года
Апрѣля 29 дня.

1804 года получены отъ Князя Александра Голицына бронзовые на мраморныхъ пьедесталахъ бюсты, представляющіе благотворителей Коллегіума Князей Михаила Михайловича и сына его Димитрія Михайловича Голицыныхъ, изваянные и препровожденные къ нему Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ Графомъ Николаемъ Петровичемъ Румянцовымъ, племянникомъ Князя Голицына по матери, при слѣдующемъ сообщеніи:

Отъ Оберъ Камергера Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, Орденовъ Святаго Апостола Андрея Первозваннаго, Св. Александра Невскаго и Бѣлаго Орла Кавалера, Импе-

раторскаго воспитательнаго дома почетнаго благотворителя, Екатерининскаго въ Москвѣ Института Благородныхъ Дѣвицъ старшаго Директора, Императорской и Голицынской публичныхъ въ Москвѣ Больницъ Главнаго Директора Князя Александра Княжъ Михайлова сына Голицына,

ВЪ ХАРЬКОВСКІЙ КОЛЛЕГІУМЪ

СООБЩЕНІЕ.

Получа отъ племянника моего Министра Коммерціи Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника и разныхъ орденовъ кавалера Графа Николая Петровича Румянцова отъ 27 Генваря сего года письмо и при ономъ отъ усердія его изваянные два бронзовые бюста, изображающіе благотворителей оному Коллегіуму, первой дѣда его, а моего дяди Фельдмаршала Князя Михайла Михайловича, а другой дядю его, а моего брата Князя Димитрія Михайловича Голицыныхъ, препровождаю означенные бюсты, прилагая при семъ въ оргиналѣ письмо Графа Николая Петровича Румянцова, прошу почтенный Коллегіумъ по содержанію сего письма исполнить въ честь ему, къ сохраненію памяти благотворителей и воодолженіе меня.

К. Александръ Голицынъ.

Москва 1804 г.
23 Февраля.

Милостивѣйшій Государь мой Князь

Александръ Михайловичь!

Услаждаясь тою мыслію, что дѣдъ мой Князь Михайло Михайловичь на пользу Харьковскаго Училища, воспитавшаго столько полезныхъ отечеству людей, сдѣлалъ въ свое время не малыя пожертвованія, и по сравненіи тогдашней эпохи конечно не обыкновенныя, я изваялъ бронзовое изображеніе его, равно и сына его Князя Димитрія Михайловича, также участвовавшаго въ пособіи училищу. Принадлежа по матери къ роду Князей Голицыныхъ, не по одному темному движенію крови, я тронулся честію сберечь образъ сихъ мужей; но привлеченъ къ тому былъ и тѣмъ общественнымъ мнѣніемъ, котораго съ благомыслящими соотчичами нельзя не раздѣлять къ нимъ.

Я судилъ справедливѣйшимъ препроводить бюсты къ Вашему Сіятельству, въ лестномъ чаяніи, что вы исходатайствуете имъ пристойное мѣсто въ извѣстной залѣ Харьковскаго училища. Самъ по себѣ не смѣлъ я сего сдѣлать, а обратился къ Вашему Сіятельству въ томъ разумѣ, что вручаю ихъ старшему въ родѣ Князей Голицыныхъ, какъ такой особѣ, которая снискала по государству общее почтеніе и добродѣтелями и достоинствами извѣстными. Пріймите, Милостивый Государь мой, приносимую отъ меня дань свидѣтельствомъ какъ моей приверженности къ толь знаменитому роду, такъ и особливой преданности къ вашему лицу.

Честь имѣю быть съ совершеннымъ почтеніемъ.

Вашего Сіятельства

Покорнѣйшій слуга

Графъ Николай Румянцевъ.

1806 года Князь Александръ Голицынъ отъ вышеупомянутой неизвѣстной особы (Маріи Шереметьевой) въ Московскій Опекунскій Совѣтъ внесъ въ пользу Коллегіума 5000 рублей, предоставляя распоряженію Коллегіумскаго Правленія слѣдующіе на оные проценты.

1807 года удвоена Коллегіумская окладная сумма, почему съ сего времени Коллегіумъ получалъ оной по 4000 въ годъ.

1811 года изъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода при указѣ присланы въ Коллегіумъ пожертвованные Государственнымъ Канцлеромъ Графомъ Николаемъ Петровичемъ Румянцовымъ 100 серебренныхъ медалей для раздачи при годичномъ испытаніи отличнымъ успѣхами и и благонравіемъ ученикамъ Коллегіума, также и штемпель, и билетъ со взнесеннаго Г. Сѵнодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ Княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ Санктпетербургскаго воспитательнаго дома въ опекунскій совѣтъ 2000 капитала, пожертвованнаго также Графомъ Румянцовымъ для выбитія ежегодно таковыхъ же медалей на предбудущее время. Въ семъ указѣ прописанъ Высочайшій Его Императорскаго Величества за собственноручнымъ подписаніемъ Указъ на имя Коммиссіи духовныхъ училищъ.

«Государственный Канцлеръ Графъ Румянцовъ изъ уваженія къ памяти покойнаго дяди своего, бывшаго въ Вѣнѣ полномочнымъ посломъ, Князя Димитрія Голицына, между многими предметами благотворительности, особенное имѣвшаго попеченіе о Харьковскомъ Духовномъ Коллегіумѣ, принесъ просьбу о дозволеніи раздавать ежегодно во время публичныхъ испытаній пятерымъ отличнѣй-

шимъ воспитанникамъ Коллегіума при похвальномъ свидѣтельствѣ по одной серебренной медали съ изображеніемъ Князя Голицына по образу той, каковая была выбита въ Вѣнѣ въ память его добродѣтелей и любви къ наукамъ. Графъ Румянцевъ представилъ сто таковыхъ медалей, а на будущее время вмѣстѣ съ симъ внесетъ для приращенія двѣ тысячи рублей съ тѣмъ, чтобы изъ процентной суммы за исключеніемъ расходовъ на битіе ежегодно по пяти медалей остатки были употребляемы на покупку книгъ и другіе учебные предметы по усмотрѣнію начальства. Пріемля во уваженіе подвигъ Графа Румянцова, и вкупѣ желая отдать справедливость усердію многихъ изъ фамиліи Князей Голицыныхъ при самомъ основаніи Харьковскаго Коллегіума и въ послѣдующія времена благотворившихъ сему учебному заведенію, Мы соизволяемъ на приведеніе въ дѣйствіе вышесказанныхъ предположеній. Коммиссія духовныхъ училищъ не оставитъ учинить на основаніи сего надлежащихъ распоряженій.

1811 года Октября 20 дня.

1815 года Преосвященный Аполлосъ, Епископъ Харьковскій, исходатайствовалъ у Коммиссіи духовныхъ училищъ 30,243 руб, на какую сумму починенъ корпусъ училищный и покрытъ желѣзомъ; а на другомъ Коллегіумскомъ домѣ, именуемомъ бурсою, надстроенъ второй этажъ съ церковію во имя Святаго Апостола Іоанна Богослова, и оный домъ также покрытъ желѣзомъ.

Того же года стараніемъ сего Преосвященнаго испрошено и отослано въ опекунскій совѣтъ Московскаго воспитательнаго дома 8,000 руб. на всегдашнее время, съ тѣмъ

чтобы проценты обращаемы были на духовныя уѣздныя училища.

1817 года при преобразованiи училищъ Кiевскаго Округа Журналомъ Коммиссiи духовныхъ училищъ 15 и 30 Iюля опредѣлено: Харьковскому Коллегiуму въ память основателей и благотворителей его именоваться и впредь Харьковскимъ Коллегiумомъ, съ окладомъ опредѣленнымъ для Семинарiй 3-го разряда.

Того же года учреждены при Коллегiумѣ уѣздное и приходское училища.

1819 года открыты училища уѣздныя и приходскiя въ городахъ Ахтыркѣ и Купянскѣ, на устроенiе которыхъ употреблено изъ испрошенныхъ попечительностiю Его Преосвященства Павла Епископа Слободско-Украинскаго и Харьковскаго до 8000 рублей.

1820 года по опредѣленiю сего же Преосвященнаго отослано въ Московскiй опекунскiй совѣтъ 1000 руб. въ пользу уѣздныхъ училищъ.

1821 года по представленiю сего же Преосвященнаго отослано въ Московскiй опекунскiй совѣтъ 1000 руб. въ пользу уѣздныхъ училищъ.

1821 года по представленiю сего же Преосвященнаго отослано Коммиссiею духовныхъ училищъ 124,131 руб. на устроенiе при Коллегiумскомъ жиломъ домѣ особаго корпуса для помѣщенiя уѣзднаго и приходскаго училищъ и для квартиръ Профессорамъ и учителямъ, которая постройка того же года и начата.

О БИБЛІОТЕКѢ КОЛЛЕГІУМСКОЙ.

Библіотека въ семъ Коллегіумѣ заведена стараніемъ Преосвященнаго Епископа Бѣлоградскаго Епифанія, въ которую отдалъ онъ много своихъ на Латинскомъ и Греческомъ языкѣ книгъ за собственноручнымъ подписаніемъ. Въ 1732 году умножилъ оную Преосвященный Архіепископъ Бѣлоградскій Досифей Любинскій какъ пожертвованіемъ не малаго числа собственныхъ своихъ книгъ, такъ особенно исходатайствованіемъ именнаго Высочайшаго повелѣнія Государыни Императрицы Анны, по которому всѣ книги покойнаго Митрополита Рязанскаго, бывшаго экзарха Патріаршаго престола, Стефана Яворскаго, въ сію библіотеку отданы, какъ явствуетъ изъ надписей на тѣхъ книгахъ (*).

1761 года стараніемъ Преосвященнаго Епископа Іоасафа Миткевича устроены на каменныхъ монастырскихъ воротахъ камеры для помѣщенія Коллегіумской библіотеки.

Въ сію библіотеку жертвовали книгами въ значительномъ количествѣ Преосвященные Епископы Іоасафъ Миткевичъ и Самуилъ Миславскій, также Ректоры Коллегіума и другіе благотворители.

1807 года число книгъ значительно умножено присланными Княземъ Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ изъ Библіотеки Лейбъ Гвардіи Капитана Петра Шереметьева супруги Марьи Петровны по смерти ея въ силу завѣщанія.

(*) На каждой изъ сихъ книгъ надписано: Mandato Augustissimae Russorum imperatricis Annae, Hic liber applicatus est Bibliothecae Collegii Charcoviensis. Anno 1732.

1813 года по завѣщанію Преосвященнаго Епископа Слободско-Украинскаго и Харьковскаго Христофора суммы по смерти его поступило въ библіотеку до 500 книгъ.

1817 года по завѣщанію покойнаго Епископа Харьковскаго Аполлоса Терешкевича поступило въ библіотеку до 300 книгъ.

Нынѣ въ сей библіотекѣ находится около 5000 томовъ книгъ на разныхъ восточныхъ и Европейскихъ языкахъ.

Достопримѣчательнѣйшія книги суть:

1.) Biblia Polgylotta на 6 восточныхъ языкахъ въ 6-ти томахъ. При ней Грамматики и Лексиконы оныхъ языковъ въ двухъ томахъ.

2.) Молитва Господня больше нежели на 100 языкахъ и Діалектахъ.

3.) Bibliotheca Patrum въ 27 томахъ.

4.) Своеручная лѣтопись Митрополита Димитрія Ростовскаго. Другихъ рукописей достопамятныхъ не имѣется, кромѣ разныхъ рукописныхъ на Латинскомъ языкѣ трактатовъ и Лекцій Богословскихъ, Философскихъ и Словесныхъ наукъ, по коимъ преподаваемо было ученіе съ основанія Коллегіума до изданія печатныхъ учебныхъ книгъ.

СПИСОКЪ
РЕКТОРОВЪ И ПРЕФЕКТОВЪ
Харьковскаго Коллегіума.

РЕКТОРЫ.

Игумены.

1. Платонъ Малиновскій изъ Префектовъ Московской Академіи съ 1726 по 1729 годъ, потомъ произведенъ Архимандритомъ въ Старохарьковскій монастырь; 1742. Хиротонисанъ во Епископа Крутицкаго; 1744 года переименованъ Архіепископомъ Маковскимъ; 1754 скончался въ Москвѣ.

2. Митрофанъ Слатвинскій съ 1730 по 1738 годъ; потомъ Московской Академіи Ректоръ; 1742. Хиротонисанъ Архіепископомъ Тверскимъ.

3. Варлаамъ Тищинскій съ 1739 по 1742 годъ; потомъ Архимандритъ Старохарьковскаго Преображенскаго монастыря, гдѣ и скончался.

Архимандриты.

4. Афанасій Топольскій съ 1742 по 1744. Со времени вступленія его въ должность Ректора учреждена Архимандрія въ Покровскомъ училищномъ монастырѣ, и сему

первому Архимандриту по Высочайшему указу велѣно по примѣру Ректоровъ въ Московской Академіи носить крестъ и мантію съ скрыжалями.

5. Гедеонъ Антонскій съ 1744 по 1753. Ему и пріемникамъ его по Высочайшему указу Государыни Императрицы Елисаветы велѣно носить панагію финифтяную съ бриллiантами, которая изъ Троицкаго Сергіева монастыря препровождена въ Харьковскій училищный монастырь при указѣ изъ Святѣйшаго Сѵнода 1744 г. Іюня 7 дня.

6. Радаилъ Мокренскій съ 1753 до 1758; потомъ Архимандритъ Святогорскаго монастыря, гдѣ и скончался.

7. Константинъ Бродскій изъ Префектовъ Московской Академіи съ 1758 по 1763 годъ, въ которомъ скончался.

8. Іовъ Базилевичь съ 1763 по 1770; потомъ переведенъ въ Курской Знаменской монастырь, а оттуда хиротонисанъ въ Епископа въ Переяславль.

9. Лаврентій Кордетъ съ 1770 по 1775; потомъ переведенъ въ Курской Знаменской монастырь, гдѣ и скончался.

10. Варлаамъ Миславскій съ 1777 по 1779; потомъ переведенъ въ Кіевъ и 1784 года опредѣленъ Ректоромъ Кіевской Академіи.

11. Василій Базилевичь съ 1779 по 1798 годъ, въ которомъ скончался и погребенъ въ Старохарьковскомъ монастырѣ.

12. Досифей съ 1799 по 1800 годъ, въ которомъ году за учрежденіемъ Слободско-Украинской Епархіи и за обращеніемъ Покровскаго монастыря въ Кафедральный Соборъ переведенъ изъ Полтавской Епархіи въ Лубенскій

монастырь, а оттуда въ Георгіевской Екатеринославской Епархіи, гдѣ и скончался.

13. Андрей Прокоповичь Градскаго Собора Протоіерей и Ордена 2-й степени Св. Анны кавалеръ съ 1801 до нынѣ, съ 1794 Богословія учитель; а съ 1817 года Профессоръ Богословскихъ наукъ.

ПРЕФЕКТЫ.

Іеромонахи.

1. Илларіонъ Григоровичь съ 1726, потомъ Архимандритъ Святогорскаго монастыря.

2. Митрофанъ Слатижскій 1730 годъ, потомъ Ректоръ.

3. Кириллъ Галичь съ 1730 по 1736 годъ.

4. Іеромонахъ Аѳанасій Топольскій съ 1736 по 1742.

5. Гавріилъ Зарудинскій по 1742.

6. Амвросій Попель 1743.

7. Рафаилъ Мокренскій.

8. Епифаній Бѣлогородскій по 1751.

9. Іакинфъ Карпинскій.

10. Ѳеофанъ Федоровскій, потомъ Архимандритъ Святогорскаго монастыря, гдѣ и скончался.

11. Іовъ Базилевичь; потомъ Ректоръ.

12. Лаврентій Кордетъ Игуменъ, потомъ Ректоръ въ 1759.

13. Филаретъ Финевскій Игуменъ.

14. Михаилъ Шванскій священникъ, а потомъ Протоіерей Успенскаго Харьковскаго Собора по 1790 годъ, въ которомъ скончался онъ; съ 1778 года преподавалъ Богословіе.

15. Іераксъ Емельяновъ, Іеромонахъ и Богословія учитель съ 1791 года по 1794.

16. Андрей Прокоповичъ Протоіерей съ 1794 по 1801 годъ; — потомъ Ректоръ.

17. Михаилъ Ольховскій 9 класса съ 1801 по 1810.

18. Павелъ Реипольскій 12 класса съ 1810 по 1817.

Инспекторы.

19. Кафедральный Протоіерей Афанасій Могилевскій съ 1817 по 1819; потомъ Ординарный Профессоръ Императорскаго Харьковскаго Университета.

20. Матвѣй Борисовъ Магистръ и Профессоръ Философскихъ наукъ.

ВЗГЛЯДЪ
НА
УКРАИНСКУЮ СТАРИНУ.

Справедливо Московскій нашъ историкъ (*) историческимъ средоточіемъ нынѣшней великолѣпной Россіи почитаетъ Москву и Московское Княжество. Мы, живущіе ниже 53° градуса широты къ Черному морю, помнимъ еще по-крайней мѣрѣ по разсказамъ нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, что прекрасныя долины между Дономъ и Днѣпромъ не были населены: что онѣ представляли то непроходимые лѣса и боры, то дикія поля, до которыхъ плугъ не касался — отъ вѣка-ли? — не знаемъ. Можетъ быть, онѣ и обработывались во времена Геродотовы; можетъ быть, однимъ изъ Славянскихъ племенъ! Но кто станетъ утверждать, чтобы *оно* носило имя *Русскаго*, чтобы тутъ *Россія* была?..

Странно однакоже: какимъ образомъ столь огромное пространство, равняющееся пространству не одного королевства Европы, плоскость конечно тридцати квадратныхъ градусовъ всѣхъ возможныхъ условій къ гражданской жизни, не привлекали къ себѣ жителей въ продолженіе столь-

(*) Профессоръ М. П. Погодинъ.

кихъ столѣтій . . . Имъ предпочитали холодныя и сырыя топи, безплодную глину на сѣверѣ, и тамъ основались города, учредились торжища, воздвиглись златоглавыя столицы! Изъяснить это *можно:* но какъ не удивиться съ перваго взгляду!

Порадуемся однакоже: мудрое наше Правительство обратило теперь прилѣжное вниманіе на сей край: это Правительство, которое—не по примѣру прочихъ странъ—всегда было просвѣщеннѣе своего народа, которое съ факеломъ въ рукѣ всегда идетъ впереди его и не ждетъ совѣта отъ *послушныхъ* своихъ дѣтей. Еще полстолѣтія, по самой большой мѣрѣ столѣтіе—и мы воздадимъ ему за его попеченія, какъ *добрыя* дѣти *умныхъ* родителей, благоденствіемъ нашимъ и славою предъ лицемъ народовъ. Тогда Историкъ будетъ сравнивать свое настоящее съ прошедшимъ, давно бывшимъ, сравнивать и восхищаться!

Но гдѣ уловитъ онъ это давно-прошедшее? Скоро отъ него не останется ниже слѣдовъ, подобно какъ отъ кочеванія ордъ на нашихъ земляхъ, или отъ земледѣльческаго быта племенъ, снабжавшихъ Грецію пшеницей изъ Пантикапія и Ольвіи за двѣ тысячи лѣтъ. Тщетно желалъ бы онъ вопросить Архивы, ихъ нѣтъ; или они представятъ ему лишь судебныя дѣла, достойно-покрытыя вѣковою пылью. Тщетно обратится онъ къ старшему поколѣнію. Оно не можетъ ему ничего сказать: обычаи измѣняются, какъ измѣняются покрои платья. Никто не обращалъ особливаго вниманія на это измѣненіе.

Вотъ почему намъ, старикамъ, въ семидесятыхъ годахъ нашихъ, остатку еще самовидцевъ или собесѣдниковъ съ дѣдами своего времени, должно сохранить для потомства,

хотя нѣкоторыя черты бывшей Украйны. Благодаримъ нашего повѣствователя о старинѣ, Григорія Ѳедоровича Квитку, передавшаго намъ изъ нея многое въ его Малороссійскихъ романахъ. Онъ живописно представляетъ намъ былое. Но романы будутъ подозрительны Историкамъ, потому самому, что они романы. Зная участіе, принимаемое въ нихъ воображеніемъ сочинителя, Историкъ вправѣ сомнѣваться и во всемъ.

Принужденіе къ уніи и варварскія мщенія Польскаго Правительства за несогласіе и упорство православныхъ въ принятіи оной, заставили тронуться Червонную Русь на переселеніе въ обильныя и пустыя мѣста нынѣшнихъ губерній: Полтавской, Харьковской, Курской и Воронежской. Это было въ концѣ XVI вѣка. До того времени мѣста эти были занимаемы изрѣдка и то по временамъ Крымскими выселками, ближе къ нынѣшнему обычаю—хуторами. Татарскія имена нѣкоторыхъ рѣчекъ и городовъ, сохраненныя пришельцами, это доказываютъ. Конечно одинъ воинственный народъ, съ копьемъ и саблей въ рукахъ, могъ отважиться на такое переселеніе, подверженное частымъ внезапнымъ набѣгамъ. Я представляю себѣ въ началѣ малочисленныя поселенія, подъ защитою дремучаго лѣса или землянаго, на-скоро сдѣланнаго вала. Десятка три, четыре крытыхъ соломою хатъ, между озерами Лопани и Харькова, въ бору непроходимомъ, были, вѣроятно, началомъ города, располагающаго теперь торговлею полуденнаго края Россіи, сотнями милліоновъ рублей. Лопань текла ближе къ холодной горѣ. Перелетные лебеди покрывали её. Дикія козы скрывались въ тростникахъ ея отъ медвѣдей и волковъ. Я имѣю берцовую кость козы (Gemse), вырытую

при мнѣ на Екатеринославской улицѣ изъ очевидно - наносной земли. Татаринъ иногда подкрадывался съ «холодной горы» и увозилъ дѣвку, моющую бѣлье или разстилающую полотна: тревога и погоня! Не всякой разъ однакожъ удавалось освобождать добычу. Козакъ Игнатъ Сѣренко, увидѣвъ на другой сторонѣ рѣки Татарина, который увозилъ его жену, рѣшился пустить въ слѣдъ за нимъ пулю изъ своей «ручницы» (*). Но къ большому счастію жена живая свалилась на землю. Застрѣленъ былъ наповалъ только похититель; а борзой конь достался козаку въ добычу . . . .

Не скоро показались начала земской собственности. Всякой, имѣющій плугъ, выбиралъ себѣ мѣсто для пашни по своему произволенію: чѣмъ далѣе къ Востоку, тѣмъ поселеніе было рѣже. Малороссія уже раздѣлена на полки и сотни, когда объ Ахтыркѣ, Харьковѣ, Изюмѣ и слуху еще не было. При умноженіи народа, постепенно въ бóльшемъ числѣ переходившаго Днѣпръ, начали и тутъ составляться полки по тому же образцу. Надобно было выбирать и старшинъ. Всего было естественнѣе признать ими Православныхъ пановъ, которые *вѣры ради* бѣжали вмѣстѣ съ народомъ «видъ *Ляхивъ и Уніи*». Такимъ образомъ Шидловскіе, Захаржевскіе, Квитки, которыхъ отдаленные сродники и нынѣ живутъ въ западныхъ, отъ Польши возвращенныхъ губерніяхъ, легче всего были избираемы Сотниками, изъ Сотниковъ Полковниками. — Впрочемъ, воинственные козаки мало заботились о фамиліяхъ.

(*) До введенія ружей стрѣляли порохомъ лишь изъ пушекъ, почему естественно было козакамъ первыя ружья назвать ручницами, то-есть: то, что въ рукахъ можно держать.

Они назывались просто *по именамъ*, съ прибавленіемъ званія: Полковникъ Иванъ, Полковникъ Кондратъ (Кондратій), Сотникъ Павелъ: подобно, какъ до нынѣ Турки (Рифанъ Паша, Хозревъ Паша, Даудъ Ага и т. д.). И вотъ происхожденіе Кондратьевыхъ, Павловыхъ, съ которыми не должно смѣшивать чисто Россійскихъ фамилій, прибывшихъ гораздо позже. Воображеніе представляетъ мнѣ этихъ старшинъ въ разноцвѣтныхъ «жупанахъ», разъѣзжающихъ по обширнымъ степямъ, въ намѣреніи вознаградить потерянныя въ червонной Руси имѣнія. Они первые должны были затѣять исключительную недвижимую собственность въ семъ дикомъ краю. И вѣроятно, такая собственность началась «съ пасѣкъ», мѣстъ посѣченныхъ въ лѣсахъ для поставки пчелиныхъ ульевъ,—«*оцежъ, панове, моя пасика буде нехай*!» сказалъ Полковникъ. Въ слѣдующую осень двинуты были и плуга на смѣжное поле; заведены и хутора для скота и лошадей. Годъ за годъ! кто бы подумалъ препятствовать или оспоривать? Мало по малу меньшіе подражали старшимъ; начались *владѣнія*. Отводы Россійскаго Правительства т. е. *Разряда*, подъ вѣденіе котораго поступили Слободскіе полки, начались не ранѣе тысяча шесть сотъ сороковыхъ годовъ. Я не находилъ ни въ одной изъ Московскихъ Архивъ никакихъ слѣдовъ грамотъ или указовъ на таковые отводы въ Царствованіе Михаила Θеодоровича.

Занявъ обширныя поля съ дремучими лѣсами всякаго рода, и оградивъ ихъ въ послушномъ, довольномъ и беззаботномъ народѣ урочищами, старшины начали утверждать ихъ за собою испрошеніемъ Царскихъ Грамотъ. Едва ли не первый примѣръ тому подалъ Ахтырскій Полков-

никъ Перекрестовъ, тонкій политикъ, не измѣнившій своему происхожденію. Онъ-же, испросивъ грамоту на чинъ Полковника сыну послѣ своей смерти, первый открылъ путь жалованія въ чины, которые до того получались единственно по избранію козаковъ и старшины. Со временемъ, полки: Сумской, Ахтырской, Харьковской, Изюмской и Острогожской, слѣдовательно и ихъ Полковниковъ, подчинили Бригадирамъ. Ѳедоръ Шидловскій былъ первымъ начальникомъ всѣхъ Слободскихъ полковъ. Онъ былъ и полновластнымъ раздавателемъ незанятыхъ до того земель: чему есть примѣры въ видѣ грамотъ, подобныхъ Малороссійскимъ Гетьманскимъ. Въ послѣдствіи начали присылать Бригадировъ изъ арміи. Эти и другіе изъ внутренной Россіи присылаемые чиновники женились на богатыхъ наслѣдницахъ края. Переселенцы, устремившіеся изъ за Днѣпра во множествѣ, не находя уже мѣстъ въ козацкихъ сотняхъ, начали водворяться на старшинскихъ земляхъ съ условіемъ работать по одному дню панщины въ недѣлю: т. е. обработывать «панскіе» ланы (*) и послуховаты въ иныхъ дѣлахъ. Поселяне этого вида назывались *подданными*. Слово не новое: ибо и всякій козакъ имѣлъ своихъ подданныхъ, покрайнѣй мѣрѣ двухъ, если не болѣе, обработывавшихъ пашню его, въ отсутствіе его самаго по службѣ: безъ сего онъ, козакъ, не получая ни пайковъ, ни мундира, ни жалованья, не могъ-бы существовать. Нечувствительно одинъ день превратился въ два. Высочайшимъ Указомъ, гораздо уже позднѣе, для единообразія съ внутреннею Россіею, постановлено три дня помѣщичьей

(*) Отведенныя на сей конецъ господскія пашни: Нѣмецкое Lahn.

работы въ недѣлю: т. е. *половина времени* по давнишнему обычаю *Половиковъ* Сѣверныхъ губерній, доставляющихъ владѣльцу земли половину, работою или ея произведеніемъ, добровольно, безъ всякой для себя тягости. И это условіе, вмѣсто платы деньгами за наемъ земли, кажется ближайшимъ къ природѣ.

Такимъ образомъ начали развиваться между бѣглецами отъ Польскаго угнѣтенія, заселившими пустыни, подчиненіе, собственность и гражданственность. Писавши на изустъ послѣ пожара, который истребилъ большую часть моихъ бумагъ, многотрудно собранныхъ въ теченіе 55 лѣтъ, не могу я хронологически опредѣлить постепенности вліянія Россійскаго Правительства на Украйну. Но это вліяніе прибывало въ большихъ мѣрахъ на Слободскіе полки, нежели на Малороссію. Города наши *прежде* заселились Великороссіянами (преимущественно торговыми людьми); школы *прежде* ввели Русскій языкъ. Главная квартира войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Турокъ, переходила по ближайшему направленію изъ Бѣлгорода, первоначальнаго притона Правительства въ семъ краѣ, въ Харьковъ, потомъ на короткое время занявъ Полтаву, въ Кременчугъ, Елисаветградъ и далѣе.... Малороссія оставалась въ сторонѣ, все еще управляемая своими Гетьманами и Магдебургскимъ правомъ, между тѣмъ, какъ Слободскіе полки, въ самомъ началѣ уже подчиненные Шереметьевымъ, Голицынымъ, не знали другаго Гражданскаго Закона, какъ только *Уложеніе*. Ландмилиція Елисаветы предъуготовила еще рѣшительнѣйшее сплавленіе съ исполинскимъ тѣломъ Цѣлаго. Россіяне внутреннихъ Губерній, всякаго званія и состоянія, чрезъ браки, торговлю и другія общежительскія

связи, перемѣшались съ Украинцами, пришельцами изъ за-Днѣпра, до того, что языкъ и обычаи, принесенные сими послѣдними, много измѣнились. Торговли было очень мало; промышленности еще менѣе. За половину уже XVIII вѣка путешествовавшій Академикъ Зуевъ видѣлъ въ Липцахъ на рынкѣ вмѣсто *продажи* произведеній, *мѣну* ихъ, какъ у полудикихъ народовъ.

О прочемъ стародавнемъ бытѣ Украинцевъ нельзя себѣ составить понятія, смотря на настоящій. «Нужда есть мать изобрѣтеній» старая пословиця! *Тогда* не было еще *нужды!..* Изобиліе плодовъ земныхъ и временъ мирныхъ всеобщее, продолжительное! Козакъ, высѣвая на дѣвственной черноземи *одинъ* мѣшокъ, собиралъ *сто* въ точное оправданіе Библейскаго выраженія (*). Садовлины изъ заведенныхъ небрежно садовъ некуда было дѣвать въ иной годъ! На моей уже памяти, промышленники, пріѣзжающіе изъ Москвы, нанимая садъ въ *двѣ*, *три десятины*, со склянковыми и путивльскими яблоками, дулями и гливами, которые плоды они въ строгомъ историческомъ смыслѣ—*подметали* изъ подъ деревьевъ *метлами*, платили неболѣе тридцати, сорока рублей, выручая, можетъ быть, тысячу. Я видѣлъ безграмотныхъ купцовъ, торговавшихъ въ переносныхъ лавочкахъ, которые, *послѣ*, составивъ себѣ милліоны, выстроили цѣлые гостинные дворы. Чтожъ прежде за сто лѣтъ, или болѣе, когда «четверть» ржаной муки продавалась на базарахъ *полковаго города*,

---

(*) Не одинъ подобный примѣръ цитировалъ мнѣ, еще юношѣ, стодвадцатилѣтній однодворецъ Масалитиновъ.—

гдѣ слѣдовательно *все* дороже, по 70 копѣекъ мѣдью, а овса четверть по 25 копѣекъ (*)!

Работы, и то нетрудной, подъ очаровательнымъ небомъ, было *конечно* неболѣе трети дней года, и то для мужчинъ уже возрастныхъ. Женщины и взрослыя дѣвицы лишь въ жатву помогали, или трудились однѣ при уборѣ своихъ коноплей и льну. Остальное время было наполняемо посѣщеніями подъ самымъ ничтожнымъ предлогомъ, свадьбами, кои нерѣдко продолжались по двѣ недѣли, крестинами и другими пирами, не включая «вечерницъ и досвѣтковъ» для молодыхъ людей обоего пола. Молодцы, съ закрученными усиками, *червоныя* шапки на бекрень, дѣвки разряженныя въ намиста (**) и ленты, обутыя въ цвѣтные «черевички», съ лицами живо изображающими довольство и счастіе, встрѣчались на каждомъ шагу. Были, *не безъ того* (какъ говорится), злоупотребленія власти! Но *когда* и *гдѣ* ихъ не бываетъ? Онѣ же рѣдко падаютъ на большинство народа. Люди вольные, изъ добра-ума, подчиняли себя сами. Любопытные документы сего рода— наилучшее доказательство благосостоянія и образа мыслей вмѣстѣ, попадались мнѣ во множествѣ. Власть-же верховная была истинно *святыня*! Нигдѣ въ Архивахъ Московскихъ и здѣшнихъ, не встрѣтилъ я ниже слѣда непослу-

---

(*) Оффиціальный рапортъ это доказываетъ. (См. прибавленія къ сей статьѣ въ отдѣлѣ Смѣси.) Отецъ одного изъ почтеннѣйшихъ нашихъ купцовъ, С. Ѳ. Карпова, сказывалъ мнѣ, что онъ покупалъ овцу въ гуртахъ по 43 коп. мѣдью.

(**) Измѣненное славянское слово *монисто*: ожерелье. Въ Украйнѣ оно обыкновенно состояло изъ алыхъ кораловъ, иногда весьма значительной цѣны, которые переходили въ наслѣдство отъ матерей къ дочерямъ и внучкамъ.

шанія или ропота, такъ-же и значительныхъ жалобъ на Начальство. Всякую перемѣну принимали въ глубинѣ сердецъ за отеческое намѣреніе *улучшить* бытъ народный.

Вотъ почему учрежденіе Слободско-Украинской губерніи въ 1765 году никого не изумило: напротивъ, принято большинствомъ народа всѣхъ званій за благодѣяніе.

Губернаторское управленіе попечительнаго Щербинина во многомъ довершило то, что начали Школы Коллегіума Голицыныхъ. Въ шестидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія, впервые показались въ домахъ, а потомъ и въ училищахъ, языки французской и нѣмецкій: т. е. присоединены къ поддерживаемому Князьями Голицыными Коллегіуму классы сихъ языковъ, равно какъ Математики и другихъ наукъ. Но они, въ послѣдствіи, были отдѣлены и переведены въ особый домъ, купленный у Полковника Тивьяшева.

Коллегіумъ остался въ бывшемъ каменномъ домѣ, первоначальномъ изъ каменныхъ домовъ въ Харьковѣ, Шидловскаго. Сіе-то отдѣленіе, подъ простымъ названіемъ *классъ* существовало до открытія Губернскаго народнаго училища Екатерины Великой. Впрочемъ, что въ Коллегіумѣ усердно занимались науками еще въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны, тому нашелъ я доказательство въ письмѣ путешественника, Академіи наукъ Адъюнкта Юнкера, къ тогдашнему Президенту Академіи, Барону Корфу. Ученый этотъ хвалитъ просвѣщеніе Ректора и Префекта, и проситъ содѣйствовать ему къ доставленію, въ сходство желанія ихъ, физическихъ инструментовъ, именно: воздушнаго насоса и электрической машины. Я увѣренъ, что столь ранніе успѣхи въ Харьковѣ, Козацкомъ

Полковомъ городѣ, не болѣе, за сто лѣтъ и меньше нежели во сто лѣтъ отъ первоначальнаго его заселенія среди пустынь, удивитъ читателей. Коллегіумъ воспиталъ многихъ Государственныхъ мужей, Архіереевъ, Губернаторовъ, отличнѣйшихъ врачей и даже отличныхъ воиновъ; ибо Дворянство въ немъ училось совмѣстно съ Духовенствомъ (*). Правда, что большая часть даровитыхъ студентовъ окончивали свое образованіе въ С. Петербургѣ, Москвѣ или въ чужихъ краяхъ. Между учителями замѣтимъ *Сковороду* и Протоіерея *Шванскаго*. Я имѣлъ еще честь въ моей молодости видѣть сихъ почтенныхъ мужей, которые въ свое время могли-бы занять мѣсто между Германскими учеными наиболѣе уваженными.

Между тѣмъ явились и образованные помѣщики, хотя въ весьма еще маломъ числѣ. Къ нимъ принадлежитъ Александръ Александровичъ Палицынъ и творецъ—при всѣхъ нынѣшнихъ успѣхахъ въ Литературѣ—незабвенной *Душеньки*, Ипполитъ Ѳедоровичъ Богдановичъ. Палицына же одно стихотвореніе и одно письмо помѣщены въ семъ Сборникѣ (**). Онъ имѣлъ вкусъ въ Архитектурѣ, которою прилежно занимаясь, украсилъ нѣсколько нашихъ городовъ

(*) Эта-же идея: т. е. что первоначальное испытаніе и ученіе, въ просвѣщенномъ Государствѣ для всѣхъ классовъ народа необходимое, должно быть общимъ, совмѣстнымъ; а въ послѣдствіи уже спеціальнымъ, судя по потребностямъ *каждаго* званія — эта идея представлена была въ 1802 году въ Проэктѣ Харьковскаго Дворянства объ учрежденіи Университета. — См. Смѣсь.

(**) См. Смѣсь. *Издатель.*

и множество селъ церковными и другими зданіями (*). Дѣйствуя на богатыхъ помѣщиковъ, въ числѣ которыхъ, Шидловскіе и Надаржинскіе были его друзьями, онъ заохотилъ ихъ къ строеніямъ, лучшему расположенію домовъ, украшенію ихъ приличными мебелями, къ заведенію библіотекъ и т. п. Ему обязаны мы большею частію началами Европейскаго быта въ Украйнѣ. Я помню еще, что домы помѣщиковъ, имѣвшихъ отъ 500 до 1000 душъ, были покрыты тростникомъ, что въ гостиныхъ стояли лавки, покрытыя коврами, что за столомъ служили дѣвки «въ бѣлыхъ сорочкахъ, пестрыхъ спидницяхъ и червоныхъ черевыкахъ», что главные паны въ Губернскомъ городѣ хаживали по улицамъ съ музыкой надвесель; какія заключались условія между богатыми помѣщиками и Нѣмцами учителями, не далѣе, какъ въ 1800 году, любопытные могутъ видѣть въ напечатанномъ здѣсь, *безъ малѣйшаго измѣненія*, списка контракта (**). Мы стремимся къ Европейской образованности на *крыльяхъ вѣтра*, можно сказать. *Все* соотвѣтствуетъ приращенію народонаселенія. Гдѣ за двѣсти лѣтъ были дикія степи и непроходимые лѣса, гдѣ за сто лѣтъ съ небольшимъ по переписямъ не нашлось болѣе двухъ сотъ семидесяти одной тысячи душъ, тамъ

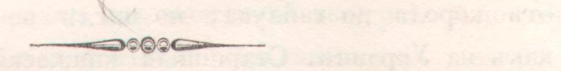
(*) Портреты А. А. Палицына, Богдановича, Сковороды, сочинителя сей статьи, недавно скончавшагося, и другихъ лицъ, преимущественно содѣйствовавшихъ къ распространенію просвѣщенія въ благословенной Украинѣ, будутъ помѣщены въ слѣдующихъ выпускахъ Молодика. Біографію Палицына предоставляемъ написать отличному дворянину, его наслѣднику въ имѣніи и добродѣтеляхъ, воспитанному имъ, котораго нѣсколько давныхъ писемъ изъ Италіи, помѣщено въ семъ сборникѣ. См. Смѣсь.

(**) См. Смѣсь. *Издатель.*

теперь до четырехъ милліоновъ обоего пола (*). Гдѣ за сорокъ лѣтъ еще стояли утлыя хаты подъ соломой, тамъ теперь домы въ три жилья, убранные съ Парижскимъ и Лондонскимъ изяществомъ. До открытія Университета, кто бы подумалъ, что въ Харьковѣ будетъ каменный, весьма благообразный театръ, пять Аптекъ, неуступающихъ столичнымъ, четыре Литографіи, двѣ Типографіи, — могли-бъ существовать еще двѣ . . . .

В. Каразинъ.

Харьковъ. 1842.

(*) Разумѣя въ томъ и другомъ случаѣ всѣ три губерніи, подчиненныя одному Генералъ-Губернатору. См. Смѣсь.

ПЕРВЫЯ ВОЙНЫ

МАЛОРОССІЙСКИХЪ КОЗАКОВЪ.

Жалкое зрѣлище представляла Польша въ концѣ XVI вѣка. Со смертію Баторія какъ будто судьба произнесла надъ нею приговоръ свой. Власть короля ослабѣвала, своевольные магнаты забыли всякія границы буйству; на сеймахъ не было ладу, въ судахъ правосудія, въ управленіи порядка, въ законахъ святости. Всѣ были недовольны, отъ короля до гайдука; но нигдѣ не было такъ худо, какъ на Украинѣ. Старинныя княжескія и боярскія фамиліи негодовали на потерю своей литовско-русской самостоятельности, жалѣли о соединеніи великаго княжества съ королевствомъ, страшились за Вѣру; простой народъ до крайности былъ измученъ помѣщиками, а пуще жидами *орандарями*, которыхъ притѣсненія тѣмъ были несноснѣе, что и суда негдѣ было искать; къ тому еще буйное *жолнѣрство* пировало себѣ на счетъ ободранныхъ мужиковъ и, зимуя по деревнямъ, безнаказанно буйствовало. Духовенство роптало на стѣсненіе Церкви, на обиды отъ пановъ и урядниковъ, на оскорбленія отъ ксензовъ. Досталось и козакамъ на ихъ долю: запретили выходить въ походъ безъ воли Короннаго Гетмана, начали употреблять

ихъ на работы. Всѣмъ было худо, но не всѣ равно думали, какъ помочь горю. На примѣръ, дворянство: тѣ, которые не забыли говорить по своему, и чувствовали, что они Русскіе, хотѣли какъ нибудь уладить съ Поляками мирно: на сеймахъ, депутаціями и убѣжденіями. Но Польша умѣла ихъ проводить: дадутъ привиллегію на какія-нибудь права и *вольносты*, да вслѣдъ за тѣмъ и пошлютъ нарушать ихъ; самъ же Король отговаривается, что все дѣлается противъ его воли, что онъ далъ привиллегію— и правъ. Духовенство еще хуже думало помочь своему горю. Безсильные мужики тайкомъ шептали: ахъ, если бы кто нибудь вступился за нихъ и *вызволилъ* изъ подъ этаго ярма! А Казаки такъ говорили во всеуслышаніе: пришла пора посчитаться съ Ляхами; коли наши права *руйнуютъ*, коли православную вѣру *вражаютъ*, такъ дадимъ же мы имъ!—Умные Казаки напередъ знали, что лаской и покорностью съ Поляками имъ ничего не выиграть и потому рѣшились посчитаться мечами и копьями.

Первое непріятельское дѣйствіе противъ Поляковъ, предпринятое съ цѣлію освобожденія отъ польскаго ига, оказали Казаки въ 1594 году подъ начальствомъ гетмана Криштопа Косинскаго. Этотъ Косинскій былъ шляхтичь изъ Полѣсья, Полякъ родомъ и вѣрою. Не ужившись на родинѣ, онъ покинулъ ее, и вскорѣ явился въ Украинѣ. Въ тотъ вѣкъ такъ было: если человѣку худо на свѣтѣ, нѣтъ ни въ чемъ удачи,—иди онъ въ монастырь, или въ *Сичь*: въ монастырѣ онъ скроется отъ людей, въ Сичѣ будетъ бить ихъ. Такъ и Косинскій: пришелъ въ Сичь, принялъ православную Вѣру, а можетъ быть сказалъ, что принялъ ее, и сталъ Козакомъ. Козаку не долго подняться

вверхъ, особенно умному и храброму; Косинскій ходилъ въ Крымъ, на Дунай, воевалъ съ Татарами и Турками, пріобрѣлъ между товарищами славу и въ скоромъ времени сталъ Гетманомъ, на зло своимъ соотечественникамъ Полякамъ. Косинскій былъ первый Гетманъ, избранный вольными голосами, безъ позволенія Поляковъ, и первый сталъ доказывать значеніе своего сана. Запрещено воевать съ Татарами — Косинскій не только билъ нехристей, но еще сносился съ Московскимъ царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ и вызывался помогать ему въ войнахъ съ Крымцами. Но что важнѣе всего, Косинскій задумалъ освободить Украину отъ Польши, хотѣлъ быть на самомъ дѣлѣ независимымъ гетманомъ. Много молодцевъ раздѣляло съ нимъ эту мысль, а славнѣе всѣхъ его сподвижниковъ былъ Иванъ Лобода, Полковникъ Переяславскій. Козакъ душею и тѣломъ, исполинскаго росту, мужественнаго вида, страшный гуляка на пирахъ, отважный и бѣшеный рубака въ сѣчахъ — Лобода уже ни разъ задавалъ бѣды Татарамъ, усѣвалъ широкія степи буджацскими трупами; знали его и въ Молдавіи, и Валахіи, и по тотъ бокъ моря, — имя Лободы гремѣло въ народныхъ пѣсняхъ и разсказахъ. Но всѣ прежніе подвиги ему теперь нипочемъ. Поляки утѣсняютъ права козацкія, а Лобода воленъ какъ птица, родился на степяхъ, не зналъ никогда господина и знать его не хочетъ; Поляки утѣсняютъ православіе — а Лобода душу готовъ положить за малѣйшее оскорбленіе его святости. Услышавши о предпріятіи Косинскаго, онъ въ скоромъ времени явился на той сторонѣ Днѣпра съ огромною дружиною, набранною около Переяславля, Кіева, Лубенъ и другихъ мѣстъ; большую часть ея составляли тѣ несчаст-

ные рабы, которыхъ польская тираннія заставляла покидать женъ и дѣтей и искать въ лѣсахъ и степяхъ свободы и мщенія. Войско козацкое стало подъ Тарнополемъ. Съ каждымъ днемъ приходили къ нему новые отряды, и уже число подчиненныхъ Косинскаго простиралось за 7000; но Косинскій еще ничего не предпринималъ: онъ сражался не изъ добычи, а для освобожденія Украины, и зналъ, что въ такомъ великомъ предпріятіи надлежитъ дѣйствовать, собравшись съ силами.

Косинскій зналъ, что князь Острожскій, знаменитый вельможа, сенаторъ, воевода кіевскій, пышный и тщеславный до того, что платилъ 70000 р. воеводѣ, чтобъ тотъ постоялъ предъ нимъ разъ въ годъ, благотворительный до того, что содержалъ 2000 бѣдныхъ дворянъ, — былъ Русскій по душѣ и по крови, потомокъ Св. Владиміра, и до того привержень къ православію, что каждый годъ въ первую и страстную недѣлю В. Поста ходилъ въ рубищѣ, изнурялъ себя голодомъ и подвигами въ стѣнахъ Дубенскаго монастыря. Къ нему-то послалъ Косинскій пословъ просить помощи, надѣясь, что князь взвѣситъ правоту его дѣла и приметъ участіе въ освобожденіи Руси. Острожскій, вѣроятно довольный лестью гетьманскихъ пословъ, обошелся съ ними ласково, но не согласился на предложеніе Косинскаго. Козацкій предводитель хотѣлъ силою заставить князя участвовать въ освобожденіи отечества, вторгся во владѣнія Острожскаго, началъ набирать его подданныхъ въ свои ряды, непослушныхъ наказывалъ и угрожалъ князю. Острожскій устрашился, собралъ подчиненную себѣ шляхту; сосѣдніе паны присла-

ли ему помощь въ людяхъ; а сынъ его Янушъ, заклятый папистъ, привелъ изъ Волыни отличныхъ копейщиковъ или гусаръ. Войско польское, неизвѣстно какъ велико, двинулось противъ козаковъ. Косинскій между тѣмъ разослалъ прокламацію по всей Украинѣ, призывая народъ къ возстанію; а самъ выступилъ изъ Тарнополя, подошелъ къ Пяткову и окопался. Сила Острожскаго казалась ему ничтожною. Чтобы не терять времени, онъ отрядилъ Лободу съ значительнымъ количествомъ козаковъ въ сосѣднія мѣста набирать ополченія, заготовливаясь на-далѣе, а самъ думалъ съ остаткомъ прогнать Острожскаго.

Оплошность и самонадѣянность Косинскаго допустила Острожанъ приблизиться къ окопамъ: началась перестрѣлка. Можетъ быть, несогласія въ козацкомъ войскѣ, можетъ быть, неожиданная тактика противниковъ, а можетъ быть что-нибудь другое, непереданное намъ лѣтописями, перемѣнило судьбу сраженія въ пользу Острожскихъ, которымъ въ началѣ грозило разбитіе. Какъ бы то ни-было, но Янушъ съ своими гусарами такъ ловко ударилъ на козаковъ, что тѣ никакъ не могли удержать напора ихъ длинныхъ копій; бились-бились, хотѣли вырваться изъ окоповъ — имъ не дали; 3000 легло на мѣстѣ . . . . вдругъ появилось войско Лободы — Острожане отступили (*). Косинскій хотѣлъ поправить свою ошибку, и въ самомъ дѣлѣ уже по всей Украинѣ поднималъ мятежъ, пользуясь благопріятнымъ временемъ; потому что польское войско было за-

(*) Лубенскій говоритъ, что будто Косинскій отдался въ плѣнъ и князь простилъ его. Это принадлежитъ къ такимъ же вѣроятнымъ сказаніямъ, какъ и то, что будто у Острожскаго было всего на-всего 500 человѣкъ (!!).

нято; надѣялся дѣйствовать осторожнѣе и благоразумнѣе; надѣялся многаго—вдругъ лазутчики внезапно схватили его . . .

Каковъ былъ конецъ Косинскому, объ этомъ лѣтописи говорятъ разно. Но вообще всѣ согласны въ томъ, что онъ погибъ насильственною смертiю.

Косинскаго не стало; но во всѣхъ концахъ южной Руси начались мятежи. Появились гайдамаки — смѣсь пришлецовъ со всѣхъ сторонъ свѣта съ Украинцами, которыхъ польское самовластiе вывело изъ терпѣнiя; по городамъ и деревнямъ убивали Жидовъ и Поляковъ; въ Кiевѣ разорили католическiй монастырь; въ Переяславлѣ Лобода отправилъ кровавую тризну надъ падшими подъ Пятковымъ. Крестьяне бунтовали противъ польскихъ помѣщиковъ и заставляли многихъ оставлять свои имѣнiя и бѣжать къ трону Сигизмунда испрашивать защиты.

Но Сигизмундъ былъ тогда въ Штокгольмѣ. Враги Польши, пользуясь временемъ, принялись вредить ей. Изъ внутреннихъ враговъ опаснѣе былъ Лобода: онъ неутомимо раздувалъ въ Украинѣ пламя возстанiя, и уже слава его дошла до нѣмецкаго императора. Рудольфъ вздумалъ употребить этаго человѣка въ свою пользу и послалъ къ нему хоругвь, дары и деньги, прося рыцарей-козаковъ разорить юрьевскую ярмарку. Императоръ имѣлъ здѣсь двѣ цѣли: во первыхъ повредить Польшѣ, потому что Турки не оставятъ разбоя этаго безъ наказанiя; во вторыхъ отклонить отъ себя силу невѣрныхъ, по крайней мѣрѣ раздѣлить ее. Лобода обрадовался такому предложенiю: если онъ сдѣлаетъ набѣгъ на турецкiя владѣнiя, Турки нахлынутъ на Польшу. Къ Лободѣ присталъ еще какой-то Хлопицкiй, жившiй нѣкогда при дворѣ Стеф. Баторiя. Съ

3000 козаковъ отправились они въ походъ, дошли до Бѣлграда; отъ него недалеко лежало и мѣстечко Юрьево. Въ самое то время была ярмарка, знаменитая и великолѣпная въ томъ вѣкѣ. Козаки неожиданно напали на Юрьево, обратили его въ пепелъ, грабили, опустошили ярмарку и возвратились съ богатою добычею. Вскорѣ Хлопицкій былъ пойманъ, но убѣжалъ снова, и скрылся въ Германію.

Рудольфъ нѣсколько ошибся въ разсчетахъ; Лобода остался съ лучшимъ выигрышемъ. Турки, понимая дѣло такъ, что австрійскій дворъ научаетъ Польшу вредить имъ, послали въ Венгрію войско, которое, встрѣтивъ сначала сопротивленіе въ Мансфельдѣ, послѣ того разбило на голову австрійское войско подъ начальствомъ эрцъ-герцога Матѳія. Немного утѣшенія римскому цезарю.

Гораздо болѣе утѣшенія козацкому Полковнику. Орда Татарская явилась въ Молдавіи, а оттуда поворотила на Покутье: Енятинъ, Закусь, Глумачъ обращены въ пепелъ; немногочисленные отряды подъ начальствомъ Потоцкаго и Влодека не могли остановить ихъ; Татары разорили Тышмѣницу и Колюжу и разсѣялись по Червоной Руси; все жгли, истребляли, умерщвляли людей, вопреки обыкновенному своему обычаю забирать въ плѣнъ, и только щадили женщинъ и дѣвушекъ. Чермная Русь покрылась кровью и пепломъ. И теперь еще нельзя безъ сострađанія читать народныхъ пѣсень того времени, гдѣ описывается, какъ плѣнныя дѣвушки бѣжали босикомъ по песку и каменьямъ, съ веревками на шеяхъ, жалуясь, что ихъ русыя косы уже не расчесываетъ мать, а растрепываетъ Татаринъ бичемъ.

Сигизмунда еще не было. Канцлеръ Замойскій, управ-

лявшій въ отсутствіе его королевствомъ, одинъ изъ величайшихъ мужей своей націи, послалъ прокламацію къ сенаторамъ и панамъ, представляя, что Речи Посполитой угрожаетъ опасность, и умолялъ ихъ собрать свои войска и спѣшить на защиту отечества. Иные читали прокламацію и хвалили, другіе притворялись, будто за отдаленностію мѣста не получили ее; Великополяне и Поморяне, зная, что до нихъ Татарамъ далеко, говорили, что если имъ нѣтъ опасности, то зачѣмъ они и пойдутъ.

Замойскій издалъ новую прокламацію, подъ назв: de publica negligentia, въ которой черными красками изобразилъ польскую шляхту. Но и это не помогло. А между тѣмъ Татары подвигались далѣе и далѣе: уже Покутье и часть Чермной Руси опустошили до крайней степени; уже проникли въ Волынь, разливая пламя и засѣвая трупами равнины украинскія, а Поляки все были хладнокровны къ бѣдѣ соотечественниковъ. Только тѣ паны, у которыхъ на югѣ были имѣнія, собрали отряды, и то уже тогда, когда имъ грозила видимая опасность. Такимъ образомъ, Янушъ, Князь Збаражскій и Юрій Мнишехъ, воевода Сандомірскій, соединились съ Замойскимъ подъ Самборомъ и перерѣзали дорогу варварамъ. Татары отступили. Замойскій искусно прогналъ ихъ въ Венгерскую землю и наконецъ очистилъ Русь отъ злодѣевъ.

Украинцы, потерпѣвшіе отъ Татаръ, оставшись безъ хлѣба, безъ пристанища, жаловались на судьбу, роптали на Польское правительство, требовали вспомоществованія, и не получая его ниоткуда, неистовствовали. Къ большему огорченію разоренныхъ, къ большему страху тѣхъ, до которыхъ не достигло разореніе, разносился слухъ, что

Татары снова хотятъ ворваться въ Королевство. Но вотъ пріѣхалъ и Король; собрали сеймъ, положили предпринять мѣры противъ татарскихъ набѣговъ; а нѣкто Язловѣцкій намѣревался проникнуть въ Крымъ и послалъ просить участія козаковъ, надѣясь, что жажда добычи увлечетъ ихъ.

Худо понимали Ляхи козаковъ: Лобода посмѣялся, поманилъ ихъ обѣщаніемъ и отправился вмѣсто Крыма въ Молдавію, гдѣ ограбилъ и разорилъ Яссы. Посланные противъ него польскіе отряды были разбиты козаками подъ Ямполемъ. Козаки разсѣялись по Волынѣ, Подоли, Чермной Руси; къ нимъ присоединились разоренные Татарами, бездомные и сирые, гонимые за вѣру, всякаго рода удальцы, недовольные осѣдлою жизнію. Пламя обхватило всю Украину. Козаки брали города, и жители принимали ихъ, какъ избавителей: вырѣзывали гарнизоны, вѣшали и топили Жидовъ . . . ко всѣмъ прежнимъ причинамъ неудовольствій присоединилась еще новая важнѣйшая: тогда уже распространялась Унія и отдавались на поруганіе православныя церкви.

Между тѣмъ Польшѣ грозила внѣшняя опасность: Седмиградскій князь Баторій покусился овладѣть Молдавіею, но былъ прогнатъ Турками; и Султанъ положилъ обратить Молдавію въ турецкую провинцію. Замойскій предвидѣлъ, что если Турки раздвинутъ свои владѣнія по Днѣстръ, тогда у Польши подъ бокомъ будетъ злой врагъ, всякій часъ готовый нанести ей опустошеніе. Чтобы предупредить такое бѣдствіе, надобно было не допустить Турковъ овладѣть Молдавіею; и вотъ Замойскій отправился въ эту страну, и возвелъ на престолъ князя Іеремію Могилу, обя-

завшагося быть въ послушаніи у польской Короны. Но во время блестящихъ успѣховъ войскъ польскихъ въ Молдавіи, Лобода съ пятью полками козаковъ выступилъ противъ высланныхъ на него Поляковъ и разбилъ ихъ. Сраженіе произошло у Пяткова, на томъ самомъ полѣ, гдѣ легли воины Косинскаго. Оттуда Лобода ушелъ на Днѣпръ, собралъ на Бугаевской радѣ старшинъ; — положили избрать гетьмана.

Между предводителями гайдамацкихъ шаекъ, бродившихъ по южной Руси, славился больше всѣхъ одинъ, по имени Павло Наливайко. Родитель его былъ купцемъ въ Острогѣ; старшій братъ служилъ въ замкѣ князя Константина Острожскаго протопопомъ, — меньшой занимался пушною торговлею; Наливайко полюбилъ козачество и войну. У него подъ начальствомъ было многочисленное войско, составленное изъ разнаго рода несчастныхъ, обиженныхъ неустройствами и притѣсненіями, и пришлецовъ, которые, не уживаясь на родинѣ, искали убѣжища въ степяхъ Украины.

Наливайко ходилъ въ Седмиградскую область, сносился съ эрц-герцогомъ Максимиліаномъ, и на возвратномъ пути чрезъ Галицію предавалъ огню и мечу враговъ православія и козачества. Его-то избрали козаки гетьманомъ, съ уговоромъ, что бы онъ слушался рады, коей первыми членами были Лобода, Овара полковникъ Гадяцкій и хорунжій Шашка. Горько было Лободѣ: ему, бывшему столько лѣтъ представителемъ козачества, предпочли новичка. Но Лобода скрѣпилъ сердце и хотя выказалъ сильное огорченіе и удалился съ своею дружиною, однако не запятналъ себя непріязненными дѣйствіями. Отправясь съ хо-

рунжимъ Саулою въ Кіевское воеводство и Малороссію по сю сторону Днѣпра, онъ очищалъ этотъ край отъ польской шляхты, занималъ города, ежедневно увеличивая свои ряды бѣглыми, особенно отъ князей Острожскихъ и Вишневицкихъ. Вскорѣ Саула отправился въ Бѣлоруссію.

Прочія козацкія дружины разсѣялись по Волынѣ, Подолѣ, Покутьѣ, разорили Самборъ, Луцкъ, Брацлавъ, Могилевъ на Днѣстрѣ; королевскіе и панскіе зáмки были превращаемы въ пепелъ; козаки налетали на безпечныхъ пановъ и истребляли ихъ среди веселости, танцевъ и забавъ. Прежде богатые и сильные магнаты теперь являлись въ Польшу бѣдными бѣглецами, лишенные всего, счастливые и тѣмъ, что удалось спасти жизнь. Радостная вѣсть освобожденія распространилась по Руси: Волынь и Бѣлоруссія поднимались. Наливайко направилъ туда свой походъ. Прошедши нынѣшнюю Минскую губернію, онъ достигъ Могилева на Днѣпрѣ, осадилъ его и требовалъ сдачи города. Могилевъ былъ почти исключительно наполненъ Поляками и Уніатами, которые рѣшились обороняться. Козаки пошли на приступъ; гарнизонъ польскій не выдержалъ натиска и погибъ въ сѣчѣ; Жиды и Уніаты перерѣзаны и перетоплены; Могилевъ сгорѣлъ до послѣдней избы, городъ богатый и славный своими мануфактурами и торговлею. Только обгорѣлые пни и колоды возвѣщали о гóрѣ, постигшемъ ляшское племя; только орлы и змѣи, потѣшаясь богатствомъ яствъ, объѣдались вражьими тѣлами. Но не одинъ Могилевъ — и другіе города испытали подобную участь, — всюду разлилось возмущеніе, вездѣ производились пожары и убійства: дымъ и паръ донеслись до польскаго двора. Посланъ былъ гонецъ

въ Молдавію, съ предписаніемъ Гетьману Жолкѣвскому немедленно возвратиться въ Русь для усмиренія мятежниковъ.

Наливайко, раздѣлавшись съ бѣлорусскими Жидами и Уніатами, опять кружилъ по Подоли и Покутьѣ, вѣроятно набирая новыхъ охотниковъ. Тамъ онъ услышалъ о приближеніи Жолкѣвскаго. Это было въ февралѣ 1596 года. Польская армія была въ незавидномъ положеніи: изнуренная походами, не успѣвъ отдохнуть на постояхъ, она должна была еще терпѣть отъ жестокой зимы, бывшей въ томъ году. Наливайко не хотѣлъ вступить съ Поляками въ сраженіе, а принялъ иную тактику: думалъ изнурить еще болѣе непріятеля и заставлялъ Жолкѣвскаго по цѣлымъ днямъ и ночамъ гнаться за козаками, а самъ бросался во всѣ стороны. Такъ, допустивъ къ себѣ Поляковъ въ Лабунйовичахъ, сей часъ ушелъ къ Острополю. Не успѣлъ гетьманъ съ своими изнуренными солдатами дотащиться до этаго города — уже Наливайко съ своими залетными козаками шелъ по дорогѣ къ Пикову. Только арьергардъ малороссійскій, занявъ селеніе Мацейовичи, безпечно предался пьянству. Ночью неожиданно напали на нихъ Поляки, требовали сдачи; козаки рѣшились драться, но спьяна ничего не могли сдѣлать. Жолкѣвскій зажегъ деревню; козаки были истреблены, иные взяты въ плѣнъ.

Между тѣмъ Наливайко прибылъ въ Пиковъ. Жолкѣвскій за нимъ гнался и остановился въ Острополѣ: войско не могло далѣе идти; притомъ же и лошади, искалѣчивъ себѣ ноги по снѣгу и гололедицѣ, требовали хоть сколько нибудь отдыха и корма. Переночевавъ въ Острополѣ, Поляки рано утромъ выступили, дошли до Пикова, и Жолкѣвскій къ сильной досадѣ узналъ, что Наливайко назадъ

тому пять часовъ пошелъ по брацлавской дорогѣ. Во что бы то ни-стало, Жолкѣвскій рѣшился догнать его и усиленнымъ маршемъ думалъ перерѣзать ему дорогу. Цѣлую ночь, цѣлый день послѣ того шли Поляки безъ отдыха и къ вечеру дошли въ селеніе Домбровку, на рѣчкѣ Ольшанкѣ. Люди и лошади пропадали не ѣвши; войско рѣшительно было неспособно къ битвѣ. Козаки поворотили съ брацлавской дороги на другую, почти въ виду непріятеля, который гонится за ними, догоняетъ, — и ничего не можетъ сдѣлать. Рано утромъ образумился Жолкѣвскій, но узналъ отъ схваченныхъ козаковъ, что ихъ предводитель перешелъ рѣку Собь и пустился по дикой уманской степи.

Что думалъ Наливайко? Почему не вступилъ въ сраженіе при Ольшанкѣ? Можетъ быть, зная горячность Жолкѣвскаго, Наливайко надѣялся, что онъ и туда за нимъ погонится: въ такомъ случаѣ вѣрный успѣхъ былъ бы на сторонѣ Малороссіянъ. Что могло сдѣлать въ безлюдной степи, зимою, безъ всякаго продовольствія, польское войско, истощенное уже и безъ того до крайности длинными и безполезными походами? Козакамъ степь и всѣ лишенія нипочемъ — степь была имъ довольно извѣстна; Полякамъ же, изнуреннымъ переходами отъ деревни до деревни, начать переходы изъ яра въ яръ, изъ дебри въ дебрь — значило идти на явную гибель. Тамъ бы не медлилъ Наливайко, не избѣгалъ бы сраженія, а принудилъ по неволѣ Поляковъ биться; и едва ли бы самъ Жолкѣвскій не остался на снѣгахъ, безъ погребенія, добычею хищныхъ звѣрей! Никто изъ козаковъ не проникъ хитраго намѣренія вождя: онъ со всею малороссійскою скрытностію хранилъ его въ

глубинѣ души своей; его подчиненные имѣли къ нему полную вѣру и простодушно говорили: Тількп Богъ святый знае, що Наливайко думае-гадае!

Однако при всей хитрой тактикѣ, при всемъ умѣньи скрывать свои намѣренія, прикидываясь въ глазахъ Поляковъ трусомъ, показывая видъ, будто, не смотря на значительное количество своего войска, онъ не смѣетъ вступить въ сраженіе, и тѣмъ возбуждая во врагахъ самонадѣянность, Наливайку не удалось. Наливайко хитрилъ и перехитрилъ. Жолкѣвскій не рѣшился слѣдовать въ снѣговыя степи, и размѣстилъ свое войско по деревнямъ, лежащимъ на границѣ степи, распустилъ слухъ, что скоро выступитъ, отдыхалъ и дожидался свѣжихъ силъ.

Такъ стояли нѣсколько недѣль два непріятельскія войска, раздѣленныя снѣгами и дебрями. Положеніе наливайкова войска было пренесносное. Козаки расположились на той сторонѣ рѣки Чорни-Воды, питались конскимъ мясомъ, а лошадей кормили прутьями. Предводитель, опасаясь за жизнь свою, (потому что между козаками начинался ропотъ), искалъ средствъ, какъ бы выйти изъ степи и послалъ двухъ гонцевъ: одного къ Струсю, брацславскому старостѣ, съ прошеніемъ помирить его съ Жолкѣвскимъ, надѣясь тѣмъ выиграть время и соединиться съ Лободою; а другаго послалъ къ Лободѣ, прося соединиться съ нимъ и забыть старыя неудовольствія. Жолкѣвскій, не получая до тѣхъ поръ подкрѣпленій, желалъ прекратить войну; но проникая хитрыя намѣренія Наливайка, не принялъ его предложенія, а послалъ къ Лободѣ, какъ *истинному козаку, а не атаману гайдамацкой шайки,* обѣщая ему королевскую милость и прощеніе въ случаѣ покорности.

Лобода, въ то время, какъ Жолкѣвскій гнался за Наливайкомъ, грабилъ Баръ и его окрестности съ 700 козаковъ и отдуда пришелъ въ Бѣлую-Церковь. Тамъ онъ встрѣтилъ гонцевъ отъ Жолкѣвскаго и Наливайка. Съ Наливайкомъ нечего было постановлять условій, потому что Лобода и не думалъ ему вредить; а что касается до гонца Жолкѣвскаго, то, по опредѣленію рады, онъ былъ отправленъ безъ отвѣта. Козаки подъ начальствомъ Саулы соединились съ войскомъ Лободы, и все ополченіе отступило къ Кіеву.

Между-тѣмъ на помощь Жолкѣвскому, который уже стоялъ въ Пиковѣ, шелъ князь Рожинскій съ свѣжимъ отрядомъ и получилъ отъ него на дорогѣ предписаніе остановиться въ Паволочѣ, городѣ важномъ по своему положенію и укрѣпленномъ самою природою. Рожинскій, собравши около себя разоренныхъ украинскихъ пановъ, ловилъ козаковъ и умерщвлялъ. Дошла молва до Кіева. Собрана рада: послали Шашку съ 3000 разорять имѣнія Рожинскаго; самъ же Лобода отправился въ Переяславль, а въ Черкасахъ былъ уже и Наливайко. Шашка сталъ въ Хвастовѣ и послалъ освѣдомиться о силѣ непріятеля 300 человѣкъ передней стражи. Рожинскій не утерпѣлъ, не выполнилъ повелѣнія гетьмана, выскочилъ изъ Паволочи и разбилъ стражу. Шашка побѣжалъ назадъ, можетъ быть думая, что у Рожинскаго много войска, а можетъ быть и довольный тѣмъ, что выгналъ его изъ Паволочи. Вслѣдъ за тѣмъ 8000 козаковъ подвинулось къ Бѣлой-Церкви.

Рожинскій не пошелъ уже назадъ въ Паволочь, хотя, какъ увѣряютъ, у него было войска не болѣе тысячи; но спѣшилъ занять Бѣлую-Церковь. По мнѣнію Поляковъ,

ему слѣдовало бы запереться въ Бѣлоцерковской крѣпости и ожидать тамъ Жолкѣвскаго; но Рожинскій не любилъ медлить.

Вечеромъ 2 апрѣля, Савула съ авангардомъ расположился таборомъ около Бѣлой-Церкви. Рожинскій намѣревался ночью сдѣлать вылазку и напасть неожиданно на козацкій таборъ. Наливайко съ 3000 козаковъ думалъ ночью устремиться на городъ и крѣпость и перебить сонныхъ Поляковъ. Ночь была темная и ненастная. Рожинскій вышелъ съ Поляками изъ города, а Наливайко съ козаками вошелъ въ городъ въ отворенныя ворота. Враги не распознали одни другихъ, по причинѣ чрезвычайной темноты. Поляки, идучи на звуки трубъ и отклики вождей, при помощи факеловъ, дошли до табора; Ружинскій велѣлъ ударить изъ пушекъ, — козаки встрепенулись, таборъ снялся. Поляки, думая, что враги обратились въ бѣгство, пустились въ погоню, стрѣляя и махая саблями; но Савула, сдѣлавши движеніе къ рѣкѣ Рудавкѣ, возвратился на прежнее мѣсто. Наливайко, принявшись было грабить беззащитный городъ и умерщвлять испуганныхъ козаковъ, услышалъ выстрѣлы, бросилъ грабежъ и поспѣшилъ на помощь Савулѣ. Поляки долго искали козаковъ и Рожинскій велѣлъ поворотить къ взятому, какъ думалъ, козацкому обозу, какъ вотъ начала заниматься заря, — яснѣе, яснѣе — и Рожинскій увидѣлъ себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ козаками. Бой былъ неравный.

Только храбрости Рожинскій одолженъ спасеніемъ жизни своей и сохраненіемъ горсти пѣхоты. Сомкнувшись тѣсною стѣною, предводимые имъ Поляки прорвались сквозь ряды козаковъ и ушли въ крѣпость, гдѣ поспѣшно заперлись.

Множество было побито. Вообще спасеніе это не дешево обошлось Рожинскому.

Козаки принялись тотчасъ за осаду Бѣлой-Церкви. Но между тѣмъ Жолкѣвскій, стоя въ Трилѣсьѣ, въ трехъ миляхъ отъ Бѣлой-Церкви, услышалъ звукъ орудій, узналъ отъ схваченныхъ козаковъ о пораженіи Рожинскаго и поспѣшилъ къ нему на помощь. Козаки, завидѣвши съ высокихъ кургановъ польское войско, сняли осаду и поспѣшно отступили. Жолкѣвскій приходитъ на поле сраженія — и видитъ груды убитыхъ. Грустно стало ему. Но послѣдовать за козаками тотчасъ онъ не рѣшился, не приведши въ порядокъ своего войска и не усиливши его новыми отрядами. И по тому началъ устроивать свои ряды такимъ образомъ: поставилъ четвероугольникомъ шестнадцать рядовъ пѣхоты, — въ срединѣ стояли возы; въ углахъ и концахъ 24 полевыхъ орудія; конница расположена была частію напереди, частію по бокамъ, частію сзади. Въ такомъ видѣ, подкрѣпившись новыми силами, выступили Поляки.

Козаки, которыхъ число безпрестанно увеличивалось, расположились по разнымъ мѣстамъ. Самъ Наливайко съ большимъ количествомъ войска отодвинулся къ Чигирину; съ нимъ были дружины Лободы и Овары, всего 20000 войска, исключая гайдамаковъ, изъ которыхъ многіе пошли по Украинѣ, но многіе остались при главномъ обозѣ. Атаманъ Тетеря съ сыномъ заняли Каневъ; Шашка былъ на переди и первый встрѣтилъ Жолкѣвскаго. Завязалась битва жестокая, кровавая. Какъ ни искусно были устроены Поляки, однако ихъ гусары ничего не могли сдѣлать козацкому табору. Много дворянъ польскихъ пало въ бою;

потеря по числу воиновъ была для Поляковъ очень чувствительна. Козаки удержали за собою поле; но лишились въ свою очередь Шашки, вождя храбраго и умнаго. Жолкѣвскій поворотилъ къ Каневу. Козаки не слушались стараго своего атамана, говорившаго имъ: «глядить, не була-бъ потеря», и заставили его выйти на сраженіе. Поляки разбили ихъ; а самаго Тетерю взяли въ плѣнъ и продали Туркамъ. Жолкѣвскій разорилъ многія козацкія населенія, разбилъ еще нѣсколько разъ ихъ отряды и двинулся къ Чигирину, гдѣ стояло генеральное войско. Походъ этотъ былъ довольно медленъ; разосланные для укрощенія козаковъ отряды собирались постепенно, не разомъ; вешнее половодье разломало мосты, и переправы стали неудобны не только чрезъ рѣки, но даже чрезъ большіе ручьи. Дошедши до Тясмина, Поляки стали, окопались, направили пушки и приготовились къ бою. Козацкое войско также изготовилось. Оно было раздѣлено на три отдѣла: центромъ начальствовалъ Наливайко, лѣвымъ крыломъ Лобода, правымъ Овара. Поляки, какъ-бы желая устрашить заранѣе непріятеля, выставили въ виду его три *хреста:* на двоихъ висѣли тѣла двухъ козацкихъ предводителей — *Богуна и Соминó*, съ надписью: «Kara buntowców», третій оставался пустымъ, какъ будто еще кого-то не доставало. Козацкая рада велѣла выставить въ отвѣтъ Полякамъ хоругвь съ надписью: вирному Христіянству миромъ миръ; а Ляхамъ-ворогамъ пекельный пиръ; въ кого хрестъ — на того й хрестъ.

Началась битва и продолжалась семь часовъ. Поляки устремились на правое крыло Овары, отрѣзали его, смяли, — и самъ Овара лишился жизни. Но мужество другихъ

предводителей и храбрость козаковъ поправили первую оплошность и неудачу. Наливайко съ своимъ центромъ ударилъ стѣною на Поляковъ; вслѣдъ за тѣмъ Лобода выскочилъ изъ своего поста, и вспомоществуемый свѣжимъ засаднымъ войскомъ, бросился на непріятеля съ другой стороны. Поляки смѣшались, разстроились и обратились въ бѣгство. Козаки гнались за ними, били, кололи, утопшихъ изъ рѣки вытаскивали и изрубливали: таково было ихъ ожесточеніе; попадавшихся въ плѣнъ безчеловѣчно умерщвляли; просьбъ и стоновъ не слушали. Радовалась вся Украина, слыша, какъ на «*Чигринській січій кравчина католикамъ похмілья задала!*

Пристыженный Жолкѣвскій убѣжалъ въ Бѣлую-Церковь, откуда разослалъ приказы о доставленіи новаго войска. Вскорѣ въ польскій станъ явилось множество охотниковъ, а изъ Молдавіи прибылъ съ значительными силами полоцкій староста Каменецкій. Козацкое войско напротивъ уменьшалось. Большая часть козаковъ разсѣялась снова по Украинѣ. Съ Наливайкомъ и Лободою осталось всего до 10,000. Жолкѣвскій, зная, что въ Переяславлѣ козаки оставили свои семейства, орудія и войсковую скарбницу, замыслилъ переправиться чрезъ Днѣпръ и напасть на Переяславль. Молва объ этомъ дошла въ козацкій станъ. Наливайко и Лобода предупредили Жолкѣвскаго; переправились за Днѣпръ; истребили за собою всѣ суда, и, услыша, что жители Кіева доставляютъ въ станъ лодки для переправы Полякамъ, которыхъ Жолкѣвскій хотѣлъ вести въ погоню за козацкимъ войскомъ,—отправились наказать Кіевлянъ; но увидѣли на противуположномъ берегу Жолкѣвскаго съ войскомъ подъ самымъ Печерскимъ монастыремъ. Новыя

запорожскія полчища, плывшія подъ Кіевъ на чайкахъ подъ начальствомъ атамана Подвысоцкаго, были разогнаны бурею и польскою артиллеріею, искусно поставленною на берегу. Жолкѣвскій отрядилъ Потоцкаго въ Триполь съ препорученіемъ переправиться въ томъ мѣстѣ черезъ Днѣпръ и напасть на Переяславль; а самъ чрезъ лазутчиковъ пустилъ объ этомъ молву между козаками, желая какъ-нибудь ихъ отвлечь отъ берега, противоположнаго Кіевскому, гдѣ стоялъ самъ. Разставленная козаками по дорогѣ стража увидѣла на той сторонѣ Днѣпра воловъ и возы, наполненные лодками и заявила объ опасности предводителямъ. Безпокоясь за свои семейства, козаки снялись съ луга, гдѣ стояли, и поспѣшили къ Переяславлю. Этого-то Жолкѣвскому и хотѣлось. Собравъ свои челны, онъ, тотчасъ, по слѣдамъ козаковъ, переправился за Днѣпръ и вскорѣ козаки узнали, что за ними идетъ сильное войско.

Что дѣлать? Запереться въ Переяславлѣ — нельзя. Переяславская крѣпость очень ненадежна; козаки подвергаются опасности быть стѣсненными съ двухъ сторонъ: здѣсь войско Жолкѣвскаго, на другой сторонѣ Днѣпра войско Потоцкаго; да и чѣмъ кормить лошадей, которыхъ было болѣе 10,000. Козаки разсудили лучше двинуться далѣе съ своими семействами и сокровищами, надѣясь, что если войско польское не погонится за нимъ, а пойдетъ назадъ, то они могутъ свободно напасть на него съ тылу; а если погонится, то хитрыми увертками его можно изнурить еще лучше, чѣмъ въ Заднѣпровьѣ, и нагнать на удобное мѣсто, гдѣ можно напомнить Полякамъ чигиринское дѣло. Но Жолкѣвскій проникнулъ ихъ планы и допустилъ выйти изъ Пере-

яславля. Забравши своихъ женъ, дѣтей и имѣнія, они думали перевести ихъ въ Лубны, мѣсто неприступное и твердое; но пришедши туда, не сломали за собою моста на Сулѣ. Жолкѣвскій, соединившись съ Потоцкимъ, поспѣшилъ за ними къ Лубнамъ.

Войско польское остановилось въ Тохуцинѣ въ 20 миляхъ отъ Лубенъ, откуда коронный гетьманъ написалъ жителямъ этаго города письмо, въ которомъ обѣщалъ имъ Королевскую милость, если они не сломаютъ моста и задержатъ козаковъ въ стѣнахъ своихъ.

Между-тѣмъ узналъ Жолкѣвскій, что въ мѣстечкѣ Горошинѣ Сула очень удобна для переправы и, располагая, чтобы во время нападенія на Лубны съ другой стороны стояло польское войско, послалъ туда старосту брацлавскаго Струся съ его отрядомъ. Струсь пошелъ прямо полемъ, не сказывая даже ничего и своимъ подчиненнымъ, и, пришедъ на мѣсто переправы, велѣлъ подѣлать изъ камыша плоты, изготовилъ маленькія лодочки, и такимъ образомъ переправился на другой берегъ. Между-тѣмъ войско польское усилилось нѣсколькими рядами литовской конницы, предводимой Богданомъ Огинскимъ подкоморіемъ троцкимъ, который встрѣтился съ Жолкѣвскимъ за 6 миль отъ Лубенъ. Поляки ускорили походъ; Жолкѣвскій отрядилъ авангардъ подъ начальствомъ Бѣлицкаго, который шелъ форсированнымъ маршемъ день и ночь, и наконецъ увидѣлъ на высокой горѣ крѣпость. Козаки, завидя приближающихся Поляковъ, бросились разламывать мостъ; но Бѣлицкій пустилъ на нихъ такую

тучу стрѣлъ и пуль, что они кинули свою работу, ушли изъ города и расположились за милю отъ рѣки Сулы на урочищѣ Солоницѣ. Бѣлицкій вошелъ въ городъ.

Тогда Струсь, выбравъ изъ своей конницы двухъ отборныхъ ѣздоковъ, послалъ къ гетману съ донесеніемъ о своемъ прибытіи, и просилъ, какъ скоро Жолкѣвскій явится въ городъ, то чтобы пушечнымъ выстрѣломъ дать ему знать, когда броситься на непріятеля. Чрезъ нѣсколько времени загремѣла пушка—и Струсь выскочилъ изъ своей засады. Пыль встала отъ лошадиныхъ копытъ — козаки думали, что это Татары; но вскорѣ узнали свою ошибку и увидѣли себя окруженными спереди и сзади. Страхъ и замѣшательство всѣми овладѣли; не знали, что дѣлать. Лобода, чтобы дать Радѣ время на что-нибудь рѣшиться, послалъ просить Струся дозволить начать переговоры. Струсь согласился, потому что еще Жолкѣвскій не прибылъ къ Солоницѣ. Козаки долго спорили; одни говорили бѣжать въ степь, другіе представляли имъ неудобства побѣга и совѣтовали лучше оградиться окопами и защищаться. Больше всего безпокоили и мѣшали козакамъ женщины и дѣти: они боялись тащиться съ ними въ дикія степи. Послѣднее мнѣніе превозмогло, и козаки остались на мѣстѣ и укрѣплялись. Между-тѣмъ прибылъ и Жолкѣвскій. Тогда Струсь не хотѣлъ слушать никакихъ уговоровъ, и Поляки окружили козаковъ такъ, что они лишились и воды и пасьтбищъ.

Четырнадцать дней длилась эта страшная осада, четырнадцать дней гремѣли пушки и звучали сабли; козаки доведены были до послѣдней крайности, но сносили ее съ удивительнымъ присутствіемъ духа: безъ хлѣба, соли и воды,

питаясь вонючимъ лошадинымъ мясомъ, съ каждымъ днемъ теряя лучшій цвѣтъ своего юношества, безъ всякой надежды, они не только не думали сдаваться, но дрались храбро, мужественно и радовались тому, что и враги ихъ терпятъ: много уже молодыхъ дворянъ, потомковъ знаменитыхъ фамилій, легло на валу; сильно измучены были польское войско и предводители трудами и бдѣніемъ. Долго козаки терпѣли, — но терпѣнію пришелъ конецъ. Когда Жолкѣвскій велѣлъ насыпать высокіе курганы и съ нихъ безпрестанно палили изъ пушекъ, и ядра ежеминутно убивали женъ и дѣтей въ глазахъ мужей и отцовъ: такія зрѣлища больше, чѣмъ всякія лишенія пищи, отняли у нихъ силу, храбрость, твердость: козакъ неукротимъ и грубъ на войнѣ, въ товариществѣ, но въ семействѣ онъ человѣкъ. Начался всеобщій ропотъ: всѣ обвиняли Наливайка и Лободу въ томъ, что они завели ихъ туда. Лобода, бывши столько лѣтъ идоломъ подчиненныхъ, идеаломъ козацкой жизни, подъ конецъ лишился довѣренности братьевъ и всей своей чести. Отъ него отняли начальство и на мѣсто его избрали Кремскаго. Новый предводитель предложилъ козацкой Радѣ сдаться Жолкѣвскому, съ условіемъ забыть всѣ неудовольствія, бывшія между Поляками и Малороссіянами, и никого не казнить, кромѣ главныхъ зачинщиковъ. Ужъ невозможно было болѣе терпѣть: кучи гніющихъ человѣческихъ и лошадиныхъ труповъ причинили въ козацкомъ станѣ заразу; пищи никакой не было. Надобно на что - нибудь рѣшиться: козаки сдались. На другой день Жолкѣвскій заключилъ съ ними слѣдующія условія:

1.) Козаки могутъ разойтиться по домамъ; но безъ воли

короля не должны собираться въ строи, выходить въ походы и избирать предводителей.

2.) Пушки, знамена, порохъ, военные запасы и скарбницу должны отдать Жолкѣвскому.

3.) Наливайка, Лободу съ другими предводителями—Мазенoю и Кизимомъ, выдать.

Все было исполнено. Козаки вышли изъ своихъ окоповъ блѣдные и чахлые и повергли къ ногамъ Жолкѣвскаго булаву гетьмана Наливайка, два богатыхъ знамени съ гербомъ нѣмецкаго императора, третье знамя съ гербомъ седьмиградскимъ, серебрянныя литавры и трубы, дары Рудольфа и Максимиліана; тридцать одна пушка досталась побѣдителямъ. Наливайка и Лободу съ другими осужденными повезли окованныхъ цѣпями въ Варшаву, гдѣ засадили въ тюрьму. Патеръ Янчинскій разсказываетъ, что во время содержанія Наливайка въ темницѣ надъ головою его день и ночь стояли воины съ топорами; едва только онъ начиналъ засыпать, они тотчасъ пробуждали его обухомъ, и такъ мучили его разнымъ образомъ. О казни всѣхъ четырехъ предводителей говорятъ разно. Янчинскій разсказываетъ, что Наливайка посадили верхомъ на раскаленнаго желѣзнаго коня и увѣнчали раскаленнымъ желѣзнымъ обручемъ. Конискій иначе повѣствуетъ объ ихъ казни, — съ нимъ сходно говоритъ и народная пѣсня: Наливайка, Лободу, Мазену и Кизима, при огромномъ стеченіи народа, бросили въ мѣднаго быка; этаго быка поджигали нѣсколько часовъ медленнымъ огнемъ, пока слышенъ былъ крикъ несчастныхъ; потомъ пламя охватило всю махину, и

когда потушили его и отворили мѣднаго быка, тѣла страдальцевъ обратились въ пепелъ. . . . . . . (*)

Присудили Ляхи Наливайка
Уволу спалити;
Присудили усѝ козаченьки
Ляхамъ вѝдомстити.

Н. Кастомаровъ.

15 Декабря 1841. Харьковъ.

(*) При составленіи этаго разсказа сочинитель руководствовался преимущественно Лубенскимъ, Янчинскимъ, Нѣмцевичемъ, Малороссійскимъ лѣтописцемъ и народными пѣснями.

ДУХОВНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ ГЕНЕРАЛЬНАГО-ОБОЗНАГО

ИВАНА ЛОМѢКОВСКАГО,

писанное въ Яссахъ Марта 25 *дня* 1711 *года.*

(Сообщено В. Н. Каразинымъ.)

Воімя Отца, и Сна, и Дха Свтго, Аминь.

Внемирномъ семъ и многомятежномъ мирѣ, 66-й жития моего кончачи рокъ, зъ пилнимъ уважаю разсужденіемъ, до якого по многотрудныхъ лѣтехъ моихъ течение жития моего спѣшитъ термѣну. Недопускаетъ Всемогущаго Создателя моего, и Бга разширатися моимъ мыслямъ, не премѣнный, одъ начала мира первосозданному члвѣку за преступление заповѣди вырокъ. Земля еси и паки въ землю пойдеши. Тимъ ужасаюся и трепещу, жемъ хитросплетенными мира сего уловленъ плѣницами, жадного не прыобрѣлъ душеполезного прыкупу, але восуе цѣлый трудилъся вѣкъ. Едину пре то имѣю надежду, въ неизрѣченномъ милосердію Бжомъ, же яко долготерпѣливъ и многомилтивъ Создатель мой, и Бгъ. Созданія своего неошацованною [1]. ценою, пречистою кровію своею одкупленого, милостивно наказавши временно, вѣчной со беззаконии моими не предастъ мене смерти. Призиваю и м.ію,

1. Неоцѣненной (unschätzbar).

во умилостивление, и многомощное предстателство, крѣпкую надежду, и всемощную Помощницу, Пречистую Присно Дву Брдцу Марію, Ейже заступлению мене вручаю, а всѣхъ Небсныхъ безплотнихъ сылъ, и всѣхъ стихъ, ихже церковъ стая восточная, Православно Кафолическая, почитая во помощь прызиваетъ, и азъ грѣшний, тихъже со усердіемъ прызиваю и молю, да млятъ за мя Маестатъ Божий и въ тую Бжого Милосердия Надѣю, неодчаеваю, когда время прыйдетъ, житие мое маловременное кончити, зъ тимъ оправданиемъ, жемъ рожденъ и воспитанъ, одъ прародителей моихъ въ стой Православно Кафолической вѣри. А уховай Бже если прежде кончини моей, отъ болести или малоумия въ чомъ погрѣшу, за тое да не судитъ мене Судия Справедливый. Ему же душу мою грѣшную, въ руцѣ стие предаю, а тѣло отъ землѣ взятое, вземлѣ тамъ загребено маетъ быти, гдѣ отъ тѣла душа разлучится. Если не будетъ можна, чого зусердиемъ желаю, жебы въ обытелѣ стой Печерской Киевской, албо въ монастирѣ Стля и Чудотворца Хва Николая Рихловскомъ, за Днѣпромъ, где положени суть жони моей Марией Мокриевичовни, и сина моего младенца Іакова кости, или, въ монастырѣ Милчецкомъ на Волиню недалеко Дубна, гдѣ погребенъ есть милий П: Родичь мой, до того мѣсца, на якомъ положенъ будетъ трупъ мой, на млитви стие за дшу мою, синомъ моимъ милимъ зъ позосталой суми, и на ялмужну [2]. по силѣ своей. Если жъ въ тихъ стихъ обытелехъ ихъже вижей спомипаю будетъ тѣло мое погребено, то напоминание души моей грѣшной, и

---

2 Милостиня Allmosen.

родителей моихъ, въ Сгнодикахъ тихъ стихъ мѣсцъ, в писанихъ душъ, сто червонихъ, прыказую дати. А ихъ всѣхъ синовъ моихъ милихъ, Иоанна старшаго з милою женою, и коханими чади, родителско блгословю, и Бжия имъ благословения желаю. Володимера во всемъ, и за все, щире прощаю, и да проститъ его Гдь Бгъ, и да благословитъ отцевско зичу. И если придетъ по буйнихъ лѣтехъ, в чувство, и статечно по Бзѣ житиметъ [1], одъ лежащихъ добръ нечиню, чужда, але радна сина и наслѣдника твору, и в тую надежду же схочетъ свое обѣщание давное, исполнити, и совершити, ниже написаную до стой обители Печерской Киевской, непремѣнно назначаю, и записую *лекгацию.* Илію яко повинуюшася, и послушна сина сердцемъ отцевскимъ благословю, и да благословитъ его Господь Богъ усердно желаю. Коханую дочерь мою Елену Семионовую Мировичовую, з милимъ ей малжонкомъ [2], и коханими чади благословлю, и Бжія имъ блгословения одъ усердія моего желаю. Михаила сина юнѣйшаго, збратиею, и коханою сестрою, равному благословенню Бжому, и моему родительскому вручаю. Всѣхъ ихъ родителскимъ моимъ упоминаю сердцемъ, жебы въ заповѣдехъ и оправданияхъ Бжихъ, и в стой непорочной православной вѣри, Кафтолической статечно, а з собою всегда любовне жили, и неусипное ялмужными, и стими побожнихъ особъ духовнихъ молитвами, о моей души, родителки своей коханой, и прародителей имѣли стараніе благодати маестати Божии, и уставичное попечени; залецаю [3], и приказую синомъ моимъ милимъ, имѣти усердную лю-

1 Будетъ жить. 2 Супругомъ. 3 Завѣщеваю.

бовь до сродственнихъ своихъ, и до всѣхъ ближнихъ, найпаче же до обителей стихъ, и до особъ чину духовного, а особно до церкви Стля и Чудотворца Хва Николая Батуринского, въ ней же погребни суть единоутребние, ихъ, младенци, подле правого крилоса в деревяномъ склепику, Василий, и Афанасій, а по лѣвой сторонѣ внутрь подъ порогомъ Марина сестра.

Тое выражаю же долговъ жаднихъ на себѣ немаю, и нѣкому (:яко мнѣ здается:) не естемъ виноватъ. Лечъ запевную суму мною подчасъ наглого въ отчизнѣ замѣшання на нужную потребу, недоброхотно страченую, поки еще тая сумма, въ моихъ рукахъ зоставала, и моя худоба вся была цѣла, мѣлемъ [1] желание, церковь мурованую [2] по моей силѣ въ Рихловскомъ Монастирѣ на гробѣ жони моей Марией, и сина младеньца Іякова построити. Теди отцевско ражу [3] а не прынуждаю синовъ моихъ, и до того дѣла побожного побужаю, жебы старалися церковь на вижейменованомъ мѣсцу по силѣ сумми мурованую построити, если нужная имъ якая неучинитъ прычина пренятия, и если столко мѣтимутъ кошту, бо сужу тое дѣло быти потребное, и имъ душеполезное, жебы чи на томъ, чи на иншомъ знатномъ мѣсцу, была церковь сооруженна, ихъ любовнимъ хотениемъ и стараньемъ.

Синовѣ Іліи назначаю, и благословлю з позосталихъ по мнѣ грошей взяти червонихъ золотыхъ . . . на свою потребу. А Михайловѣ синови юнѣйшому червонхъ золотыхъ дати. . . .

Того ради же онъ Ілія значимъ у мене бывалъ датокъ . . .

---

1. Я имѣлъ 2 Каменную. 3 Совѣтую.

грошевий, з Володимеромъ, а Михайло для своихъ молодихъ лѣтъ, барзо мало бралъ. Іоанъ синъ старшиий можетъ тимъ взяткомъ контентоватися, який з рукъ моихъ быралъ, *ищо* по своемъ *веселю* [1] з Роменской аренди прыинялъ. Володимеръ синъ и тимъ удоволитися можетъ грошевимъ взяткомъ в Ясахъ без мене взятимъ, о чомъ брати его совершенно знаютъ. А если Господь Богъ милосердній дастъ прійти дозуполной поссесие всѣхъ добръ тамътого-бочныхъ [2] Украинскихъ, которіе по премногой милости Всемилостивѣйшого Великого Гдра и Всероссійского Цра Петра Алексѣевича Его Царского Пресвѣтлого Величества мѣлемъ премолжними грамотами на даніе и утвержение а за унѣверсалами власти войска запорожского въ нагороду вѣрной моей служби, и уставичнихъ працъ [3], мнѣ и синомъ моимъ служачие. Анайбарзѣй въ розниxъ поляхъ и мѣсцахъ купление кгрунта, то есть, *млыни* [4], поля, сѣножати, лѣси, гаи [5], отчини пщолние, и Рудню новую, въ Топалскомъ уездѣ, въ полку Стародубовскомъ на купленомъ у Иволги козака тамошнего кгрунтѣ, моимъ коштомъ зъ фундаменту построеную. Двори Броваръ, и винницѣ моею працею, и коштомъ будование, тими вѣсми добрами маютъ любовне нежонатие сини мои (:безъ жадного заводу:) упросивши до того подѣлу, добрихъ зобоихъ сторонъ приятелей (:если сами не помѣркуются:) ровне и полюбовне подѣлитися, еднакъ же бы без кривди старшого сина было. А з того подѣлу, якую часть уподобаетъ собѣ Михаило синъ молодший тая принемъ без преки маетъ зоставати, и

1. Послѣ свадьбы. 2. Тѣхъ сторонъ. 3. Трудовъ. 4. Мельницы. 5. Рощи.

лахмани [1] мои, если якие останутся, и *футра* [2] емужъ належатимутъ.

Вишенки сѣлце надъ Десною, здворами моимъ коштомъ построеними, полями, сѣножатми, лѣсками, и озерцями, покуплеными, и *наданими* [3] и млынкомъ на рѣчцѣ Чернявцѣ построенимъ, втакомъ, в якомъ за моей державы заставало о Богѣ часи вѣчними до обителѣ стой Рахловской *лекгую* [4], и записую, а покорне суплѣкую, до Ясневелможнаго пана Гетмана войскъ Запорозкихъ, же бы рачилъ потвердити, своимъ поважнимъ Унѣверсаломъ, сию мою подлую лекгацию, и позволилъ той стой Обителѣ, тое сѣлце Вишенки з посполитими людми в поссессию отдати, Еднакъ з упомнениемъ, и перестерогою, же бы живучие козаки, не узнавали, надъ свое звание, и волности, долегливости, а Посполитие люде, утеможеня [5] и незвичайной роботизни, одъ законниковъ того мѣста святого.

Момѣкинскій, за Новгородкомъ, млынъ, на Смячи рецѣ, одъ *небощика* [6] блаженной памяти пна Михайла Миклашевского Полковника Стародубовского вѣчнимъ правомъ *набытий* [7], зо всею *греблею* [8], до стой обителѣ Печерской Киевской обѣщания ради сина Володимера, и для поминанія души моей, и вписанихъ душъ въ Сѵнодику Печерскомъ, лекгую и записую.

Гребля на Убедѣ рецѣ в сотнѣ Сосницкой, вижей Кириевки, а нижей Кудровки у Калиновой Пристани зъ фундаменту

---

1 Гарсиеросъ. 2 Мѣховые товары. 3 Посрововальными. 4 Завѣщеваю. 5 Утѣсненіе. 6 Покойнаго. 7 Доставшись. 8 Плотиною.

на новомъ мѣсцу, моимъ коштомъ сипанная, фундованая, и на ней млини построение, зъ тихъ едну клѣтку зъ двома каменями мучними а у дрогой клѣтцѣ половину ступъ и валюшовъ, и село Лави, для моей службы наданое, Іоаннови синовѣ старшому, и потомкомъ его далемъ, тое и симъ моимъ тестаментомъ стверждаю. Еслижъ брати его молодшие, могутъ при роздѣлѣ добръ по мнѣ позосталихъ, обытися без половини тоей греблѣ, чи любовию, своею братерскою *порушени* [1], чи приятелскимъ помѣркованьемъ, и угодою, контентуючися для далшой згоди, и любве братерской уступлятъ Іоаннови цѣлой тоей греблѣ, то онъ тоею маетъ контентоватися и до жаднихъ вже сподковъ, и по дѣлу межи братами неповиненъ будетъ прыступати. А на тоей греблѣ, воленъ будетъ еще и болше клѣтокъ за порадою разумнихъ мелниковъ, для своего пожитку постройти. До тоей же греблѣ займище окопаное мимо шляхъ Сосницкій лѣсовое для гаченія греблѣ Іоановѣ синовѣ належатиметъ, и нива на другомъ боку греблѣ на горѣ, одъ Миколая рудника Ялборовского, купленая, и гребелка на лютой рѣчцѣ недалеко Кудровки, на шляху лежачая, а мною купленая, на которой волно ему будетъ синови моему старшому *ведлугъ* [2] потуги воли млынокъ построити ку своему пожиткови, яко на своемъ *власномъ* мною купленомъ кгрунтѣ.

Дочерѣ моей коханой Еленѣ Семионовой Мировичовой на Новомлынской греблѣ единъ мучний камень в другой клѣтцѣ одъ мѣста давнокупленний зближнимъ дворцемъ, и

1 Убѣждены. 2 Ежели.

сѣножатю, лѣскомъ, и лозами на ней, о чомъ всемъ знаютъ панове Новомлинцѣ, пляцъ вмѣстѣ Батуринѣ на якомъ самъ *мешкалемъ* [1], межи дворами, его милости пана Семена Савича писара теперешного войскового Енералного, и небощика пана Іоанна Лысицѣ, и футорецъ за Сеймомъ на Городищѣ купленый, и мною строеный вѣчне дарую.

А яко всѣмъ сиротамъ есть Господь Богъ всѣхъ благъ промисеникъ и податель, такъ и о моихъ дѣтехъ схочетъ милосердно промишляти, видя ихъ благочестное житие. Еднакъ зврожоной моей отцевской до ихъ милости, еще за житія моего пры доземномъ уклонѣ моемъ, покорне прошу Ясневелможного Его мил: пна Гетмана войскъ Запорожскихъ же бы изволилъ въ милостивой своей опецѣ и ласце дѣти мои держати.

Ихъ мил: особъ всѣхъ Енералнихъ, также на власти, и подъ властию зостаючихъ, в любовъ и ласку до всѣхъ моихъ дѣтей, о всякое благое наставление, и помоществование велце прошу.

За опекуновъ назначаю, и прошу

Его мил пна Дмитрія Ярченка полковника войска, Запорозкого Прилуцкого

Его мил пна Данила Апостола полковника Миргородского

Его мил пна Павла Полуботка полковника Чернѣговскаго

Его мил пна Семена Савича Писара Енералного

Его мил пна Лукіана Жураховского полковника Нѣжинскаго.

---

1. Гдѣ я самъ пребываніе имѣлъ.

Симъ же остатней волѣ моей тестаментомъ синовъ моихъ милихъ упоминаю, и отцевско по нихъ *пилно* [1] жадаю, же бы кревнихъ своихъ, якие удаватимутся до нихъ, и они з доводу могутъ знати, же суть всродствѣ, негнушалися. Але чимъ возможно будетъ, посили своей ихъ вспомагали. Особливе потомковъ братовъ, моихъ рожоныхъ старшихъ Стефана, и Василія Ломѣковскихъ, вровной межи собою почитали, любвѣ, измилости своей къ нимъ братерской по силѣ своей, всякого вспоможеня, и доброго наставленія неодмовляли, и до дѣтей небощика пна Феодора Бобрикевича, близкого брата моего афектъ добрий имѣли.

Служащихъ мнѣ на сей часъ, по погребении смрадного моего трупу, пилно прыказую роспорадити, и чимъ будетъ возможно уконтентовати, а хто, и що за мимошедшие лѣта у мене взялъ, реестръ моею рукою писаний покажитъ.

О тое пилно упоминаю, же бы где мое тѣло грѣшное будетъ погребено, нерушено яму копаючи, чужихъ костей, и погребение смирное маетъ быти.

Іоанъ Ломѣковский Обозний реестровый войска Запорозкого Енералний.

(печать.)

Реестръ всѣхъ добръ моихъ въ Украинѣ сѣверной страни лежачихъ

Село Вишенки за Коропомъ над Десною, тое зо всѣмъ якъ самъ од тридцяти лѣтъ заживалемъ, кому маетъ належати, о томъ выжей виразилемъ.

Понорниця село и Верба зъ дворами, броварами, и винницями, коштомъ моимъ построеними, полями, сѣножатми, лѣ-

1. Усердно.

сами, окопаними и неокопаними, и дворами шинковними, купленими, и моимъ коштомъ будованими, зъ млынами почавши одъ вершини тоей, якая черезъ тие села идетъ, рѣчки. Першій млинъ Зѣнковскій о двохъ каменяхъ мучнихъ, накупленомъ у Василя Зѣнченка, пустомъ займищи, коштомъ моимъ и працею значною гребля сипаная, и млынъ построенъ.

Млынъ новий, на новомъ мѣсцу, посередъ села Понорницѣ, вишше пана Писара теперешнего войскового, працею, и коштомъ моимъ значнимъ, гребля сипана, и клѣтка о двохъ каменяхъ мучнихъ построена.

Худковскій прозиваемий млынъ, вижей Вербенского о двохъ каменяхъ, тая гребля з ласки войсковой мнѣ надана, на которой коштомъ моимъ и працею млинъ новий о двохъ каменяхъ построений, тотъ млинъ розискови и разсуждению найвишшой власти войсковой поручаю, сторони части мелницкой, да нескорбитъ на мене хто до него отую часть интересуется.

Окопъ у П: Ѳедора Бобрикевича куплений, где моя пасѣка стояла надъ ставкомъ Вербенскимъ.

Лѣсъ у Яроша, зъ сѣножаттю куплений, где и пасѣка моя была.

Млинъ въ Вербѣ подъ дворомъ о двохъ каменяхъ мучнихъ, и ступникъ у П: Омеляна Сосницкого, и другого тамошнево мелника куплений.

Тамъже два двори новие моимъ коштомъ строение, винниця, и сади на вгородахъ. Млинъ нижей Осмаковъ, въ которомъ Петро Мѣрочникъ прежде сидѣлъ.

Гребля вѣчне наданая, и Грамотою Монаршою во вѣчние роди утверженая, а млынъ о двохъ камнеяхъ, и ступникъ, мо-

ею працею и коштомъ построение. Займище лѣсовое по обоихъ сторонахъ ставу коштомъ немалимъ окопаное. Сѣножати а на бору, пщолная отчина куплена. Еднакъ тотъ млынъ если маетъ зъ мелницкою частю синомъ моимъ служити разсуждению власти войсковой поручаю, знаючи о томъ же въ томъ млинѣ, предъ моею поссесиею, часть мелницкую, у потомковъ отца Дуброви Коропского куплено.

Млинъ на той же рѣчцѣ, нижей Козолуповки мною куплений, у Логвина Конятинского, а у Івасихи Сосницкой зъ синами, о двохъ каменяхъ, и ступникъ. Тамже дворецъ зъ винницею, займищами лѣсовими, з лѣсомъ особно у Леска мелника купленимъ, зъ гаемъ одъ Кудровки окопанимъ, сѣножатми, и полемъ пахарнимъ.

Гребля Накотъ прозиваемая, недалеко Рождественного купленая и гай по обоихъ греблѣ сторонахъ, и два гайки, недалеко Отюши купление, о чомъ Рождественцѣ и Отюшане знаютъ.

Пляцъ въ мѣстѣ Батуринѣ, и за мѣстомъ купление.

Фолварокъ за мѣстомъ, земля у Сметани купленая, а другая часть землѣ, за позволениемъ власти, и небожчика Кучинсково своячого тую землю, моимъ коштомъ окопаная.

Фолварокъ за Сеймомъ купленний отомъ знаютъ городищане. Особливе Козолупенки, а кому належатиметъ, з пляцомъ мѣснимъ, о томъ вижей написано.

Бахмацкий футоръ, накупленой землѣ, коштомъ моимъ строений, зъ млинкомъ и двома *ставками*, [1] и дворцемъ особно у Мартина Лапенка купленимъ. Дотого футора обширние лани, во всѣ руки, и знаками означение, у Поросючки могили *ланъ*, [2] и противъ двора Гетманского окопаний ланокъ, надъ став-

---

1. Прудками. 2. Отведенное для господской пашни мѣсто.

комъ небощика пана Кочубея, тожъ властию прыгорненъ былъ до дворца Гетманского. З другого боку ставка Кириковскаго ланъ, и противъ гайку нива немалая, а за гайкомъ сѣножать купленая, подле войсковой невеликая.

За Бабачинами поле значное, и сѣножати купление.

Третий ланъ недалеко Суховодки великий.

Посемъ боку одъ Бахмача подъ Куренею немалий ланокъ, зъ ласки войсковой наданий.

За Куренею окопаний гай, въ немъ пасѣка з пщолами, и сѣножать, тотъ окопъ з гаемъ у Баришполченка Борзенского давно куплений.

У Довгой дубини, едучи до пустой греблѣ сѣножати надание зъ ласки войсковой, и грамотою Государскою утвержение, зъ признаками копаними.

Футоръ на Головенцѣ, з огородомъ, садомъ, пастовникомъ, и гайкомъ березовимъ у Олекси Новомлинского куплений, а мнѣ одъ пана Карпа Мокриевича, второго отца моего даний, зъ двома гребелками, едною недалеко луга и шляху Новомлинского, а другою нижей села. Тотъ футоръ прысвоилъ небощикъ панъ Кочубей, будучи писаромъ Енералнимъ, и поссесоромъ села Головенки, за моимъ вѣдомомъ полѣтичнимъ.

Парафѣевка село, въ Иченской сотнѣ, тамъ дворновимъ моимъ коштомъ будований, клуня великая, з полями сѣножатми, з пасѣкою, и ставкомъ, недалеко пасѣки занятимъ, и гайками у многихъ людей куплеными, о чомъ всѣ селяне знаютъ и Бартошовщина.

Значний лѣсъ у Лотоша Парафѣевского куплений, недалеко маетности монастира Печерского Киевского, чи подъ селомъ Шиловичами, чили Буромкою, о чомъ тамошние селяне знаютъ. Тотъ лѣсъ якъ есть во своемъ обрубѣ,

если бы немѣла служити синомъ Парафѣевка, то его лекгую, до святой обителѣ Печерской Киевской. А если Парафѣевка село, будетъ синамъ моимъ по прежнему служити тотъ лѣсъ заховую пры нихъ, для господарской вигоди и потреби, и тую мою вижей написаную лекгацию ихъ волѣ поручаю.

Реестръ певнихъ должниковъ, которие мнѣ виновати зостаютъ.

Панъ Василь Матвѣенко Прилуцкий, прозванием Каневченко, взялъ въ небытности моей, у пана Ѳедора Бобриkевича, брата моего близкого, грошей моихъ власнихъ золотихъ триста в Батуринѣ, передъ революциею.

Панъ Семенъ Чернѣговецъ житель Стародубовский, давно виноватъ чотириста золотихъ без дванадцяти за воскъ мой, взятий, у п: Петра Нестеренка.

Шафаръ Стародубовские, на тотъ часъ, яка аренда служила мнѣ з пномъ Прокопомъ Суленкомъ Обознимъ Полковимъ Стародубовскимъ, рочние арендовие винни, за мою горѣлку виданую, золотихъ полпятаста якие гроши подобно на Гаврисѣ Лысомъ прозиваемомъ Свѣдерскомъ одказуютъ, они знаютъ толко нехай мое оддадутъ.

Тамъ же въ Ратушѣ Стародубовскомъ, каменей сѣмьдесятъ было моего тютюну неплаченого, о чомъ старшина мѣская знаетъ.

Тамъже п: Дулский не доплатилъ за мой дворъ, котоpий у п: Петра Нестеренка куповалъ за моимъ позволенемъ.

Тамъ же пнъ Прокопъ Суленко Обозный Полковий Стародубовский, если неболше то на чтири тисячи зосталъ мнѣ виноватъ за Аренду, которую зо мною державъ два роки

по половинѣ, а бралъ за кождую сотню волоскую, из села Порукавичное, а мнѣ и едного недавалъ шеляга, и иста невиплатилъ, за мою горѣлку, и рахуби несхотѣлъ чинити, о чомъ всемъ знаетъ доволне п: Петро Нестеренко, бо онъ служилъ мнѣ на тотъ часъ и овсемъ зналъ.

Хлопецъ Грицикъ, з братомъ своимъ роднимъ Иваномъ сини Еѵхима Носенка Березинского, на *облѣкгъ* [1] з маткою своею черницею, золотихъ пятсотъ виплакали, тотъ облѣктъ з шкатулки украли, надъ Днепромъ не оддавши грошей, и еще много худоби моей покравши, не доходя Инкгулця утекли, а украли они, шапковихъ добрихъ соболей паръ дванадцять, а меншой цени паръ двѣ. *Зекгарикъ* [2] щирозлотний ценою сто червонихъ золотихъ. Талярей битихъ шестдесятъ и килка з шкатулки. Чеховъ и копѣекъ немало. У Илiи сина моего килка сотъ золотихъ тамже будучихъ. Сагайдаковъ два оправнихъ богато, ценою болше пятисотъ золотихъ. Бламъ футра попеличого. Бламъ рисiого лаккового. Бламъ душокъ кунѣхъ, душками соболѣми перешиваного, и лапками. Кубокъ срѣбрний, ложокъ пару складанихъ, и ложечку малую довгую алкермесъ и дриакву брати. И ложокъ новихъ незаживанихъ *тузневъ* [3] два, *суто* [4] позлоцѣстихъ, а третий бѣлий срѣбрний з межи срѣбра, втотже часъ пропало з барила, бо хлопецъ Грицикъ все мѣлъ въ своихъ рукахъ. Шабель двѣ турецкихъ злоцѣсто оправнихъ. Обухъ богато оправний. А зъ другого оправу срѣбрную. Коберци, *килими*, *хустки* . . . . . . , хуста [5] бѣлие, суснѣ Илiи сина. Паръ двѣ пѣстолетовъ Lazarini comminazi роботи новихъ, ценою золотихъ полтретяста.

1. Заемное письмо. 2. Карманные часы. 3. Дюжина. 4. Жарко. 5 Ковры — платки.

Саксонской роботи пару пѣстолетовъ добрихъ заживанихъ. Ножи. И много инвихъ дробязковъ покрали, чого и сами таити не могутъ. Коней четверо з кулбаками для вюковъ зъ тимъ всѣмъ, утекли.

У Кгавронцяхъ подъ Полтавою, в чомъ и на много зашкодили, ведомые люде тамошние разбойницкимъ способомъ, о томъ Петро Улѣцкий служачий мнѣ, если будетъ живъ знаетъ, бо онъ былъ посиланъ, для розних покупокъ зъ будищъ в городи. Еднакъ и карта есть, во свѣдителство, од Кгавронского рибака дана. И Имена в ней тихъ разбойниковъ написани.

(За тѣмъ слѣдуетъ описаніе долговъ шинкарей его и другихъ на арендѣ содержавшихъ его имѣніе.)

. . . .

На концѣ:

року тисяча семсотного первого надцять мѣсяця Марта двадцять пятого дня въ Ясахъ

Іоанъ Ломѣковский Обозный войска Запорозкаго Енералний (слѣдуютъ 2 печати.)

На оборотѣ приписано еще:

Року тисяча сѣмсотного четвертого надцять мѣсяця Марта третіого надцять дня.

(Тамъ же, но нѣсколько дрожащею рукою:)

Совершеннихъ доживши лѣтъ, и поздного достигши вѣку. . . . . . (далѣе не возможно разобрать за вѣтхостію.)

ОЧЕРКЪ

МАЛОРОССІЙСКИХЪ ПОВѢРІЙ И ОБЫЧАЕВЪ,

ОТНОСЯЩИХСЯ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ.

Подъ благодатнымъ небомъ Украины сохранилось много преданій, повѣрьевъ и обычаевъ, относящихся къ разнымъ мѣстамъ, лицамъ, обстоятельствамъ жизни и другимъ предметамъ. Богатый рудникъ этотъ почти не тронутъ еще; рука опытнаго и зоркаго наблюдателя къ нему не коснулась. А между тѣмъ, сколько любопытнаго въ завѣтныхъ преданіяхъ народа, какое глубокое чувство въ его пѣсняхъ, какой роскошный, игривый вымыслъ въ его сказкахъ, и сколько практической философіи въ пословицахъ!

Къ сожалѣнію, на всѣ эти предметы по нынѣ не обращено того вниманія, которое они вполнѣ заслуживаютъ и по индивидуальному своему характеру, и по той пользѣ, которую могли бы принесть для исторіи Малороссіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и другихъ славянскихъ племенъ. Внутренняя жизнь Малороссіянъ почти вовсе не изслѣдована. Изданія пѣсень слишкомъ не полны, безъ варіантовъ, въ этомъ случаѣ необходимыхъ; тоже должно повторить и о по-

словицахъ; что же касается до обычаевъ, преданій и повѣрій Малороссіянъ, общихъ и мѣстныхъ, этотъ предметъ ученымъ образомъ вовсе не изслѣдованъ. Въ этомъ отношеніи благонамѣренные труды и изысканія о великороссійскихъ древностяхъ г. Сахарова представляютъ примѣръ, вполнѣ достойный подражанія.

Хотя настоящій бытъ Малороссіянъ, безъ сомнѣнія много различенъ отъ образа жизни, который вели они при первыхъ гетьманахъ; но народъ привязанъ къ родной старинѣ, дорожитъ ею какъ драгоцѣннымъ воспоминаніемъ былаго, и свято хранитъ завѣтныя преданія, которыхъ образованность, еще не коснувшаяся простаго народа Украйны, не успѣла измѣнить и уничтожить; а потому то въ Малороссіи все просто, идетъ по примѣру отцовъ и дѣдовъ, совершается безотчетно.

Я желалъ представить здѣсь нѣкоторыя подробности о повѣрьяхъ и обычаяхъ Малороссіянъ, относящихся къ различнымъ праздникамъ и днямъ святыхъ. Народъ, не зная раздѣленія года на мѣсяцы, исчисляетъ время обыкновенно недѣлями; для болѣе же точнаго означенія времени въ годичномъ періодѣ служатъ праздники, посты и т. д. Начнемъ съ весны.

По мнѣнію Малороссіянъ, начало весны относится къ дню Срѣтенія Господня, 2 Февраля. Говорятъ, что тогда зима *встрѣчается* съ лѣтомъ, и замѣчаютъ: если въ этотъ праздникъ бываетъ оттепель и вода каплетъ съ крышъ домовъ *(стрйхъ)*, то зима еще продолжится; если же будетъ морозъ, то ожидаютъ ранней весны. Мятель, въ тотъ день случившаяся, предвѣщаетъ неблагопріятную весну.

1 Марта, Св. Евдокіи. Народъ вѣритъ, что въ этотъ день бабакъ (Arctomys Baibak. Pall.), пробуждаясь отъ зимней спячки (*), выбѣгаетъ изъ своей норы и свиститъ.

Въ праздникъ Св. Сорока Мучениковъ, 9 Марта, сорока, по народному повѣрью, кладетъ на свое будущее гнѣздо *сорокъ* палочекъ; въ настоящій же день ученики обыкновенно носятъ учителямъ каждый по *сорокъ* бубликовъ. Говорятъ еще, что въ тотъ день жаворонокъ вылетаетъ изъ *вырія*.

17 Марта, въ день Св. Алексія, называемаго здѣсь *теплымъ*, щука, по народному повѣрью, хвостомъ ледъ разбиваетъ.

Когда снѣгъ почти стаялъ и начинаютъ появляться первые весенніе цвѣты, лиловые подснѣжники, называемые здѣсь *рястомъ*, то сорвавъ ихъ, бросаютъ на-земь, топчутъ ногами и приговариваютъ: *топчу, топчу рясть, дай, Боже, потоптати и того году дiждати*, выражая тѣмъ желаніе благополучно дождать весны будущаго года.

Въ день Благовѣщенія Господня наблюдаютъ погоду, вѣря, что такая же самая будетъ и на первый день Воскресенія Христова. Птицы, по народному повѣрью, въ праздникъ Благовѣщенія не вьютъ гнѣздъ; все же раждающееся тогда народъ называетъ *благовѣстнымъ* и думаетъ, что оно непремѣнно будетъ имѣть какой-либо не-

(*) Малороссіяне о животныхъ, подвергающихся зимней спячкѣ, говорятъ, что они на зиму *замираютъ;* этимъ же словомъ выражаются и о людяхъ, подвергающихся летаргическому сну, вѣря, что въ такомъ состояніи душа спящаго посѣщаетъ рай и адъ и узнаетъ какія-то таинственныя вещи, о которыхъ *замиравшій* не можетъ пересказать кому-либо другому, подъ страхомъ лишиться жизни.

достатокъ, на пр. ягненокъ, родившійся въ этотъ день будетъ *крученый*, яйцо же, курицею снесенное не способно къ высиживанію цыпленка и пр. Сверхъ-того почитаютъ необходимымъ посѣять тогда же хоть немного сѣмянъ капусты (разсады), и вѣрятъ, что въ этотъ день подъ каждымъ листомъ засохшимъ, упавшимъ осенью съ березы, можно найти зернушко разсады.

Думаютъ, что земля не *растворяется*, т. е. не вполнѣ размерзается до перваго грома, и если онъ въ этомъ случаѣ слышенъ будетъ съ западной стороны, то надѣются хорошаго урожая хлѣба. Услышавъ первый громъ, дѣвки бѣгутъ къ рѣкѣ и изъ серебренной чарки или какого-нибудь другаго серебреннаго сосуда умываются и утираются краснымъ, чтобъ быть богатыми и красивыми.

23 Апрѣля, въ день Св. Побѣдоносца Георгія, обыкновенно освящаются хлѣбные всходы, и съ этаго времени не пускаютъ уже скота ни на поля, засѣянныя хлѣбомъ, ни на мѣста, назначаемыя для скоса сѣна, по которымъ онъ до того времени свободно ходитъ. *На Юрія*, говорятъ, *ворона въ житй схователся*, и если ростъ хлѣбовъ оправдываетъ народное мнѣніе, то ожидаютъ хорошаго урожая. Къ этому дню относится поговорка, что сѣна, заготовляемаго на зиму достанетъ *у дурня до Юрья, а у розумнаго до Миколы*. Говорятъ еще, что съ Юрьева дня начинаетъ пѣть соловей; если же до этаго праздника закуетъ кукушка *(зозуля)*, а деревья еще не распустились то это предвѣщаетъ *тяжелый* для народа *годъ*, въ отношеніи повальныхъ болѣзней и падежей. У Малороссіянъ существуетъ странное повѣріе о Св. Георгіѣ: его почи-

таютъ начальникомъ и повелителемъ волковъ, которыхъ по этому и называютъ *собаками Св. Юрія*.

12 Іюня, въ день Св. Онуфрія производится послѣдній сѣвъ гречи. Съ того же праздника, говорятъ, соловей перестанетъ пѣть.

23 Іюня, на канунѣ праздника Рождества Св. Іоанна Предтечи и Крестителя Господня, вечеромъ, совершается много полуязыческихъ обрядовъ. Вотъ что говоритъ о томъ Д. Бантышъ—Каменскій въ Исторіи Малой Россіи (1830, часть 111, стр. 216): «молодые люди обоего пола, въ седьмомъ часу по полудни, купаются въ рѣкѣ порознь до захожденія солнца; потомъ въ сумеркахъ разскладываютъ огонь на выгонахъ, на площадкахъ или полянахъ, въ садахъ и по-парно, держась за руку перепрыгиваютъ чрезъ оный. Если руки ихъ не разойдутся, сіе означаетъ, что они созданы быть супругами. Тогда счастливая молодежь наряжается: перевязываютъ платья поясами, изготовленными изъ цвѣтовъ, надѣваютъ на головы вѣнки, сплетенные также изъ цвѣтовъ благовонныхъ и травъ полевыхъ, берутся за руки и, составивъ кругъ, водятъ вокругъ огня хороводы, припѣвая нескромныя пѣсни въ честь Купала.» Самый день этотъ носитъ у Малороссіянъ названіе *Купала*. Впрочемъ празднованіе его также до нынѣ сохраняется у у другихъ народовъ славянскаго племени, а прежде было обще всей Европѣ. Трудно изъяснить происхожденіе этаго обычая весьма древняго и ведущаго, безъ сомнѣнія, начало свое отъ временъ языческихъ: изслѣдованія о о томъ многихъ ученыхъ не увѣнчались желаемымъ успѣхомъ; различныя мнѣнія ихъ собраны въ любопытной статьѣ Протоіерея С. Сабинина, подъ заглавіемъ *Купало*

(Ж. М. Н. П. Іюль, 1841); впрочемъ и мнѣніе почтеннаго автора этой статьи, производящаго обычай сей, отъ скандинавскихъ преданій не во-все лишено односторонняго взгляда (*).

(*) Пользуясь случаемъ, мы представляемъ здѣсь сообщенное намъ мнѣніе почтеннаго любителя Малороссійской старины *Іереміи Галки.*

У Славянъ было божество *Ладо*, идеалъ всеобщей гармоніи, юности, начинающей жизни, олицетворенная любовь. Какъ разительное проявленіе любви во вселенной заключается въ половыхъ отношеніяхъ существъ, то Ладо было вмѣстѣ съ тѣмъ божество любви, *коханья* (Venus). Ему придавали эпитеты *Дидисъ* (литов. великій) и *Лель, Лиль, Ляль* и т. п., т. е. *милый, кроткій.* Слоги *Л* съ гласными *е, я, ю, и* (*ле, ля, лю, ли*), *ляля, люля, люли* не только у насъ, но и у всѣхъ народовъ выражали нѣжность, любезность *люли, люлю, лелю, лялька* (малор. куколка), *La—La—La, lelevenla, Lallen, Lullen, Lust, Liebe,* (*лелвятъ, любовь*). Эти эпитеты сохранились до сихъ поръ:

А мы просо сіяли, сіяли.
Ой, *Дидъ-Ладо*, сіяли.

Или

Ой за гаемъ, ли́сомъ,
За темнымъ, зеленымъ,
Ой, *Лелю-Ладо*, и проч.

Божество юности и любви, Ладо могло быть божествомъ весны, юности года, времени, въ которое половое влеченіе дѣйствуетъ сильнѣе. Весенніе дни, проводимые то въ сельскихъ начальныхъ работахъ, то въ забавахъ, какъ и теперь Малороссіяне проводятъ ихъ, Славяне, быть можетъ, посвящали этому божеству. Отъ *праздника козла*, когда въ первый разъ упоминается имя Ладо до совершеннаго лѣта, когда настаютъ уже окончательныя работы, восхваляли они Ладо; молодые парни знакомились съ дѣвушками и выбирали себѣ невѣстъ. Доказательствомъ этому предположенію могутъ служить отчасти пѣсни, извѣстныя у Малороссіянъ подъ названіемъ *веснянокъ:* они поются отъ начала весны или *праздника козла* до *Купала.* Содержаніе ихъ исключительно посвящено всѣмъ возможнымъ отношеніямъ двухъ половъ. Дѣвушка представляетъ себѣ, какъ ей будетъ въ замужествѣ; иногда разсказываетъ, что

Народъ въ Малороссіи, подобно какъ и въ Литвѣ, думаетъ, что въ глухую полночь предъ Ивановымъ днемъ разцвѣтаетъ *папороть* красно-огненнымъ цвѣткомъ, что добывшій его становится знахаремъ, получаетъ способности къ

она будетъ дѣлать, когда выйдетъ за любаго или за нелюба; иногда хороводъ дѣвушекъ подсмѣивается надъ парнями и выказываетъ свое превосходство; но чаще всего въ веснянкахъ изображается знакомство мололыхъ людей. Почти всѣ эти пѣсни имѣютъ форму драматическую; это доказываетъ, что онѣ сопровождались обрядами, изъ которыхъ нѣкоторые уцѣлѣли. Голосъ веснянокъ отличенъ отъ голоса другихъ песень, поразителенъ своею мѣрностію и навѣваетъ чѣмъ-то стариннымъ; почти при каждой припѣвается: *ой, Лелю—Ладо!*

Веснянки, пѣсни Ладо, кончаются съ праздникомъ Купала.

Если Ладо́ было божество юности, весны, начинающейся жизни, любви дѣвственной, то *Купало* былъ божествомъ возмужалости, лѣта, развившейся жизни, любви, достигшей своей цѣли—супружества. Праздникъ Купала совершается въ началѣ лѣта, въ то время, когда природа года достигаетъ мужества, представляетъ собою какъ-бы отраженіе полнаго развитія жизни человѣка. Слово: *Купало* происходитъ, кажется, отъ *купа*, *купить*, *совокупить* и пр. Пѣсни Купаловыя подтверждаютъ это мнѣніе: въ нихъ также поется о любви, но уже совершившейся, какая нибудь *Оленка* уже прямо *Михайлова дівка;* форма также драматическая; парень даетъ обѣты дѣвушкѣ; она отвѣчаетъ ему нѣжно, уже безъ ироніи, какъ иногда въ веснянкахъ, хоръ поетъ о совершающемся союзѣ—чисто свадебныя пѣсни!

Принаровлены къ этому и самые обряды: молодые люди *омываются*, т. е. очищаются предъ празднествомъ и, надѣвъ вѣнки, ночью, взявшись за руки, скачутъ чрезъ огонь; на противной сторонѣ ставятъ чучело, увитое травами—*марена́*, осень, смерть, разрушеніе. Можетъ быть, смыслъ этаго обряда таковъ: юноша съ дѣвушкою, увѣнчанные вѣнкомъ союза, скачутъ чрезъ огонь, какъ-бы въ знаменіе того, что во всю жизнь свою они должны неразлучно проходить вмѣстѣ чрезъ несчастія и лишенія міра, до самой смерти. Слова Краледворской Рукописи: «И едину дружу намъ имѣти, по пути всей съ весны по *морану*» очевидно подтверждаютъ это предположеніе.

открытію кладовъ и пр. (*). Множество разсказовъ ходитъ въ народѣ о тѣхъ счастливцахъ, которые, не смотря на ужасныя препятствія въ этомъ случаѣ, какъ говорятъ, бывающія, сорвали и сохранили завѣтный тотъ цвѣтокъ. Различнымъ травамъ, собираемымъ на Купалѣ, приписываютъ особенную силу; знахарки и вѣдьмы преимущественно употребляютъ ихъ въ своихъ колдованіяхъ и лѣченіяхъ.

По замѣчанію Д. Бантыша-Каменскаго (Ист. Мал. Россіи, 1830, т. 111 стр. 217), въ туже ночь, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи не отдѣляютъ телятъ отъ коровъ, чтобы *вѣдьмы ихъ не испортили,* а въ хатахъ на окнахъ кладутъ крапиву. Въ другихъ же мѣстахъ, и въ особен-

---

Праздникъ Купала былъ *обрядомъ*, установленнымъ въ *честь бога* союза, соединенія, *супружествъ*, которыя, быть можетъ, наиболѣе въ это время заключались. Разумѣется, это однѣ ипотезы; но, по крайней мѣрѣ, не такъ изысканныя, какія мы уже столько разъ видали.

Пѣсни: *веснянки* и *купаловыя* любопытные читатели найдутъ въ собраніи Малороссійскихъ пѣсень Г. Кастомарова, которое скоро выйдетъ въ свѣтъ.

(*) Клады въ повѣріяхъ Малороссіянъ раздѣляются на два вида: *незаклятые* и *заклятые.* Всякъ, нашедшій незаклятый кладъ, можетъ свободно имъ воспользоваться; мѣстонахожденіе же вторыхъ, хотя и было бы извѣстно (говорятъ, что обыкновенно надъ ними горитъ свѣча), но они не могутъ быть взяты по произволу, прежде чѣмъ не будетъ принесено въ жертву, или вообще исполнено то, на что бывшій владѣлецъ клада, зарывая, *заклялъ* его, чтобы никто другой не могъ имъ воспользоваться; на пр. заклинаютъ на сто головъ куриныхъ, человѣческихъ, на отца, мать отрывающаго, такимъ образомъ, что для пріобрѣтенія клада нужно сначала угадать: на что онъ *заклятъ* и потомъ выполнить эти условія, которыя очевидно не всегда бываютъ удобоисполнимы. Сорвавшій цвѣтъ папороти получаетъ способность узнавать, на что каждый кладъ заклятъ. Вообще повѣрья Малороссіянъ о кладахъ многочислены, разнообразны и очень любопытны.

ности въ Черниговской губеніи, для предохраненія коровъ отъ этой порчи кладутъ на воротахъ или дверяхъ клевовъ, гдѣ онѣ содержатся, молодое осиновое дерево, вырванное съ корнемъ. Въ самый праздникъ Рождества Предтечи наблюдаютъ, впрочемъ не вездѣ, погоду и если будетъ дождь, то говорятъ, что орѣхи родятся пустые и въ маломъ количествѣ; при хорошей же погодѣ ожидаютъ урожая.

О происхожденіи Петрова Поста *(Петрíвки)* расказываютъ, что въ старину его не было, и всѣ недѣли были сплошныя; мужья *лáсовали* (лакомились), съѣдали масло и сметану, ежедневно ихъ женами приготовляемыя, такъ что нельзя было ничего заготовить въ прокъ. Хозяйки, которыя были по-умнѣе, посовѣтовавшись между собою, пустились на хитрости и учредили *Петровку;* но какъ были неграмотны, то и не съумѣли назначить постояннаго для нея срока. Каждая хозяйка объявила розно: одна въ 6 недѣль, другая въ 5, и такъ далѣе до одной; оттого-то, говорятъ, и нынѣ продолженіе Петрова поста не одинаково, а идетъ по очереди. Оскоромиться въ Петровку почитаютъ меньшимъ грѣхомъ, чемъ въ другіе посты или среду и пятницу.

Въ день Св. Апостоловъ Петра и Павла, 29 Іюня, къ разговѣнью послѣ поста, пекутъ изъ сыра, смѣшаннаго съ мукой и яйцами лепешки, называемыя *мандриками.* Народъ говоритъ, что съ этаго дня кукушка перестаетъ пѣть, *подавившись мандрикою.*

30 Іюня, праздникъ въ честь Св. Двѣнадцати Апостоловъ, называютъ *Полупетра.*

До дня Св. Пророка Иліи многіе считаютъ грѣхомъ

употребленіе въ пищу картофеля. Послѣ этаго праздника болѣе не купаются и замѣчаютъ, что до дня Св. Иліи облака ходятъ *за вѣтромъ*, а съ того времени начинаютъ ходить и *противъ вѣтра;* сверхъ того, говорятъ еще, что съ настоящаго же дня комари перестаютъ кусаться и начинаютъ пропадать. Всѣ эти повѣрья выражаютъ въ понятіи Малороссіянъ, какъ бы окончаніе первой и наступленіе второй половины лѣта.

27 Іюля—день Св. Муч. Пантелеймона, котораго народъ именуетъ *Паликопою* (сожигателемъ хлѣбныхъ копенъ). Тогда останавливаются всѣ самыя нужныя работы и народъ благоговѣйно празднуетъ этотъ день, страшась, чтобы въ противномъ случаѣ Св. Пантелеймонъ въ гнѣвѣ не сжегъ ихъ жилищъ и хлѣба.

1 Августа—Св. Мучениковъ Маккавѣевъ. Собираютъ поспѣвающій къ тому времени *макъ*, пекутъ изъ пшеничнаго тѣста коржи и, изломавъ, обливаютъ ихъ густою медовою ситою съ примѣсью растертаго мака; кушанье это у Малороссіянъ называется *шуликами* и преимущественно приготовляется въ настоящій день.

6 Августа, въ день Преображенія Господня, называемый *Спасомъ*, освящаютъ медъ и яблоки; а потому многіе, какъ и въ Великой Россіи, воздерживаются до этаго праздника отъ употребленія фруктовъ, почитая то грѣхомъ; если же кто ѣстъ яблоки и груши, имѣя умершихъ дѣтей, то имъ, по народному повѣрью, *на томъ свѣтѣ* въ этотъ день не дадутъ изъ райскаго сада ни одного *яблочка*, упрекая при томъ за невоздержность отца ихъ или матери. Самыя яблоки, къ тому времени созрѣвающія носятъ названіе *Спасовскихъ*. Послѣ Спаса говорятъ: *пройшовъ Спасъ, держи*

рукавички про запасъ, означая тѣмъ наступленіе осенняго холоднаго времени.

15 Августа,—Успеніе Пресвятыя Богородицы называютъ *перва Пречиста*.

29 Августа, въ день Усѣкновенія Главы Іоанна Предтечи, называемый *головосіка*, не ѣдятъ капусты, увѣряя, что если срубить въ тотъ день головку ея, то на ней покажется кровь.

8 Сентября, Рождество Богородицы — *друга Пречиста*.

Народъ вѣритъ, что въ день Св. Симеона Столпника, 1 Сентября, *ласточки скрываются въ колодцы*, отъ наступающей зимы; а въ праздникъ Воздвиженія Креста, 14 Сентября, *гадюки* (змѣи) *лѣзутъ въ вирій*, и только однѣ, ужалившія кого-нибудь, какъ-бы въ наказаніе за то, остаются въ своемъ обычномъ мѣстопребываніи. Подъ словомъ *вирій*, Малороссіяне разумѣютъ какую-то баснословную теплую страну, далеко у моря, куда улетаютъ на зиму перелетныя птицы и скрываются гады. Много повѣрьевъ, относящихся къ этому предмету, существуетъ въ народѣ. Послѣ всѣхъ птицъ и животныхъ, говорятъ, въ вирій летитъ кукушка, у которой находятся и ключи отъ него; она же весною послѣдняя оттуда улетаетъ. Соя, по народному повѣрью, три раза въ теченіи года, начинаетъ летѣть въ вирій и ни-разу туда не достигаетъ. Первый разъ летитъ она, когда разцвѣтетъ греча, второй—когда созрѣютъ хлѣба́, и наконецъ, въ третій разъ—когда упадетъ снѣгъ. Въ первыхъ двухъ случаяхъ, она принимаетъ бѣлый цвѣтъ полей за выпавшій снѣгъ, и потому спѣшитъ въ вирій; увидѣвъ же свою ошибку, съ половины пути возвращается; въ третій же разъ не достигаетъ его,

по недостатку корма и такимъ образомъ, остается зимоватъ въ прежнемъ мѣстѣ.

На Воздвиженіе въ Малороссіи и взрослые не ходятъ, и дѣтей не пускаютъ въ лѣсъ, боясь укушенія змѣй, которыя въ тотъ день *по деревьямъ* лѣзутъ въ вырій.

На канунѣ дня Св. Екатерины, 24 Ноября, паробки постятся, чтобы у нихъ были хорошія жены, а на канунѣ праздника Св. Андрея Первозваннаго постятся дѣвки, чтобы имѣть добрыхъ мужей; въ обоихъ случаяхъ гадаютъ и толкуютъ о суженыхъ по снамъ, видимымъ въ ночь предъ сказанными днями.

Какъ и въ Великороссіи, съ праздника Св. Наума, 1 Декабря, начинается у Малороссіянъ обученіе дѣтей; приводъ мальчика въ школу (обыкновенно къ дьячку), сопровождается какимъ нибудь подаркомъ учителю; по окончаніи же *граматки* (азбуки), онъ вновь получаетъ, кромѣ условной платы, подарокъ; родители же варятъ дитяти кашу молочную, или какую либо другую, которая и раздѣляется между товарищами ученика; самый же горшокъ, въ которомъ она была, разбиваютъ.

4 Декабря — Св. Великомученицы Варвары. Къ этому дню относится поговорка: *Варвара ночи украла, дня притачила,* означающая, что около того времени день начинаетъ увеличиваться, а ночь уменьшаться.

5 Декабря — Св. Саввы и 6 — Св. Николая. Къ этимъ днямъ относится поговорка: *Савва съ гвоздемъ, а Николай съ мостомъ* заимствованная, кажется, у Великороссіянъ.

9 Декабря, Зачатіе Св. Анны. Говорятъ, что съ того времени волки *начинаютъ* бѣгать стаями и разбѣгаются только послѣ выстрѣловъ, производимыхъ на Богоявленіе

Господнее, при водоосвященіи. Съ того же дня паробки *зачинають* свататься, посылая старостъ къ невѣстамъ.

Съ 24 Декабря начинаются *Святки*. Дню Рождества Христова предшествуетъ *богатая кутья*. Въ это время обыкновенно постятъ, пекутъ пироги и *кныши*, варятъ *кутью* и *узваръ* (*), обѣдаютъ и ужинаютъ вмѣстѣ не ранѣе всхода *первой* звѣзды. Когда кутья и узваръ будутъ готовы, то, вынувъ горшки изъ печи, ставятъ ихъ, въ ожиданіи всхода первой звѣзды и *вечèри* въ передній уголъ хаты *(на покутя)*, подъ образами на прилавкѣ, прикрытомъ сѣномъ и засланномъ сверху чистою скатертью, приговаривая: *кутья на покутя, а узваръ на базаръ;* оба горшка накрываются кнышами, сверхъ которыхъ ставятъ еще не большіе деревянные крестики. За вечéрею *(ужиномъ)* кутья и возваръ обыкновенно бываютъ послѣдними блюдами; но прежде чѣмъ отвѣдаютъ ихъ, старшій въ семействѣ, отворивъ нѣсколько окно, подноситъ къ нему мыску съ кутьею, приговаривая: *морозе, морозе иди до насъ кути йсти*, и потомъ· *нейдешъ? — нейдижъ ни на жито, ни на пшеницю, ни на всяку пашницю.* Кутьею въ этотъ день кормятъ курицъ, что бы онѣ несли поболѣе яицъ (**). Въ тотъ же вечеръ дѣти ходятъ съ

(*) *Кныши* (или какъ произносятъ это слово въ Черниговской Губерніи *каныши*) — родъ калачей изъ пшеничной муки; *кутьею* называются сваренные ячные крупы, облитые медовою ситою, а *узваромъ* (взваромъ) сушеные плоды, какъ то: яблоки, груши, сливы, вишни ипр. сваренныя въ водѣ. Горшки съ этими яствами ставятся на сѣнѣ, прикрытомъ скатертью, въ память рожденія Спасителя въ яслѣхъ.

(**) Подобное этому обыкновеніе существуетъ и у Сербовъ. См. Энц. Лек. томъ VI, ст. Божичь.

поклонами и кутьею къ крестнымъ отцамъ и матерямъ, а также бабкамъ, принимавшимъ ихъ при рожденіи.

Въ самый день Рождества Христова съ ранняго утра *старцй* и дѣти *виршуютъ* и *славятъ Христа;* вечеромъ же, какъ въ настоящій, такъ и въ послѣдующіе за тѣмъ дни въ продолженіи всѣхъ святокъ, носятъ *звѣзду* и ходятъ съ *вертепомъ* (*), въ воспоминаніе различныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ рожденіе Искупителя.

Въ этотъ праздникъ на столѣ у Малороссіянъ бываютъ колбасы и *кишки*, начиненныя гречневой кашей или пшеномъ: къ тому времени обыкновенно откармливаютъ и убиваютъ свиней.

Вечеромъ дѣвки и мужчины *колядуютъ* (поютъ разныя пѣсни, подъ окнами домовъ), за что и получаютъ пироги,

(*) *Звѣздою* называютъ сдѣланное изъ цвѣтной бумаги подобіе звѣзды, носимое на палкѣ; а *вертепомъ* ящикъ или шкафъ, открытый съ одной стороны для зрителей, въ которомъ разыгриваются духовныя мистеріи (*кумедіи*) куклами, приводимыми въ движеніе руками вертепщиковъ, или же грубымъ механизмомъ. Содержаніе самихъ представленій почти всегда одинаково и обыкновенно заимствуется изъ исторіи Рождества Спасителя, на пр. славословіе Ангеловъ, поклоненіе Пастырей и волховъ, смерть Царя Ирода ипр. Эти сцены часто разнообразятся танцами, кривляньемъ и другими фарсами нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ, а потому и самое пѣніе виршъ, обыкновенно сопровождающее и поясняющее таковыя представленія, бываетъ то ускоренное, то медленное, согласно движенію куколъ. Впрочемъ нынѣ звѣзда и вертепъ начинаютъ выходить изъ употребленія и встрѣчаются довольно рѣдко. Замѣчательно, что обыкновеніе ходить въ святочные вечера съ вертепомъ существуетъ и въ Сибири. См. *Мои воспоминанія о русскомъ театрѣ и русской драматургіи*, Н. А. Полеваго (Реперт. Русс. Театра, 1840, томъ 1.)

паленицы, сало, колбасы и пр., у богатыхъ же пьютъ водку. *Колядки* обыкновенно содержатъ похвалу какому нибудь члену семейства или всему семейству, въ общихъ выраженіяхъ, и, по мѣстности, бываютъ довольно разнообразны; обыкновенно послѣ каждаго стиха ихъ, а иногда и двухъ вмѣстѣ, повторяется припѣвъ: *ой дай, Боже, Святый вечíръ*, или просто, *Святый вечíръ*. (*)

Въ продолженіи первыхъ трехъ дней праздника Рождества ничего не работаютъ; въ слѣдующіе же за тѣмъ дни производятся только самыя необходимыя работы и притомъ непремѣнно днемъ; по вечерамъ же избѣгаютъ какихъ либо занятій: *бо святые вечера до Крещенія*, говоритъ народъ; Богъ посылаетъ счастіе, здоровье, богатство тѣмъ, кто не работаетъ и пр.

31 Декабря — Св. Меланіи, которую народъ называетъ *Меланкою*; вечеръ этого дня называется *богатымъ* или *щедрымъ*; каждая хозяйка для вечèрí варитъ *вареники* (**), какъ и въ теченіи всѣхъ Святокъ, кромѣ для Рождества Христова, также приготовляетъ кучу пироговъ съ мясомъ и творогомъ и кнышей; все это вымазавъ масломъ, ставитъ въ кучѣ на столъ, затеплитъ свѣчу предъ образами, накуритъ ладономъ и проситъ мужа *исполнить законъ*;

(*) Нѣсколько *колядокъ*, а равно и *щедрíвокъ*, помѣщено въ III книгѣ Очерковъ Россіи, въ статьѣ: *Малороссійскія Святки* В. Пассека.

(**) *Вареники* принадлежатъ къ любимымъ народнымъ кушаньямъ Малороссіянъ всѣхъ сословій. Они бываютъ пшеничные или гречневые и приготовляются весьма разнообразно; въ скоромные дни чаще всего съ сыромъ, или мелко посѣченнымъ мясомъ; а въ постные съ капустой, гречневой кашей, *урдою* (растертымъ конопляным сѣменемъ), лѣтомъ же съ вишнями, земляникой, клубникой и другими ягодами.

тотъ садится на покутье, ставитъ передъ собою кучу кнышей и пироговъ и тогда взываютъ дѣтей. Дѣти входятъ, молятся и спрашиваютъ: «де-жъ нашъ батько? *Отецъ*: Хиба вы мене не бачите? *Дѣти*. Не бачимо, тату. *Отецъ*. Дай же Богъ, чтобъ и на тотъ годъ непобачили! т. е. что бы было такое же изобиліе во всемъ, какъ и въ настоящій день. Потомъ всѣ садятся къ столу и ужинаютъ. Въ тотъ же вечеръ паробки *щедруютъ*, а дѣвки гадаютъ; впрочемъ должно замѣтить, что гаданія у Малороссіянъ не такъ многочисленны и разнообразны, какъ въ великороссійскихъ губерніяхъ.

Въ праздникъ Новаго Года, съ ранняго утра дѣти ходятъ по домамъ съ *торбинками* (небольшими мѣшками), наполненными разнаго рода зернами и *посыпаютъ*, разбрасывая ихъ на полъ, съ причитаньемъ *на счастье, на здоровье на Новый Годъ роди, Боже, жито, пшеныцю и всяку пашныцю; будьте здоровы съ Новымъ Годомъ*! Такой обычай водится и въ Черноруссіи. Въ этотъ день особенно наблюдаютъ погоду, и если бываетъ иней, то ожидаютъ обильнаго урожая хлѣба. Сверхъ того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существуетъ еще обычай *подкуривать сады*, состоящій въ слѣдующемъ: начиная отъ вечера богатой кутьи до дня Новаго Года, выметая избу, сора не выбрасываютъ вонъ, а собираютъ въ одно мѣсто и въ Новый Годъ рано, до всхода солнца, выносятъ соръ въ сады и сожигаютъ, вѣря, что чрезъ это деревья пріобрѣтутъ болѣе жизненной силы и принесутъ обильнѣйшій урожай фруктовъ.

Предъ Богоявленіемъ Господнимъ бываетъ *голодная кутья*; подобно какъ и на рождественскій сочельникъ ва-

рятъ взваръ, кутью и пекутъ пироги. Въ этотъ день, какъ и въ Великороссіи, на всѣхъ дверяхъ, окнахъ, стѣнахъ и пр., снаружи и внутри дома чертятъ, въ отогнаніе нечистой силы, небольшіе крестики; пишущій ихъ обыкновенно ходитъ съ однимъ или двумя пирогами, и начертивъ крестъ, приговариваетъ: *хрестъ писнувъ, пирíгъ вкуснувъ*. Воду, освящаемую въ это время набираютъ въ сосуды и хранятъ въ теченіи всего года, употребляя ее для окропленія погребовъ, въ которые ставятъ на зиму ульи, и самыхъ ульевъ, при собираніи роевъ. Здѣсь можно замѣтить, что народъ считаетъ покровителемъ пчеловодства Св. Зосиму, изображеніе котораго по этому и можно встрѣтить въ каждой пасекѣ. Послѣ ужина (не ранѣе однакоже всхода первой звѣзды) выстрѣлами или ударами дубины въ ворота *прогоняютъ кутью*.

Въ теченіи всей Сырной Недѣли варятъ вареники съ сыромъ, у богатыхъ къ тому прибавляютъ еще сметану; вообще же хотя время это проводятъ и празднуютъ весело, но не такъ шумно, какъ въ губерніяхъ чисто русскихъ, придерживаясь старинной пословицы: *вареники доведуть, що и хлíба не дадуть*.

Въ понедѣльникъ этой недѣли, замужнія женщины и старухи, собравшись, преслѣдуютъ холостыхъ парней и *привязываютъ* къ ногѣ каждаго изъ нихъ *колодку*, въ наказаніе за то, что они въ теченіи мясоѣда не женились. Парень долженъ выкупиться, и послѣ того колодку снимаютъ. Также поступаютъ и съ дѣвками; не только родителямъ за дѣтей, роднымъ за родныхъ, даже знакомымъ, за то что ихъ знакомые не женились, привязываютъ колодку. *Поволочивъ колодку*, какъ онѣ называютъ, на соб-

ранныя деньги пирують. На заговѣнье, т. е. въ воскресенье предъ началомъ Великаго Поста, слѣдуя благочестивому обычаю, ходятъ къ роднымъ, испрашивая прощенія въ обидахъ.

Въ среду Крестопоклонной недѣли, говорятъ *переломится постъ*, и увѣряютъ, что, прислушиваясь, можно слышать сильный стукъ и трескъ при этомъ бывающіе.

Въ Вербное Воскресеніе, получивъ освященную вербу, по возвращеніи изъ утрени хлещутъ оною слегка другъ друга, приговаривая:

Не я бью,
Верба бье,
За тыждень —
Великдень!

Будьте здоровы съ празникомъ!

Обычай этотъ существуетъ и въ Литвѣ.

Въ Великій Четвергъ, имѣющіе накожныя сыпи, для излѣченія, купаются до зари. Возвращаясь же изъ всенощной, стараются чтобы свѣчи, зажженыя въ церкви, дорогою не погасли и въ домахъ выжигаютъ ими на переводахъ знаки креста.

Свѣтлый праздникъ, называемый *Великоднемъ*, въ Малороссіи, какъ и вездѣ, празднуютъ съ особенною торжественностію. Всѣ приготовленія къ нему обыкновенно оканчиваются въ предыдущіе дни; пекутъ *пасхи* (*), жарятъ поросятъ и ягненковъ, окрашиваютъ краснымъ сандаломъ яйцы (называемые отъ того *крашенками*), начиняютъ колбасы и прибавивъ къ тому еще нѣсколько кусковъ сала,

(*) Если *пасха*, при печеніи, выйдетъ случайно съ пустотою въ срединѣ, то говорятъ, что въ тотъ годъ умретъ кто нибудь изъ домашнихъ.

хлѣбъ, марковь, хрѣнъ и соль, утромъ выносятъ все къ церкви, гдѣ эти яства послѣ литургіи и освящаются. По окончаніи утрени, слѣдуя храстіанскому обычаю, въ церкви же христосуются съ священникомъ и между собою, даря другъ друга крашенками или *писанками*, т. е. яйцами окрашенными въ разные цвѣта, съ узорами. По возвращаніи домой разговавливаются прежде всего *свяченымъ* и потомъ уже обѣдаютъ; точно такимъ же образомъ поступаютъ и въ послѣдующіе за тѣмъ дни.

Второй день какъ настоящаго, такъ вообще и другихъ трехдневныхъ церковныхъ торжествъ, Малороссіяне называютъ *Богородицею*, посвящая эти дни памяти Пречистой Дѣвы.

Народъ вѣритъ, что умирающіе въ теченіи всей Свѣтлой Недѣли непремѣнно достигнутъ рая, какова бы ни была ихъ земная жизнь.

Остатки отъ освященныхъ предметовъ, какъ то: кости ягненка, поросенка, куски хлѣба, пасхи и пр. тщательно собираютъ и берегутъ для слѣдующей цѣли: при поставкѣ хлѣбныхъ скирдъ остатки сіи кладутъ по четыремъ угламъ и въ срединѣ *пода*, т. е. основанія скирды, и вѣрятъ, что этимъ средствомъ хлѣбъ предохранится отъ порчи и вреда, наносимыхъ мышами. Освященное сало также сохраняютъ, употребляя для смазыванія воламъ шеи, когда отъ дождливой погоды и тренія ярмомъ она, какъ говорятъ, *испортится*.

Морковь ѣдятъ какъ средство, изцѣляющее глазную болѣзнь, называемую *курячьею слѣпотою*. Народъ думаетъ, что обыковенная мышь, съѣвъ кусочекъ пасхи или просфоры, превращается въ летучую *(кажана)*.

Антидоръ, называемый здѣсь *дарникомъ*, также сохраняютъ, употребляя какъ средство отъ лихорадки и сверхъ того даютъ скоту при повальныхъ болѣзняхъ.

Отъ Свѣтлаго Праздника до дня Вознесенія не должно отказывать въ милостыни ни одному просящему бѣдняку, потому, говорятъ, что самъ Господь, воскресши, ходитъ по землѣ въ видѣ нищаго, въ теченіи того времени.

Въ Духовъ и Тройцынъ день *(Зеленые Праздники)*, украшаютъ домы *клечаньемъ*, т. е. вѣтвями деревъ клена, липы и другихъ, полы же усыпаютъ травою и полевыми цвѣтами.

Вотъ что сказано въ статьѣ *Русалка* (Оч. Рос. т. III), о народномъ повѣріи, относящемся къ этому времени: «Въ Малороссіи думаютъ, что дѣти, умершія безъ крещенія, до семи лѣтъ носятся въ воздухѣ, а въ Духовъ и Тройцынъ День просятъ себѣ крещенія; многіе слышатъ въ высотѣ голосъ:

«Мене мати народила,
Некрещену положила.»

Если кто нибудь изъ христіанъ услыша этотъ призывный голосъ, скажетъ: «*Иванъ да Марья! крещаю тебя во имя Отца и Сына и Святаго Духа*!» то душа младенца уносится въ рай; а если до семи лѣтъ не было отвѣта на призывный голосъ дѣтской души, то она превращается въ русалку. Говорятъ, что утопленницы поступаютъ также въ число русалокъ, но онѣ отличаются длинными зелеными волосами, съ которыхъ журчитъ и струится вода.» Впрочемъ должно замѣтить, что хотя авторъ выражается словомъ русалка, говоря здѣсь о повѣріи Малороссіянъ, но у нихъ для означенія этихъ фантастическихъ

существъ есть собственное однозначительное тому слово *Мавка.*

Въ теченіи Зеленой Недѣли въ Малороссіи многіе не купаются, не ходятъ въ лѣсъ или поле одиночкою, боясь, какъ говорятъ, *что бы Мавки не залискотали;* отъ нападенія ихъ, по народному мнѣнію, можетъ предохранить *любистокъ* (зоря), который въ это время, суевѣрные вмѣстѣ съ полынью и носятъ при себѣ въ пазухѣ.

Стараясь упомянуть, въ этомъ бѣгломъ очеркѣ повѣрій и обычаевъ, соединенныхъ въ Малороссіи съ извѣстными праздниками и днями Святыхъ, я не могу однакоже сказать, чтобы мною исчислены были всѣ обстоятельства, касающіяся этаго предмета. Есть много мѣстныхъ повѣрій; я же имѣлъ въ виду общія и притомъ существующія въ Полтавской губерніи. При этомъ случаѣ считаю долгомъ принесть искренную благодарность мою почтенному литератору нашему, Г. Ѳ. Основяненку, котораго нѣкоторыми замѣчаніями, относительно излагаемаго здѣсь предмета, я пользовался.

А между тѣмъ, повторяю, сколько еще остается неизслѣдованными другихъ гораздо обширнѣйшихъ, важнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ предметовъ! Нѣтъ въ Малороссіи сколько нибудь замѣчательнаго села, которое не имѣло бы своихъ мѣстныхъ повѣрій; не говорю уже о пространствѣ значительномъ, на пр. уѣзда: здѣсь часто встрѣчаются большія разности въ одеждѣ, пѣсняхъ, произношеніи и пр. Собрать и привесть въ порядокъ драгоцѣнные остатки народной Поэзіи — пѣсни и сказки, всѣ разнородныя преданія и повѣрія, относящіяся къ Малороссійской Демонологіи, народной Медицинѣ, Исторіи, различнымъ живот-

нымъ, птицамъ и гадамъ, описать обычаи, домашнюю семейственную жизнь Малороссіянъ, подвергнуть все это строгому критическому разбору и представить стройное цѣлое: вотъ, въ общихъ чертахъ, трудъ, предстоящій изслѣдователю малороссійской старины. Богатая жатва ожидаетъ трудолюбиваго дѣлателя.

Конст. Сементовскій.

Харьковъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ ИВАНѢ КУПАЛѢ.

Въ Области Славянскихъ, столь еще темныхъ, миѳическихъ сказаніяхъ существуетъ такъ часто воспоминаемый богъ Купало, и въ честь его учрежденное празднество *Купало на Ивана*. Обряды его болѣе или менѣе извѣстны: купанье, прыганье черезъ костры, пѣсни, пляски и т. п. Многіе изъ нихъ составляютъ, нѣкоторымъ образомъ, придаточные предметы въ картинѣ, между тѣмъ какъ настоящее значеніе самого божества и главныхъ въ празднествѣ обрядовъ до сихъ поръ никѣмъ не разгадано. Остроумное объясненіе этаго, приложенное въ видѣ примѣчанія къ разсужденію, напечатанному въ семъ сборникѣ, требовало бы только нѣсколькихъ историческихъ свидѣтельствъ. За неимѣніемъ же ихъ, оно останется прямой гипотезой, противъ которой можно найти еще нѣсколько новыхъ. Но, въ сущности, отъ этаго мы ничего не выиграли бы. Заслуга примѣчаній сдѣлавшаго ихъ состоитъ въ томъ, что онъ постигъ, въ чемъ заключается простая тайна, т. е. что надо прежде всего этимологически объяснить себѣ

слово *Купало*. Принятая этимологія кажется мнѣ не совершенно удовлетворительною. Празднество Купала, совершаемые при немъ обряды, не принадлежатъ исключительно Славянскому элементу. Мы находимъ его и до нынѣ сохранившимся въ нѣкоторыхъ странахъ; во всей же полнотѣ оно осталось у народовъ чудскаго племени. Въ окрестностяхъ Дерпта, Ревеля, день Купала Славянскаго жители проводятъ въ сходбищахъ, въ разложеніи огней (костровъ), въ пляскахъ и пѣніи. Впрочемъ, въ наше время, все это потеряло уже свой первобытный характеръ и ничто, кромѣ огней, не напоминаетъ объ его основномъ назначеніи. Примѣры подобныхъ празднествъ представляетъ намъ древній міръ.

При имени и обрядахъ въ честь бога Купала съ особенною живостію рисуется въ памяти праздникъ древняго Рима называемый *Palilia*, или иначе *Parilia*. Праздникъ этотъ въ первой разъ введенъ при основаніи города и въ 19-й день Апрѣля былъ празднованъ въ Столицѣ Римскаго міра.

Драгоцѣнная въ отношеніи къ древнимъ обрядамъ Рима Овидіева поэма *Fasti* (въ IV-й кн. ст. 721-782), сохранила намъ поэтическое описаніе этихъ обрядовъ въ честь богини *Pales*, попеченію которой были поручены стада и все достояніе пастуха. Любознательный читатель отыщетъ это мѣсто, чтобъ насладиться мастерскимъ описаніемъ поэта. Сущность преданія объ этомъ обрядѣ слѣдующая. Необходимое условіе для очищенія составляетъ огонь Весты. Vestae munere purus eris. Прежде всего на священномъ огнѣ костра должно было сжечь конскую кровь и принести въ жертву тельца; костеръ состроенъ былъ изъ бабовинъ. По-

томъ пастухъ, очистивши своихъ овецъ черезъ окропленіе ихъ водой, долженъ былъ посадить зеленыя вѣтьви вокругъ овчарни своей и подкурить ихъ очищающей сѣрой, бросать на огонь смоляное дерево, растѣніе *Sabina* (козацкій можевельнику по Кронеб.) и поддерживать огонь вѣтвями лавроваго дерева.

Къ этому прибавлялась корзина проса, которое составляло любимое произведеніе пастушеской богини Палесъ. Наконецъ совершался пиръ и во время пира — либаціи свѣжаго молока въ честь богини. За ними слѣдовали молитвы, омовеніе чистой росой, при чемъ обращались къ востоку и испивъ молока и напитка, называемаго *sapa*, прыгали черезъ пылающіе костры. Этимъ оканчивается у Овидія описаніе древняго обычая. Expositus mos est.

Изъ приведеннаго нами здѣсь замѣчательно, что весь этотъ сельской пастушескій обрядъ служилъ къ очищенію, lustratio, въ которомъ огонь, морская вода и сѣра играютъ главную роль. Въ древностяхъ Римскихъ, Греческихъ и Еврейскихъ весьма часто вспоминается очищеніе посредствомъ этихъ веществъ, употреблявшееся при разныхъ случаяхъ. Самъ же Овидій далѣе говоритъ: Omnia purgat edax ignis, пожирающій огнь все очищаетъ—vitiumque metallis excoquit-и все дурное выпаляетъ въ металлѣ; можетъ быть, прибавляетъ поэтъ эти два начала, огонь и вода, какъ противуположные между собою, какъ зародыши (*) всѣхъ вещей были употребляемы для очищенія, по причинѣ этой противуположности; или же потому, что въ нихъ заключается

(*) Semina.

элементъ оживляющій, (vitae caussa est); они играли роль и при совершеніи браковъ. Нѣкоторые видятъ въ этомъ обрядѣ намёкъ на миѳы Фаетонта и Девкаліона. Изслѣдованіе всѣхъ причинъ, здѣсь упоминаемыхъ, не привело бы насъ къ скорѣйшему достиженію цѣли. Можно принять за истину положительную, что употребленіе огня и воды служило къ очищенію. Очищеніе же совершалось тогда, когда зима смѣнялась весною и перемѣна воздуха, зловредныя пары земли, угрожали болѣзнями. Ѳеодоритъ въ позднѣйшее время (въ 5 вѣкѣ послѣ Р. Х.) вспоминаетъ, что онъ и самъ видѣлъ, какъ по улицамъ зажигами огни и прыгали чрезъ нихъ, перенося и маленькихъ дѣтей: это почиталось *предотвращеніемъ* зла и *очищеніемъ*. Ѳеодоръ Бальсамо, Патріархъ Антіохіи 12 в., по словамъ Кира Михаила Константинопольскаго, замѣчаетъ слѣдующее: «23 Іюня, ввечеру, на улицахъ и въ домахъ собирались мущины и женщины, зажигали огни на всю ночь и прыгали черезъ костры, гадали и предсказывали благополучіе, или злополучіе съ помощію дьявола.» Обрядъ этотъ, противный Христіанину, былъ запрещенъ; слѣдовательно этотъ языческій обычай мы находимъ уже весьма въ давнія времена.

Это соединеніе и до-нынѣ существуетъ. На чемъ же оно основывается? Простой-ли случай соединилъ языческій обрядъ съ праздникомъ Предтечи Христова? Но событія такого рода было бы странно приписать игрѣ случая. Гдѣ же, въ чемъ заключается центръ этаго соединенія? И потому прежде всего должно опредѣлить сущность празднества Купала на Ивана. Пляска, пѣсни, гаданье о томъ,

которая *молодиця* скорѣе выйдетъ замужъ, съ кѣмъ суждено ей вступить въ бракъ, долго-ли остается жить на свѣтѣ, всѣ эти принадлежности, свойственныя не только помянутому празднику, но и другимъ, даже не праздничнымъ днямъ.

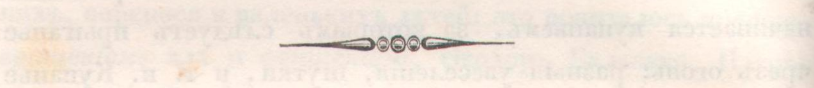
И въ наше время, каждой вечеръ, каждое отдохновеніе послѣ дневныхъ работъ, жители деревень, даже городовъ оканчиваютъ хороводами на улицахъ. Слѣдовательно, въ праздникѣ Купала надо отыскать начало кореннаго обычая и обряда. Безъ сомнѣнія оно заключается въ очищающихъ свойствахъ огня и воды. Въ самомъ дѣлѣ этотъ праздникъ начинается купаньемъ, за которымъ слѣдуетъ прыганье чрезъ огонь; разныя увеселенія, шутки, и т. п. Купанье же въ этомъ праздникѣ принимаетъ еще и символическое значеніе, кромѣ своего обыкновеннаго. Купанье это значитъ Lustratio, очищеніе, καθαρμὸς вообще; вторая половина этаго очистительнаго обряда посредствомъ огня включается также подъ это общее названіе, очищеніе это, какъ и въ палиліяхъ римскихъ, принадлежитъ къ обрядамъ весеннимъ; но Италіянская весна начинается ранѣе, чѣмъ у насъ, по этому и обрядъ совершался у Римлянъ ранѣе чѣмъ у Славянъ.

Въ такомъ только значеніи очищенія, умыванья купанья, обрядъ бога Купала, какъ очищающій, могъ слиться и соединиться съ понятіями Христіанскаго очищенія, которое находили въ лицѣ Св. Іоанна Крестителя. Съ этихъ поръ вошло въ употребленіе выраженіе Купала на Ивана, т. е. очистительный праздникъ, въ который приходится Ивановъ день. Если все, сказанное нами, имѣетъ осно-

ваніе законное, то, безъ сомнѣнія, этимологія названія *Купало* не иначе должно быть объясняемо, какъ чрезъ производство его отъ слова *купать*, получающаго въ этомъ употребленіи гораздо обширнѣйшее значеніе.

А. В.

Харьковъ.

ПЕРЕПИСКА ПО ПОВОДУ ИЗМѢНЫ МАЗЕПЫ.

1. Первое донесеніе Петру Великому объ измѣнѣ Мазепы.

Пресвѣтлѣйшій Государь царевичь и великій Князь Алексѣй Петровичь всея Россіи надеждо нашего спасенія.

Звѣрности моей рабской, о превеликихъ царственнихъ нуждниxъ дѣлехъ, послалъ я нарочно из ізвѣстительнымъ писмомъ до благочестивѣйшого отца твоего Государева великаго Государя царя и великаго Князя Петра Алексѣевича всея Россійскаго Самодержца, что на благоразуміе вашего величества рабски полагаю, повелите то писмо принять у него присланного моего і велите послать чрезпочту царскому величеству, или повелите ему подводи и подорожную дать чтобъ онъ бѣжалъ, якоежь вашего величества будеть благоволеніе, по колику прошу чтобъ не замѣшкалось на москвѣ. Бо тое писмо велмы нужно царскому величеству о цѣлости здравія вашего Государскаго, и всей хранимой вашей державы. Премилостивому тежь разсужденію вашему величеству рабскы подаю, и о семъ что естли хоть и на

подводахъ посилный мой поѣдеть нескоро царское величество знайдеть; для лутшаго охраненія вотчини вашей Государской добребы послать через скорую почту чтобъ заумедленіемъ неучинилося якое зло, а одѣле томъ донесеть вашему величеству онъ повѣроный мой словесно; о семъ и пакы рабски милости покорне прося премилосердой вашей полецаюсь благостинѣ, и зостаю,

вашего величества нижайший рабъ и подножие

Өедоръ Осиповъ.

Зъ Ахтирки
Февраля 15 дня 1708 году.

P. S. Запобѣгаючи я убогій рабъ вашего величества отвѣрности своей, дабы ваше благочестивихъ Государей нашихъ здравіе и прародителное ваше царское Самодержавіе открестоотступніковъ небыло нерушимо; нопаче разсиралось силою креста Господня, имже благовѣрніе Цари утверждаются, тако его извѣстителное писмо, иснимже моимъ повѣронимъ посилаю, и досіятельнѣйшого князя Его милости Александра Даниловича, благоволы и повели надеждо моя гдѣ Его милость сообрѣтается, то писмо послать черезъ почту наскоро, дабы востающие враги, дабы ваши пребогато питающия вашея Государское трапези яже суть еще во устѣхъ непорадовалися, а ваше Государствованіе благополучно, славно и преславно вовсякомъ утверженіи пребывало яко всеистинній вашего величества рабъ отъ души моей желаю. На подленномъ тако

Өедоръ Осиповъ.

Внизу помечено тако: спочти Марта 2.

2. Письмо Царевича Алексѣя Петровича къ А. Д. Князю Меншикову.

Свѣтлейший Князь.

Сего мѣсяца въ 22 д. привезъ ко мнѣ Господинъ Комендантъ писмо от Ахтирского Полковніка и стого писма списокъ посилаю квашей светлости а подленное к Государу Батюшку и Вашей Светлости писмо отъ Полковніка икъ Государу Батушку у него Господина коменданта и послонной у негожь.

Алексѣй.

Изпреображенскаго.
Февраля въ 25 день 1708.

3. Письмо Ахтырскаго полковника Федора Осипова къ князю А. Д. Меншикову.

Ясне вельможный свѣтлѣйшій князь мнѣ милостивий пане і патроне

Князь Александръ Данилович.

Нынешнего 1708 году Февраля въ 8 д. явився засекретъ вмене нарочно в Ахтирки Полтавской спаскій попъ Иванъ Свѣтайло, поприсилке бывшего полтавского полковніка Ивана Искры и подверностыю своеюквеликому Государю велѣлъ мнѣ снимъ Иваномъ видѣтися гдебъ при-

стойно для нужного великаго Государя дѣла; и тогожъ Февраля въ 9 д. поехавъ я изъ Ахтирска будто за своимъ деломъ никому неизвѣраяся; и Февраляжъ въ 11 д. съѣхався снимъ Иваномъ Искрою надрѣчкою Коломакомъ въ пасеки своей.

І онъ Іванъ подименемъ Божіимъ и подклятвою, душевною являя верность кь великому Государю Генерального судьи василия Кочубея, и свою сказалъ мнѣ.

Послалъ де его Ивана онъ Кочубей видѣтись со мною и изявити тайну, что Гетманъ Иванъ Мазепа забывь страхъ Божій и крестное цѣлованіе и премногую монаршую ксебѣ милость, согласився съ королемъ Лещинскимъ и извишневецкимъ из злаго своего намѣренія умишляеть на его великаго Государя здравие какъ бы его Государа вруки свои где вхватить илы смерти предать.

А хотѣвъ тое цѣле вчинить, вовремя бытности поприсилки кнему въ батуринъ Господина Александра Кикина мнячи себѣ онъ злохитрий вто время быти его царскому величеству внего подименемъ александровимъ и будто для стрѣчи поставивъ своихъ вѣрнихъ жолнѣровъ многое число и слугъ которие внего отъ короля Лещинского есть знабытимъ огнистимъ оружьемъ, и приказавъ имъ, какъ де Государь вдворъ войдеть и виде дайте ему огню вгруди.

А какъ увѣдавъ что царского величества тутъ нѣть. толко Господинъ Кикинъ самъ жолнѣровъ тыхъ и слугъ розославъ а велѣлъ стоять малимъ людемъ по обычаю.

И нінѣ всяческы тщится и натомъ положивъ чтоб его Государя где смерти предать илы вруки взять і неприятелямъ отдать.

А вмимошедший сей филиповъ постъ совокупившися сполками своими и откривши змѣнническую злобу хотѣлъ итить войною на его великаго Государя вотчину на великороссійские городи;

И тое его злое намѣреніе незбылося посее время затеплостію зыми и что река днѣпръ неукрепився и неставъ.

А укривая злобу всебѣ будто по его великаго Государя указу и будто зрадѣнія своево на отпоръ неприятелемъ простуючимъ къ Кіеву збатурина вгородъ Прилуку со всеми своимы компанейскимы и пехотнимы сердюцкими полкамы пришовъ, а и городовимъ полкамъ поблизу будучимъ ксебѣжъ велитъ итить, и у великой осторожности умишляетъ, какъ бы ему реку днѣпрь сполками перейтить, и вбѣлую церкву убратся, а совокупяся стогобочними полкамы, и собравъ великую силу случась скоролемъ Лещинскимъ илы свишневецкимъ злохитрое свое намѣреніе хочеть исполнить, чтобъ ево Государеву державу разорить, а тогобочніе полкы на то ему давно присяжны, и для того онъ ихъ тамо и населилъ.

А всѣ свои скарбы и пожиткы одны уже за Днепръ випровадивъ, а другіе зсобою возить.

А во всѣхъ полкахъ рейменту своего будто по іменному его великаго Государя указу велѣлъ брать побори великіе скозаковъ, чего нікогда небывало, вкаждого козака отконя по таляру, а отвола покопѣ и то онъ чинить отзлохитрия своего какъ бы народъ тымъ обтягчить, и возмутить и до бунту привесть, и наворочаеть что будто онъ непосвоей волы чинить, но поуказу на его великаго Государя.

А особно смѣщанъ взявъ, и удобруя сердюковъ, роздавъ увоплату на тры мѣсяцы.

Даитакое внародѣхъ возмущеніе произнесъ, будто его царское величество повелить ево рейменту козаковъ писат всалдати и вчить встрой. А все злохитримъ своимъ умисломъ плевелы всѣваетъ чимбы скорѣй народъ привести до шатости і измѣни.

І уже Голота вь тайности тое промежь собою носить и на шатость ждуть ево повелѣнія.

А войско запорожское тайно подсилаючи прельщаеть и стращаеть будто его царское величество нелюбя ихъ коли колвекъ велить разорить и мѣсто ихъ опустошить.

И потой ево прелести оны устрашаются и зостаютъ въ готовности квойнѣ.

А виходить имъ еще невелить чтобъ за ихъ порушеніемъ неоткриласябъ ево злобы измѣна дондеже совокупится синими своими единомишленнікы.

А про тое ево злое намѣреніе, старшина Генеральная и полковніки любо и домишляются и вѣдають, однакъ одны звѣрности кнему, другие страха его рады, третіе видя его Государеву къ нему милость что неповерить, извѣстить ему великому Государю не смеють.

А лутше всехъ прото ведаеть ближній Его секретарь новонаставленній Генералній писарь Орликъ чрезкоторого всякая тайна и пересилки отправуются.

Советують царскому величеству оба Кочубей и Іскра чтобъ Кіевскій Губернаторъ города Кіева и себе отзради его накрепко остерѣгъ, и когда будетъ онъ кресто отступнікъ вкіевѣ розумнобъ промишлявъ какъ бы вруки его взять а скіева невипустить, и вбѣлую церковь упередя его нѣсколко пехотнихъ полковъ немедля посилать.

А буде скіева Его съ полками випустить илы полкы

Его упередять вбѣлую церковь и тогди уже ему ничого неучинить, кромѣ что всякой беди отнего сподѣватся для того что зобохъ сторонъ Днепра великая сила снимъ будеть, пачеже и ляховъ къ себѣ сподѣвается вскоре.

А якъ то народъ хибкій и уже отнего Гетмана подименемъ царского величества вельми всѣмъ оскорбленній нетокмо голтяи которіе тому ради нойлутшие волю его чинитимуть, и такъ стѣми подручними яко и ізинніми главними его Государевми недруги скимъ уже и согласився, превеликое междособіе и знатную поруку царского величества державѣ невхвативши его врукы злобо враждённімъ своимъ поводомъ вчинить.

Онижъ царскому величеству доносять и милости просять, чтобъ сіе верное доношеніе до времени у царского величества было укрито для того что нѣхто зближнихъ секретаровъ его Государевихъ и усвѣтлѣйшества вашего есть и о всемъ ему царственномъ поведеніи доносять, и о семъ естли уведають тотъ часъ ему дадуть знать.

І я что отнего искры слишалъ, отомъ звѣрности моей всей моей тетрадке статьямы за моею рукою вельможности вашей пану моему милостивому доношу.

А таковихъ тетрадки слово вслово за моеюжь рукою наспѣхъ послалъ я снарочнимъ посилнимъ къ царскому величеству къ москвѣ илы где буде обретатися и къ сиятелнѣйшому князю дмитрию михайловичу.

Присемъ покорно отдаюся вашей панской милосты взащищеніе зостаючи навсегда

вашему свѣтлѣйшеству зичливий и унѣжоній слуга

Өедоръ Осиповъ.

Зъ Ахтирки
Февраля 10 д. 1708 году.

P: S: Інинѣ Кочубей отбывается отсудейства и чтобъ ему небыть при его зрадѣ приложилъ ксебѣ болѣзнь, и живетъ вмаетности своей вполтавскомъ полку веселѣ Дѣканце.

А Искра живетъ въ Полтавѣ и ссобою впоходъ его не взявъ, а велѣлъ быть ему вдомѣ будто у войску онъ непотребенъ.

4. Письмо Мазепы къ К. Меншикову.

Свѣтлѣйший и превосходителнійший Римскаго и Российскаго Государствъ Ижерскій Князь.

Господине Господине любезній мой брате і истинній благодѣтелю.

Яко отначала познанія моего почтеннѣйшей вашей княжей свѣтлости особы неиного себѣ по Бозѣ и по всемилостивѣйшемъ моемъ царѣ и Государѣ его царскомъ величествѣ избрахъ на все житіе защитніка патрона и покровителя, токмо вашу княжую свѣтлость, тако и нинѣ въ крайней моей обыдѣ печали напастехъ, и клеветахъ нигде инде ищу заступления, помощи, отради, и милостиваго предстателства, токмо у вашей княжей свѣтлости первѣйшого и ближайшого Его царского величества всемилостивѣйшого моего царя и Государа Министра, и многомощнѣйшого ходатая. Болѣзни и печали обыдоша мя отвсюду, и яко отначала клопотливаго моего Гетманского уряду, неимѣлъ покоя отвраждебнихъ моихъ ненавѣстниковъ клеветавшихъ на мя неправду, тако і нинѣ при кончинѣ уже житія моего, таковимижъ лжеклеветники и напастникы

пачеже горшии первыхъ, недають мнѣ всезлобними своими изобрѣтениями спокойне умерти, тщащеся непорочную мою, и нетокмо словомъ илы дѣломъ но нипомишлениемъ душегубного змѣнничества незмаянную къ Его царскому величеству всемилостивѣйшому моему Государю вѣрность помрачити, и честь мою совокупне съ житиемъ испразднити. Неразшираюся зжалостними моими словами но самую вещь обявляю вашей княжей свѣтлости; симъ временемъ вмимошедшихъ разнихъ числѣхъ уже впоходѣ военномъ пребывая, получилъ я сполтави отполковника тамошнего, и отинних доброхотовъ моихъ такую ведомость что житель тамошний полтавскій человѣкъ худородний, отжида перехристъ прозиваемий Петро Яценко имѣючий жону и дѣти свои тамъ вполтавѣ, а вполку Ахтирскомъ по обыкновению своемъ жидовскомъ упражняючийся промислами арендовимы, откогось злюдей рейменту моего наущенній и наставленній, а на Москву виправленній, подалъ тамъ за рукою своею лживую сказку, будто я его царскому величеству невѣренъ о чомъ и жена его вполтавѣ перш пяная, а потомъ и тверезая предмногими людми говорила, и обявляла что мужъ еи поѣхалъ на Москву по мою Гетманскую голову, и возвратившися оттуду будеть полковникомъ, но недовлѣло врагомъ моимъ единаго лжеклеветника, когда и другого какогось черца, еще предтимъ Петромъ Яценкомъ перехристомъ, послали на Москву стаковижижъ лжами и клеветами, будто я его царскому величеству невѣренъ; вякихъ моихъ бѣдахъ и напастехъ изволь княжая светлость рады Бога и правды Его милостивимъ мнѣ быть заступникомъ, а я чрезъ вашу княжую свѣтлость инного милосердія у его царского величества

неищу, токмо покорне прошу о святую справедливость, о судѣ, и оправедний розискъ, до которогобъ чтобъ и тіи мои лжеклеветники были вкіевъ присланы, такъ яко и прежде сего таковиижe лжи изобритателъ чернецъ Соломонко, по милости монаршой добатурина смосквы былъ присланъ на судъ, и тамъ подѣломъ своимъ восприялъ достойную казнь, розискъ убо тотъ найпаче здѣсь вкіевѣ мнѣ потребенъ для того, понеже ведаю добре, что тіи Петро перехристь и чернець всезлобніи мои клеветникы несамы собою то затѣяли, но суть нѣкотории здѣсь врейментѣ моемъ, таковии зломислящии мнѣ враги, котории не желая общаго добра и завидя мнѣ премилосердой милости монаршей также и уряду Гетманского, наустилы свое орудіе клеветати на мя неправду, вякой надѣяся на мою верность, что самы уловленны будутъ, и всѣть юже мнѣ сокриша самы впадуть; жаль мнѣ того найпаче, что чрезъ тридесять и осмь лѣтъ вѣрнѣ радѣтелнѣ и непреткновенно доселѣ такъ блаженнія и вѣчнодостойния памяти великому Государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу и блаженнія памяти великому Государу царю и великому князю Ѳедору Алексѣевичу всея великія и малия и Бѣлія Россіи Самодержцемъ, яко и нинѣ щасливе намъ государствующему Монарсѣ его царскому величеству всемилостивѣйшому моему царю и Государю служилемъ служу, и служити до послѣднего моего издиханія и до послѣдней крове капли долженъ а ненависть, вражда, и злоба людская, вмаломъ времени вглубокой моей старости, при кончинѣ уже житія моего насилствуеть тые мои многолѣтніе вѣрніе службы помрачити, и прежде времени печальми вѣкъ мой прекратити. Втаковихъ убо моихъ скорбехъ, прошу у вашей

княжой свѣтлости утѣшительной отрады, заступленія, и исходатайствованія многомощнаго у пресвѣтлѣйшого монаршого маестату правосудной управы. Явленную мнѣ втомъ вашей княжей свѣтлости милость покы житія моего, аще и краткаго ставати будезь. отслугивати долженствую, яко тожъ иже непремѣннѣ есмь.

Вашой Княжой Свѣтлости истинній приятель, братъ и слуга Иванъ Мазепа

Гетманъ рукою власною.

З Хвастова
Февраля 24 д. року 1708.

5. Письмо Петра Великаго къ Мазепѣ.

Письмо Государева, каково послано къ Гетману Мазепѣ Марта 1 дня 1708 году съ Ушаковымъ.

Предъ пріѣздомъ моимъ къ Москвѣ явился чернецъ съ такимъ же зломъ, какъ и *Соломонъ* бывшій. Я о томъ хотѣлъ накрѣпко розыскивать, отъ кого то̀ происходитъ, но скорый мой отъѣздъ въ Польшу помѣшалъ то̀му, и для то̀го я сіе дѣло отложилъ было до свободнаго времени. Но понеже, какъ всегда обыкновенно, что зло тихо лежать не можетъ, и нынѣ паки уже не чрезъ сего чернца, но и чрезъ особливыхъ посланныхъ ясно себя явили *Кочубей* и *Искра* (бывшій Полковникъ), гдѣ чаю конечно быть и *Апостоленку*; что я видѣвъ, уже далѣе отлагать опасаюсь; и для то̀го вамъ сіе, яко вѣрному человѣку, объявляю, чтобъ какимъ либо образомъ оныхъ воровъ ,поймать (ибо

я чаю въ семъ дѣлѣ великому быть ихъ воровству и непрiятельской факцiи); къ пойманiю-же ихъ такое мое мнѣнiе объявляю, что мы ихъ присланныхъ отпустимъ, якобы вѣря имъ въ тòмъ, чтобъ оные *Кочубей* и прочiе, будто-бъ ради лучшаго вѣденiя въ томъ дѣлѣ, сами къ намъ прiѣхали; ибо ежели-бъ явно послать по нихъ, то-бъ чаю конечно ушли; но симъ подлогомъ чаемъ ихъ приманить двухъ-трехъ; а *Апостоленка* такимъ образомъ прибрать-же, посылаю съ симъ-же посланнымъ явное къ вамъ письмо, въ которомъ написано, дабы вы нѣсколько съ нимъ козаковъ къ *Быхову* послали отъ себя съ добрымъ командиромъ, котораго командира вы по сему письму учините его *Апостоленка*; и такъ симъ тихимъ образомъ всѣхъ трехъ можемъ въ руки получить. Къ сему-же и тò объявляемъ, что ежели вы и кромѣ сего способа можете ихъ всѣхъ трехъ достать, то не опуская времени, немедленно поймавъ и сковавъ, къ намъ пришлите; а ежели чаете, что уйдуть, то лучше чрезъ сей случай; а пока оные попадутся, извольте о семъ дѣлѣ тихо держать, якобы не вѣдаете о семъ. При семъ же просимъ васъ, дабы вы о семъ ни малой печали и сумнѣнiя не имѣли.

Списана съ копiи какова прислана отъ Царского величесва и послана къ господину Головкину Марта въ 14 д. 1708 году.

6. Письмо Графа Головкина къ Князю Меншикову.

Свѣтлѣйшiй Князь мой особливий благодѣтель.

Вашея Свѣтлосты приятнѣйшия писанiя отъ 17 и 19

дней априля я получилъ, закоторие а особливо за увѣдомленіе воонихъ вѣдомостей о неприятеле, зѣло вашей свѣтлости благодарствую.

Притомъ обявляю вашей свѣтлости, что извѣстно вамъ оприсланномъ от Кочубея перекресте Петре Яковлеве сизветомъ на Гетмана, которого ваша свѣтлость самъ в Бышенковичахъ видѣлъ такожъ Князь дмитрей Голицинъ половника Ахтирского Ѳедора Осипова доношеніе прислалъ, что Искра бывшей полковнікъ Полтавскій обще с Кочубеемъ на Гетмана обявляли, а очемъ и отомъ ваша свѣтлость извѣстнижъ; и по тому Петра Яковлева извѣту, и подоношенію Ахтирского Полковніка Ѳедора Осипова, по указу Его Величества посланы к Кочубею Озеровъ, к Ахтирскому Полковнику да Искры, полку моего капитанъ Дубенской сообнадеживателними писмамы, чтобъ оны ехали к Смоленску безопасно; и оніе въ 18 д. сего мѣсяца приехали сюда доброволно, и Кочубей подалъ стати доносителніе на Гетмана вкоторихъ написалъ, первое что ему Гетманъ говорилъ наодинѣ в Минску, что ему обещала Княгиня Долская мать Вишневецкихъ учиниты его Княземъ Черниговскимъ, и войску Запорожскому исходотайствовать волности желаемие у Короля Станислава, и то обнадеживаніе делалось на Волине вселѣ Бѣлой Кринице когда онъ Гетманъ крестилъ у Януша Вишневецкого, второе когда Синицкой деньги отбылъ и людей Государевыхъ побылъ, то онъ тому радовался, третіе, когда онъ Кочубей его Гетмана спрашивался о позволении видачи дочери своей за сина другаго Судьи Чуйкевича тогда онъ будто говорилъ, чтобъ онъ обождалъ, когда де будемъ подляхамы, то найдется женихъ твоей дочерѣ изшляхти, которой

де будетъ ему подпорою. Четвертое, будто спротивной стороны у Гетмана ксензъ Зеленскій часто бываетъ для наговору, и онъ его принимаетъ тайно, и снимъ разговориваетъ, а сказивалде про тотъ приездъ его прикажчику прикажчикъ Гетманской. Пятое, когда нинѣ Кыкинъ посилалъ с Москви сея зими къ Гетману, то будто онъ Гетманъ чаялъ Великаго Государя за нимъ быть, для взятія его Гетмана, и тогда хотѣлъ боронится, и на то учредилъ сердюковъ, и болѣе того много бездѣлницъ писалъ а сии только важніе; имы его спрашивалы сначала доброволно, о свѣдителехъ при комъ то было, и онъ никакихъ свѣдителей на то необявилъ, а обявилъ что самъ отнего наединѣ слишалъ, илы женѣ его ілы дочере безнего говорено; и потомъ спрашивалы Искру, и онъ сказалъ что онъ говорилъ полковнику Ахтирскому и то чинилъ по приказу его Кочубееву, и втомъ дѣлѣ оны снимъ обще обретаются; и когда увидѣлы истѣхъ его Кочубеевихъ писменныхъ доношеній і изсловъ и издопросу Искрина самое ихъ воровство и сплетенную ложь, понеже непоказали свѣдѣтелства вѣрнаго, тогда Кочубея и Искру роспрашивали противъ того покрепче сообличениемъ ихъ лжы но Кочубей утверждался, что то самая истинна, еже онъ доноситъ, а Искра и тогда началъ мятця что то все слишалъ онъ только от Кочубея а самъ за Гетманомъ ничего незнаетъ; и показалась въ важнихъ делахъ между имы разнь; а именно въ умисле на здравие великаго Государя, и визменѣ и походе Гетманскомъ будто на украинскіе городи, и для того давалы имъ очную ставку, и потомъ Искра приведенъ кпитки и роспрашиванъ, на Гетмана онъ доноситъ почьему научденію и не пофакциямли, и непоподсилкель о томъ какой отне-

приятеля на изверженіе его Гетмана, и онъ говорилъ, что нікакой подсилки кнему отнеприятеля небыло, и низакимъ того незнаеть, а подущалъ его втомъ Кочубей тому уже здва года, наговоря ево чтото онъ чинить свѣрности своей к царскому величеству, а онъ Искра за Гетманомъ нікакой измѣни невидалъ и ніоткого не слихалъ, и говаривалъ Кочубею, чтобъ оттого престалъ, но онъ Кочубей ему сказалъ, что желаеть онъ втомъ и умереть, а его обличить, и потомъ онъ Искра питанъ, а спитки сказалъ, слишалде онъ откочубея, что советовалъ онъ отомъ смиргородскимъ полковникомъ соапостоленкомъ исъ Чуйкевичемъ здругимъ судьею, и что поизверженіи Гетмана Мазепи Миргороцкаго Полковніка желалы оны учинить Гетманомъ, и вцедулѣде писанной кнему Кочубею какъ онъ ему сказивалъ, что оная отчуйкевича прислана, и онную онъ читалъ втакой силѣ что у нихъ заднепромъ огонь загаряетця, а сохрани Боже чтобъ и увасъ незагорелся; и послѣ того приведенъ къ питки Кочубей, и предъ питкою спрашиванъ онъ противъ искриныхъ словъ, и признаелъ онъ кочубей говоря, правда де то что онъ Искра напредъ поего наговору ктому неприставалъ, ноужеде потомъ поѣхалъ кахтирскому Полковніку поего велению охотою, а Миргородскій Полковнікъ и Чуйкевичь судья другой писивалъ кнему толко о ведомостяхъ, а оникакихъ оинныхъ дѣлехъ неписивалъ, а престерегде его отгетманской посилки Миргородскій Полковникъ, а чуйкевичь де старой толко писалъ, кзятю ево а къ своему сыну, что посланъ Скоропацкой квеликому Государю снекоторими предложеніи а чають что стакимиже какъ и о Соломонке, а вцидулиде онъ Чуйкевичь такой, что огонь тамо загоряетця

неписивалъ, и тоде онъ искра знать невиразумѣвъ говорить, а чтоде за два года онъ на гетмана говорилъ про измѣну, и тоде чинилъ на него гетмана за домовую свою злобу, о которуюде чаеть известно многимъ; и искра при немъ еще питанъ вдругой рядъ испрашиванъ что вумисле на Государево здоровье и опротчемъ онъ Іскра Ѳедору Осипову говорилъ, и то кочубей лы ему сказивалъ, потому что во многомъ Кочубей запирался, і Искра здругой питкы говорилъ, что онъ говорилъ Ѳедору Осипову и велѣлъ писать, и то все слишалъ отнего кочубея, и обявлялде ему онъ Кочубей что онъ то все на Гетмана взвелъ по собственной своей злобѣ а невидя измѣни, и онъ Искра ему говорилъ, отойде злобѣ надлежить тебѣ быть челомъ и просить милости у великаго Государя, автомбы дать покой, и просилъ ево многократно чтобъ втомъ непогинуть, для того что онъ за Гетманомъ ничего къромѣ верности невидитъ, однакожъ онъ по свойству и подружбѣ привелъ ево нато что онъ сизвѣтомъ поихалъ, а процидулу что спервой питкы говорилъ что Чуйкевичь писалъ и сказалъ, что помнитца ему читана и откочубея сказивано, что писана отчюйкевича, и отомъ Кочубей предпиткою сказалъ, что онъ на Гетмана написалъ и подалъ статьи, и словесно доносилъ визмѣнѣ; то все затѣялъ ложъ по злобѣ на него Гетмана; а что Миргородскій Полковникъ ему какъ онъ онемъ сказивалъ что будто онъ говорилъ оворуженіи казаковъ вприѣздъ Александра Кикина на Государево здоровье, и того ему миргородскій полковнікъ несказивалъ.

Асьежжались и говорили о сватанье, и после того кочубей питанъ, и роспрашиванъ, не поподсилкель отнеприятеля, и по факциямъ онаго онъ то на Гетмана затѣвалъ,

дабы извергнуть и вибрать инаго Гетмана. И тому ихъ злому намѣренію склониль, и кто втомъ были снимъ единомишленнікы и нѣтли присланнихъ отнеприятеля кнему илы кинимъ, для такова возмущения на украину, и онъ спитки говорилъ, что онь то все чинилъ, и назатевалъ по прежде обявленной злобѣ своей на него Гетмана а неснеприятелской факции, и нікакихъ кнему подсилокь, отнеприятеля небыло, такьже и кинымъ никкому о такихъ присланнихъ неведаетъ, и за Гетманомь невѣдалъ и невѣдаетъ нікакой невѣрности и нискемде онъ отомъ кроме Искры не говариваль, і несовѣтоваль, и все то затѣяль онъ ложно, чая что ему втомъ повѣрять бездальнего розиску; а о Полковнике миргородскомъ, тожь говорилъ что и предпиткою сказалъ, что миргородской де полковникъ только его престерегъ уведая о посилке гетманской по него, да и зять де его чуйкевичь кнему того что онъ напредъ вдоношеніи обявлялъ, такожь и отець его судья не писивалы ниочемъ оинномъ, кромѣ того что по припятству и по средству кь нему давалъ знать о вѣдомостяхъ постороннiхъ, и на протчие всѣ особы о которихъ онъ напоминалъ, вдоношеніи своемъ доносиль ложно, хотя темъ свое доношеніе утвердить.

И понеже кочубей зѣло старъ и дряхль безмерно; того рады мы его питать болѣе опаслись, чтобъ прежде времени неиздохъ, и посилаемъ нинѣ ихъ всмоленскѣ, ивелимъ тако держать за крепкимъ карауломъ впредь до указу, а къ его Царскому Величеству о всемь томъ созеровимъ писалы, и будемъ ожидать указу что снимы повелитъ чинить, а кь Гетману мы послали великаго Государя грамоту, что потому розиску явилось отѣхъ воровъ на него

гетмана самая затѣйная ложь, и что взвели позлобѣ своей, и обнадеживалы ево милостию Его Величества, а миргородского полковніка которой явился втомже, также и чернища (:о которомъ сказиваль откочубея Петръ Яковлевъ, что онь на гетмана снѣкоторими лжи посилалъ отъ себя кдуховнику человѣка своего:) велѣли мы взять за караулъ и послать вкіевъ, и сие вашей свѣтлости воннзвестие обявивъ остаісс

Вашия свѣтлости моего особливаго благодѣтеля всегдашнимъ слугою

Графъ Гаврило Головкинъ.

Ізвитепска
въ 25 д. Априля 1708 году.

Р. І. Получилъ я вашей свѣтлости писмо искруглова, Априля отъ 22 д. и за которое вашей свѣтлости благодарствую, что неоставляете насъ вписанияхъ своихъ (*).

(*) Всѣ сіи письма напечатаны совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ доставлены издателю.

ПОДЛИННАЯ БУМАГА, ПОЧЕРКА

ПОСЛѢДНЕЙ ПОЛОВИНЫ

СЕМНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ.

(найдена между дѣлами Аптекарскаго приказа, которыя сохранились въ архивѣ Медицинской Конторы, въ Москвѣ).

(Сообщено В. Н. Каразинымъ).

—

Нынѣшняго 1682 года, по указу Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Ѳедора Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, велѣно построить двѣ Шпитальни или богадельни: одну въ знаменскомъ монастырѣ, что въ Китаѣ, а другую на Гранатномъ дворѣ, что за Никитцкими воротами; чтобъ впредъ по улицамъ бродящихъ и лежащихъ нищихъ (межъ которыми многіе притворные воры, и всемъ здоровы и работать могуть) небыло. И то дѣло самое доброе и богоугодное; и каковыя похвалы достойно, свидѣтельсвуетъ о томъ божественное писаніе обоихъ завѣтовъ.

А въ Государствахъ и во градѣхъ, гдѣ такіе домы нищимъ построены, великая отъ того польза, какъ ниже сего послѣдуетъ.

А.

Во первыхъ, таковыхъ бѣдныхъ, увѣчныхъ и старыхъ людей, которые никакой работы работать не могутъ, а наипаче же служимаго чина, которые тяжкими ранами на Государевыхъ службахъ изувѣчены, а пріюту себѣ не имѣютъ, должно по смерть ихъ кормить; за такое благое дѣло послѣдуетъ отъ Господа Бога временное и вѣчное благословенство. И ни закоторыя дѣла не обѣщанъ вѣчной дати животъ, точію затворящимъ милость къ бѣднымъ; какъ самъ Господь повелѣваетъ милости творити паче, нежели жертвы. И такое Государство бываетъ отъ всякихъ навѣтовъ соблюдаемо, какъ Псаломникъ глаголетъ: блаженъ вразумѣваяй на нища и убога: въ день лютъ избавитъ его Господь.

В.

А когда такіе увѣчные люди будутъ отъ бродящихъ притворныхъ нищихъ разобраны, и ходить имъ по улицамъ возбранится, тогда тѣ здоровые нищіе, такъ же и дѣти ихъ, (которыхъ множество великое по улицамъ бродятъ, и ничему ихъ не учатъ, а возрастя кромѣ воровства отъ такихъ бродящихъ людей не возможно быть) принуждены будутъ хлѣбъ свой заживать работою, или какимъ ремесломъ къ общенародной пользѣ. Потому, что всякая праздность не приводитъ человѣка ко иному, точію къ злымъ дѣламъ и воровству.—

Г.

Когда такимъ людемъ по улицамъ возбранено будетъ ходити, и подъ окнами милостыни просити, тогда и воровства такова не будетъ, для того, что такіе воры, по дворамъ ходя, только примѣчаютъ, кто какъ живетъ и какъ его домъ, какъ бы исплоша гдѣ малолюдство ково днемъ или ночью покрасть. А иные такіе же воры, какъ отомъ повѣствуется, малыхъ робятъ съ улицъ крадутъ, и руки и ноги имъ ломаютъ, и на улицы ихъ кладутъ, чтобъ на нихъ люди смотря умилились, и больше имъ милостыни давали.

Д.

Еще же многіе отъ такихъ нищихъ, которые странными болѣзнями и прилипчивыми одержимы, какъ то франками, ракомъ, волкомъ (*) на лицѣ и по рукамъ,— тѣ садятся просить во многонародныхъ мѣстахъ, и такова нищаго, когдабъ жена чревата усмотря испужалась, моглабы таковая поврежденнаго младенца родити. И для такой причины во всѣхъ странахъ Европскихъ, такимъ людемъ отнюдь не позволяютъ по улицамъ ходити, не токмо что вомногонародныхъ мѣстахъ сидѣть; а взявъ ихъ лѣчатъ, буде исцѣлены; а буде не исцѣлены и конечто скудны, поятъ и кормятъ по смерть во особыхъ отдаленныхъ мѣстахъ.

Е.

Еще же, которые межъ тѣми нищими будутъ больные и увѣчные, а лѣчить ихъ можно; и у того дѣла молодымъ Докторамъ не малая польза, и въ наукѣ своей изощреніе.

(*) Родъ дурной чесотки.

И вскорѣ ученіе и искуство каждаго доктора при лѣчбѣ такихъ людей познается, такъ же и лѣкарей, которые нынѣ Государство жалованье емлютъ же, а нѣкоторымъ дѣлать нечево.

Только къ совершенству того дѣла надобны различныя статьи, которые ниже сего послѣдуютъ, и чтобъ по тѣмъ статьямъ великаго Государя указъ былъ учиненъ.—

Во первыхъ надо всѣмъ къ тому дѣлу приставить добраго дворянина, который бы то дѣло дѣлалъ одной ради любви Божіей съ охотою. А емубъ дать подъячаго добраго, которой бы записывалъ нищихъ въ книгу противъ указовъ, и держалъ бы денежной и хлѣбной и всякимъ запасамъ приходъ и расходъ. И крестьянскія всякія дѣла, которыя къ тому дѣлу будутъ даны, онъ же бы вѣдалъ.

Сверхъ того надобно на дворѣ дворникъ, который бы вѣдалъ кого спускать, если который куды пойдетъ, и всякое бы дворовое дѣло и починки и прочія дѣла вѣдалъ. Еще же надобенъ ключникъ, который бы всякіе запасы и питья на потребу ихъ выдавалъ и принималъ, также и поваровъ двухъ или трехъ человѣкъ, смотря по числу.—

Еще же надобно, чтобъ тому мѣсту быть (если возможно) при улицахъ большихъ, гдѣ всегда многолюдство бываетъ, чтобъ мимоходящіе люди такую богадѣльню, и больницу видя, умилясь, милостыню подавали. И къ тому зѣло пригоденъ знаменской монастырь, въ которомъ бы кормить старыхъ, увѣчныхъ и безпріютныхъ; а на Гранатномъ дворѣ всякихъ больныхъ лѣчить. А излѣча, буде безпріютенъ и старъ, или съ увечьемъ, и къ работѣ ни

къ какой негоденъ, и того отсылать въ Знаменской монастырь. Такъ же бы и во церквахъ по всей Москвѣ, буде можно збирать бы на нихъ милостыню, какъ и во иныхъ Государствахъ на нихъ збирается. А одними крестьянскими доходами такое великое число, которыхъ чаять больше пяти сотъ, или тысячи человѣкъ и больше соберется, не прокормить, потому что хотя на всякаго человѣка въ годъ положить на пищу, одежду и дрова по десяти рублей и того на всякіе сто человѣкъ по тысячи рублей, а чаять что того не станетъ, а когда денегъ или запасовъ будетъ въ приходѣ больше, тогда и нищихъ можно прокормить большее число.

А буде что за приходомъ лишніе нищіе останутся, мнится, что ихъ можно раздать по манастыремъ. И тѣмъ монастыремъ чаять, за кѣмъ сто дворовъ, пять человѣкъ въ своихъ больницахъ кормить можно, не токмо на Москвѣ, но и повсѣмъ городамъ Московскаго Государства.

Только нищихъ же, которые бывали чьи дворовые люди, или крестьяне, о тѣхъ надобно особой великаго Государя указъ, принимать ли и ихъ на Москвѣ и въ городѣхъ въ больницы монастырскія, или ихъ кормить тѣмъ, чьи они люди и крестьяне? А буде въ тѣ больницы привезутъ чьего человѣка или крестьянина, и ево лѣчить, поить и кормить безденежноль, или за лѣчбу и за прокормъ съ него имать на сутки, и почему имать; о томъ чтобъ великаго Государя указъ былъ учиненъ.

А для лечбы ихъ по всякой нуждѣ, надобно, чтобъ у нихъ былъ приставленъ Докторъ, Аптекарь, да лѣкарей человѣки три или четыре съ учениками. И аптека не

большая; для того, что со всякимъ рецептомъ ходитъ въ городъ не удобно. А лѣкарства можно про нихъ держать не дорогія, однакожъ пользу будутъ чинити.

Еще же, которые нищіе будутъ безъ руки или безъ ноги, или съ инымъ какимъ увѣчьемъ, о кромѣ того будетъ всемъ здоровъ, и въ такихъ лѣтахъ, что работать можетъ; и тѣхъ принимать ли? и въ которые больницы? или ихъ отсылать къ какимъ работамъ? а въ иныхъ Государствахъ, такихъ, буде они не на Государскихъ службахъ изувечены, заставливаютъ работать смотря по дѣлу, кому какую работу удобнѣе работать.

И такимъ поведеніемъ учинится, что не токмо на Москвѣ, но и въ городѣхъ всего Московскаго Государства никакова нищаго по улицамъ бродящаго не будетъ. Только надобно приказывать по карауламъ, и по всѣмъ воротамъ, чтобъ стрѣльцы такихъ нищихъ во Аптекарской приказъ приводили, и тамъ, смотря ихъ буде совершенные нищіе, что работать не можетъ, или увѣченъ, отсылать ихъ въ Шпитальню; а буде какова, притворнаго, здороваго нищаго поймаютъ и о тѣхъ также указъ надобно учинить, куды ихъ отсылать, и какое имъ наказаніе чинить.

О нищенскихъ дѣтяхъ, робятъ и дѣвокъ, которые также по улицамъ бродятъ милостыни просить, надобно великаго же Государя указъ учинить. А въ иныхъ Государствахъ, такимъ построены дворы, въ которыхъ перво изуча ихъ грамотѣ научаютъ ремеслу какому кто похочетъ, или отдаютъ мастерамъ ихъ учить по домамъ; а дѣвокъ отдаютъ по манастыремъ для ученіяжъ, изуча, и въ лѣта совершенныя пришедъ, какъ можетъ хлѣбъ свой зажить,

и себя съ женою прокормить, отпускаютъ на волю. Или купя дворы тѣмъ, поженятъ, и отъ такихъ людей и впредъ ужъ во градѣхъ прибытокъ, и воровства отъ такихъ опасаться нечево, потому, что ему уже способъ, чѣмъ сыту быть, данъ.

И такимъ бы способомъ многія науки и ремесла, которыхъ нынѣ изъ иныхъ чужихъ Государствъ всегда здѣсь требуютъ, и дорогою цѣною купятъ, или такихъ людей на тяжкихъ и великихъ кормѣхъ призываютъ, на Москвѣ завелись.

А въ такихъ дворѣхъ, мнится, не трудно учити наукамъ, которыя во всякихъ случаѣхъ нужны и потребны, какъ послѣдуетъ:

Во первыхъ наука цыфирная, которая всякаго чина людемъ годна, а наипаче же купеческимъ; безъ которой многіе купеческіе люди, щоту и выкладки не разумѣя, пропадаютъ и обнищаютъ.—

Фортификація, или ниженерская наука, безъ которыхъ обоихъ наукъ Генералу или Полковнику, и никакому начальнику человѣку чинъ свой подолжности никакими мѣрами исполнити не возможно и для того нынѣ у многихъ великихъ Государей повелось: которой Полковникъ тѣмъ наукамъ не ученъ, и его развѣ съ великою трудностію въ службу принимаютъ для того, что наступленія на непріятеля, ни обороны творити по воинскому праву не можетъ.—

Архитектура, которая учитъ всякія зданія изрядно и правильно строить.—

Знаменить или живописная наука, которая тѣмъ всѣмъ наукамъ есть повожденіемъ; къ той же принадлежитъ и перспектива.—

Геометрія, которая учитъ земли размѣривать, и разстояніе мѣста отъ мѣста, и высоту и глубину точію цыфири и иструментомъ смѣчать и сказать, и къ строенію крѣпостей городовыхъ зѣло нужна. И фортификація или нижинерское дѣло безъ сей не состоится.—

Артилерія, которая учитъ по размѣру прямому какъ пушки лить, и въ какую мѣру стрѣлять, порохъ дѣлать и всякія огнестрѣльныя статьи, какъ гранаты и прочія къ тому принадлежащія статьи; и въ какой размѣръ ихъ мѣтать, чтобъ на намѣренныя мѣста падали.—

И тѣ науки всѣ можнобъ въ школахъ къ тому устроенныхъ изучити и отъ такихъ бы гуляковъ, которые нынѣ туне хлѣбъ ѣдятъ, изучась, великому Государю великая прибыль была. И вмѣсто иноземцовъ, которыхъ съ великою трудностію достаютъ, и на малое время выѣзжаютъ, да и тѣ многіе въ тѣхъ наукахъ не совершенны, можнобъ и своихъ завѣсть; какъ нынѣ сказываютъ, у турокъ, у которыхъ тѣ науки прежде сего небыли, нынѣ же всѣ учатся, наипаче же тѣмъ, которые къ воинскому дѣлу принадлежатъ.

А безъ тѣхъ вышеписанныхъ наукъ, наипаче же цыфры, фортификаціи, Геометріи и Артелеріи, не возможно никакими мѣрами добрую, благополучную и прибыточную войну, хотя и великимъ многолюдствомъ водити. И тѣми науками, самые крѣпкіе и не удобьемлевые города емлютъ; такъ же и многіе города сею наукою устроенные, вели-

кимъ войскомъ могутъ отпоръ дати, и не токмо себя, но и все свое Государство соблюсти.

А что ремесла всякія, и тѣ потомужъ можно было распространить въ такихъ же дворѣхъ изуча ихъ. А наука (добрымъ мастерамъ) давъ имъ прибыточные привилія, отъ чего бъ имъ можно корысти быть, вскорѣ начнутъ распространяться. А по великой нуждѣ надобны бъ были ремесла сіи послѣдующія:

Шолковыхъ Локотныхъ товаровъ дѣло, которое уже за милостію Божію и великаго Государя тщаніемъ чаять въ доброе произведется поведеніе, если помочь заводчику того дѣла будетъ.

Суконное дѣло, къ которому случаи самые добрые въ Московскомъ Государствѣ есть; и можно сукна нарочитыя здѣсь дѣлать.

Золотое и серебреное дѣло совершенно умѣютъ иноземцы; а руские люди для того, что не учатся знаменити, того дѣла не умѣютъ въ совершенство изучиться.

Часовое дѣло, токарное, костяное, кузнечное всякихъ субтельныхъ орудій и инструментовъ, которые нынѣ всѣ изъ за моря привозятъ.

Оружейное дѣло всякіе образцы, такъ же печатать мѣдными досками, и иные многія рукодѣлія, которыя въ государствахъ Европскихъ, во многихъ нарочитыхъ городѣхъ на особливыхъ дворѣхъ дѣлаютъ, и такихъ гулящихъ людей учатъ, и ихъ же дѣлами кормятъ съ не большею придачею постороннею.—

А къ наукамъ и ко всякимъ ремесламъ былибъ чаять многіе охотники, для того, что отъ народа Россійскаго

многіе зѣло понятны, какъ о томъ о нѣкоторыхъ образцы есть.

И такимъ бы способомъ многая великаго Государя казна, которая такимъ людемъ дается, сохранена былабъ, и многіе тысячи людей могли бъ хлѣбъ свой тѣмъ заживать, которые нынѣ привозятъ изъ иныхъ Государствъ, учалибъ дѣлать въ Московскомъ Государствѣ. И отъ тогобъ родилось, что за Московскіе товары, учалибъ платить вмѣсто товаровъ, золотомъ и серебромъ. И такъ бы богатство множилось.

А для унятія бродящихъ всякихъ воровъ, (которые лѣнятся работать, и смотрятъ, гдѣ бы кого покрасть, или мошну подрѣзать и шапку схватить, или иное какое зло учинить), здѣланы за моремъ во многихъ городѣхъ дворы, гдѣ такихъ людей по особымъ чуланцамъ сковавъ сажаютъ на нѣсколько недѣль, или по винѣ смотря; и заставляютъ пилами терть сандалъ, или иную какую тяжелую работу дѣлать; и по работѣ смотря въ размѣръ даютъ имъ и хлѣба въ вѣсъ, и воды или кваса, въ тѣхъ дворѣхъ смиряютъ не послушливыхъ сыновъ, которые досождаютъ отцамъ или матерямъ или родителямъ своимъ; и тѣмъ многое воровство удерживается, для того, что того двора зѣло тѣ люди опасны, вѣдая тяжкую работу и скудость пищи.

И для того во всѣхъ Государствахъ Европскихъ, не токмо въ великихъ, но и въ малыхъ городѣхъ, построены при церквахъ ихъ больницы и школы. Въ больницахъ кормятъ и одѣваютъ больныхъ и престарѣлыхъ людей, за которыхъ жители мнятъ граду своему воздаяніе отъ Господа Бога получить.

Такъ же Начальство каждаго града ни о чемъ не имутъ такое попеченіе, точію какъ бы возрастущіе ихъ гражане во благихъ нравѣхъ и наукахъ и ремеслахъ достигали, и каждый по своему званію могъ бы безъ обиды ближняго своего праведнѣ хлѣбъ свой зажити, въ которомъ (*) самая тишина, миръ и благовенство каждаго града состоится; разсуждая, какъ лѣсныя древеса не могутъ благихъ плодовъ принести, если не отрѣжутся вѣтви ихъ грубыя, и не прилѣпится къ нимъ благаго древеса вѣтвица, чрезъ которую новыя вѣтви изростя, уже плодъ добрый господину своему приноситъ, и не туне землю занимаютъ, тако и человѣкъ, иже отъ естества выну ко злу, паче неже къ добру склоненъ есть, отъ лѣтъ младыхъ прирожденную грубость благими науками и ученіемъ не искоренитъ, то отъ естества самаго зѣло трудно ко благонравію прелѣпитися. И человѣкъ кромѣ ученія человѣкомъ имяноватися не можетъ, для того, что не вѣсть какъ онъ человѣкъ. И во вся дни живота своего (аще и зѣло почтенъ, еже образъ Бога невидимаго носити ему) пребываетъ аще и живъ, но мертвъ, и видя, но слѣпъ.

(*) Вмѣсто *въ чемъ*.

БИБЛІОТЕКА

ГОСУДАРЕЙ ВЪ XVII СТОЛѢТІИ.

$\frac{6204}{1696}$ Іюл. 23.

Прежде означеннаго году и числа сдѣланъ былъ государямъ Іоанну и Петру докладъ изъ посольскаго приказу, что съ давняго времени хранятся въ ономъ разныя мощи и книги, до которыхъ никакого дѣла нѣтъ, и слѣдовательно неблаговолено ли будетъ мощи отдать въ церкви а книги «*въ царскую книгохранительную палату*.»

Послѣ описанія мощей слѣдуетъ:

«А книгъ въ посольскомъ приказѣ нынѣ розныхъ языковъ на лицо *старыхъ*, *которыя въ переписной книгѣ написаны:*

Атлясь въ Д (4) книгахъ съ описаніемъ земель и Государствъ въ лицахъ на Нѣмецкомъ языкѣ.

Козмографія Аврама Артелія, описаніе всей вселеннѣй перечнемъ въ лицахъ на Латинскомъ языкѣ.

Атлясъ Херарда Меркатура всей вселеннѣй описаніе въ лицахъ перечнемъ на Латинскомъ языкѣ.

Библія на Нѣмецкомъ языкѣ; Библіяжъ на Латинскомъ языкѣ.

Бесѣды Рудолфа Гвалтера, толкованіе на Вј Пророковъ; Калвинская.

Лексиконъ нареченія Богословія на Латинскомъ языкѣ.

Лѣтописецъ перечневой изъ козмографіи Яна Ботера.

Статутъ Короны Польской на Латинскомъ языкѣ.

Уложенье Великаго Княжства Литовскаго.

Прѣніе Аристотелевыхъ естественныхъ наукъ на Латинскомъ языкѣ.

Похвала Польскому Владиславу Королю на виршъ.

Книга Іякова Порта Калвинская на Латинскомъ языкѣ.

Уложенье Цесарское; тутъ же Логика Филипа Меллактона о правореченіи на Латинскомъ языкѣ.

Толкованіе на посланіе Святаго Апостола Іакова, Католицкое на Латинскомъ языкѣ.

Посланія Апостольскія, въ которыхъ постановленіе и утвержденіе всякой письменной вольности Езувитской; Католицкая, на Латинскомъ языкѣ.

Орацы Риторскіе на Латинскомъ языкѣ.

Алваръ учительной Латинского и Нѣмецкого языка.

Кроника на Латинскомъ языкѣ Польскихъ Королей.

Кроника Пясецкаго на Латинскомъ языкѣ.

Книга градская Витепская на Польскомъ языкѣ.

Казанія на розные праздники на Польскомъ языкѣ, начала нѣтъ, Езуитская.

Казанія на розные жъ праздники на Италіянскомъ языкѣ.

Кроника на Латинскомъ языкѣ о рожденіи и житіи Владислава Короля Польскаго.

Книга судебная на Латинскомъ языкѣ.

Книги Омана Богослова Калвинскаго по Калвинскому вызнанію на Латинскомъ языкѣ.

Казанія на праздники, на Польскомъ языкѣ, Григорья Жерновца имянуемая.

Книга ночные труды Иларіона Бискупа Пиктавейскаго на Латинскомъ языкѣ, Калвинская.

Казанія свадебныя Люторского Закона на Латинскомъ языкѣ.

Книга Философа Луція Сенеки о всякихъ дѣлѣхъ на Латинскомъ языкѣ.

Казанія розныя надгробныя на Латинскомъ языкѣ; начала и конца и обертки нѣтъ.

Книга Яна Меэрса на Латинскомъ языкѣ; обертки на ней нѣтъ.

Книга о почитании вѣры Люторской на Свѣйскомъ языкѣ.

Книжка Реторика на Латинскомъ языкѣ.

Книжка на Нѣмецкомъ языкѣ о грубіянскомъ мужицкомъ невѣжьствѣ.

Кроника Дѣйствъ во Европѣ знатныхъ, Пясецкого, Латинскимъ языкомъ.

Книга произвожденіе или Родословіе Королей Польскихъ, Латинская.

Книга Яна Грутера.

Книга литія посланей изрядныхъ.

Книга Боерія приговоровъ златыхъ.

Книга Матѳея Дрессера о витійствѣ риторическомъ.

Книга Дикціонарь Петра Берхора.

Книга Метофика Климента Тимплера.

Книга о небеси и о стихіяхъ.

Книга Аристотелева Физика.

Книга описаніе Философскихъ вещей.

Книга Рудолфа Гвалтера, толкованіе на Евангеліе, Калвинская.

Книга Дидака Декаледа, толкованіе на Есвирь.

Книга Іосифа Сперанза.

Книга Рудолфа Гватера, толкованіе на соборное посланіе, Калвинская.

Книга Новой Завѣтъ Греколатинскій втолку Калвинская.

Книга Якуба Ялфереза о искорененіи зла.

Книга Антонія Пессевина о вѣрѣ Римской и о исправленіи Календаря новаго.

Книга Козмы Магаліана на Моисѣевы пѣсни толкованіе.

Книга Алфонса Салмерона, толкованіе на Евангельскую повѣсть.

Книга Христофора о познаніи самого себѣ.

Книга Калепинъ на Аі (11) языковъ.

Книга Полеантеа.

Книга Златыя Правды на весь ветхій завѣтъ.

Книга Горологіумъ.

Книга Никифора Каллиста, лѣтописецъ.

Книга Гисторія Естества Іоанна Евсевія Езуита.

Книга толкованіе на Ві (12) Пророки Корнилія Алякиде Езуита.

Книга толкованіе на Дѣяніе и на посланіе и на апокалипсисъ, его же Корнилія.

Книга толкованія на притчи Соломоновы его же Корнилія.

Книга Сокровище Цыцероново.

Книга Амбросія Медіоламского.

Книга Іоанна Дунсъскота сентенцыи.

Книга Григорія Богослова томъ «В», Греколатинская.

Книга Собраніе всѣхъ Соборовъ.

Книга Гисторія Церковная Анастасія Библіотека.

Книга Іоанна Дамаскина дѣла.

Книга Трапеза пищъ духовныхъ.

Книга толкованія на Іезекіиля Пророка Корнилія Аляпиде.

Въ полдесть.

Книга Политика.

Книга дѣло лѣкарственное, или начало Физики.

Книга Арефметика и Гіометрія.

Книга Свѣтлость Евангельская.

Книга цвѣты прикладовъ Церковныхъ.

Книга Гисторія Церковная Іоанна Горацыя.

Книга Оглашенія о исповѣданіи вѣры.

Книга Кивотъ лекарственный Скорбей Душевныхъ.

Книга Новый Завѣтъ Сирскій съ Латинскимъ языкомъ.

Книга толкованія нѣкоихъ мѣстъ изъ Библіи.

Книга Земли описаніе.

Книга Символя Героичная.

Книга Собраніе Святыхъ временъ.

Книга Богословія Лютерская.

Въ четверть.

Книга Лексиконъ собственныхъ имянъ всякихъ, книга сладость.

Въ осьмушку.

Книга Полидора Виргилія о обретателехъ вещей и о чудесѣхъ.

Книга Утѣшеніе о любви Божіи.

Книга Политика Григорія Схонборіера.

Книга Реченій Философскихъ.

Книга Плинневы посланія.

Книга Снопъ поученій духовныхъ.

Книга Виршетворство Буханини.

Книга Курцыи Квинціи о Александрѣ Македонскомъ.

Книга Виценція Гвинія.

Книга Демокретусъ смѣющійся.

Греколатинскія въ десть.

Двѣ книги Діонисія Ареопагита, въ двухъ переплетахъ, первой раздѣлъ и второй.

Книга Исидора Пилусіота.

Книга Іустина Философа.

Книга Кирилла Іерусалимскаго.

Книга Кирилла жъ Александрійскаго, томъ второй.

Двѣ книги Григорія Богослова, единаго изданія.

Книга Гисторія Іоанна Кантакузена.

Книга Іоанна Златоуста, томъ первой.

Книга Гисторія Іоанна Зонары.

Книга Евхологіонъ.

Книга Климента Александрійского.

Книга Гисторія Никифора Ксафопула.

Книга Деревяныхъ резей въ полатахъ, въ лицахъ, въ бумажныхъ доскахъ.

Книга Деревяныхъ же резей въ лицахъ, на Нѣмецкомъ языкѣ, въ бумажныхъ доскахъ, въ бѣлой кожѣ.

Книга чертежей полатныхъ, въ лицахъ.

Книга чертежи полатныежъ, въ лицахъ, на Нѣмецкомъ языкѣ.

Книга городовому строенію, въ лицахъ, на Французскомъ языкѣ.

Книга Мученикословія Римского на Латинскомъ языкѣ.

Книга о резныхъ дѣлахъ въ лицахъ, въ бумажныхъ доскахъ, въ мраморной кожѣ, завяски тафтяные, нагой цвѣтъ.

Книга, а вней написаны лица розные, въ переплетѣ, покрыта жолтымъ сафьяномъ.

Книга полатному строенію на Нѣмецкомъ языкѣ, въ бумажныхъ доскахъ.

Книга Цецеронова на Латинскомъ языкѣ.

Книга Устиніяни на Латинскомъ языкѣ.

Книга Афонасія великаго на Латинскомъ языкѣ.

Книга Лѣтописецъ Гилбирта Генабрарда на Латинскомъ языкѣ.

Книга Антонія Пассевіона на Латинскомъ языкѣ.

Книга разныхъ городовъ лицы, подпись Французская.

Книга полатного строенія въ лицахъ, подписана Италіанскимъ языкомъ.

Книга пѣсней пѣвчая на Нѣмецкомъ языкѣ.

Книга Указъ заповедныхъ книгъ, въ бумажныхъ доскахъ.

Книга Уложенье Польское, на Латинскомъ языкѣ.

Книга чертежная полатамъ и источникамъ каменнымъ на Французскомъ языкѣ.

ДА ВЪ ПОЛДЕСТЬ КНИГИ.

«В» [2] книги житія, или лютня на польскомъ языкѣ.

Книга Мессія въ переплетѣ, на польскомъ языкѣ.

Книга огороднаго строенія въ лицахъ на нѣмецкомъ языкѣ, въ переплетѣ, въ бумажныхъ доскахъ, поволочена бѣлою кожею, безъ застежекъ.

Книга случай, а въ ней, лицы на Латинскомъ языкѣ.

Книга о вѣрѣ Латинскимъ языкомъ.

Книга Лекарского начало ученія, на Латинскомъ языкѣ.

Книга Краткое Богословіе на Латинскомъ языкѣ.

Книга Оружейного строенія въ лицахъ, на Нѣмецкомъ языкѣ.

КНИГИЖЪ ВЪ МАЛУЮ ПОЛДЕСТЬ.

Книга описаніе Казацкой и Татарской войны, на Латинскомъ языкѣ.

Житіе Святаго Григорія Богослова.

Бесѣды Григорія Селунского.

Аристотелева о небеси.

Алексѣева казанія.

Омирова творца о Троаде.

Лукьяново двоесловіе.

Святаго Григорія нравоучительныя бесѣды.

Порфиріева входъ въ глогикѣ.

Три Феодорѣ о взятіи Троаде.

Матвѣево сложеніе.

Микифоровы Бесѣды празниныя.

Граматика рукописанная.

Книга Арихметика.

Планудія синдаксисъ.

Граматика Ласкарева.

Книга Синотисъ.

Клеомидово круглое зрѣніе.

Литургія.

Грисанфа Пелопонисія.

Герасима Армони Аристики.

Предисловіе къ философіи.

Димостенова Греческая и Латинская.

8 книгъ пѣвчихъ.

Книга Рукописанная Казаніи.

Василья Великаго Поснические бесѣды.

Книги Практики Метофрастовы о садахъ.

Прокловы Бесѣды.

Феофилова на Матвѣево Евангеліе.

Граматика.

Григорієвы Праздничныя Бесѣды.

Этимологикъ.

Иродотова Исторія.

Порфиріевъ входъ.

Граматика Петрова.

Платовъ житіе.

Влахово сокровище.

Деогіеново житіе.

Книга въ большую десть, въ лицахъ, глаголемая кругъ всеа земли древняго описанія.

Книга Гранографъ въ лицахъ, на Латинскомъ языкѣ.

Книга печатная на Латинскомъ языкѣ отъ видѣнія последняго Езекіиля Пророка о созданіи Храма Іерусалимского.

Книга на Нѣмецкомъ языкѣ писменная въ лицахъ о гранатномъ дѣлѣ.

Книга на Латинскомъ языкѣ, описаніе, всего Амстрадама съ лицы.

Книга на Италіанскомъ языкѣ, Перспектива.

Книга печатная на Нѣмецкомъ языкѣ въ лицахъ о полатномъ строеніи.

Книга печатная на Нѣмецкомъ языкѣ о полатномъ и городномъ и источниковъ строеніи.

Книга Лѣтописецъ на ческомъ языкѣ, Польской.

Книга печатная на Латинскомъ языкѣ въ лицахъ, глаголемая Символъ.

Книга печатная Латинская въ лицахъ, глаголемая Анатомія.

Книга печатная Нѣмецкая въ лицахъ резного дѣла.

Книга печатная въ лицахъ на галанскомъ языкѣ о городовомъ строеніи.

Книга землеописательная въ лицахъ на Латинскомъ языкѣ.

Да во 192 году прислано изъ Верхнія Типографіи розныхъ языковъ печатныхъ книгъ:

Книжка Хризостома Явелля вопросы на три книги Аристотелевы.

Книга Собраніе Поучителемъ.

Книжка Діалектика Іоанна Цезарія.

Книга Иларіона о Святой Троицѣ.

Книга Францышка Лихета на толкованіе Іоанна Скута.

Книга Толкованія на Евангеліе Матвѣево Калвинская.

Книга Учительная исповѣдникомъ во употребленіи чина своего.

Книга Іоанна Калвина.

Книга Францышка Селиверста, Вопросы Сфическіе.

Книжка поученія погребальныя.

Книга прѣнія Теологійскіе межъ Фомою Деавкинас и Шкотомъ.

Книга Вождь Духовный.

Книга Виргиліушъ.

Книга на посланіе Павлово толкованіе.

Книга толкованіе на посланіе Апостола Іякова.

Книга о Священной Тайнѣ Богородицы Маріи и Іосифа.

Книга разсужденія на псаломъ Помилуй мя Боже.

Книга Іоанна Златоустаго толкованіе на Матвѣево на Марково и на Лукина Евангеліе.

Книга Ноклеусъ, се есть Ядро.

Книга Виргиліушъ.

Книжка въ тетратяхъ на галанскомъ языкѣ.

Книжка на Нѣмецкомъ языкѣ, называемая Домовая и Дорожная Аптека.

Кроника Александра Гвагнина на польскомъ языкѣ описаніе Корунѣ Польской и Княжства Литовскаго.

Кроника Мартина Кромери на польскомъ языкѣ.

Да во 185 году прислано изъ Стрѣлецкого Приказу въ Посольской Приказъ изъ животовъ Боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева книгъ на розныхъ языкахъ:

Двѣ книги Іоанна Златоустаго, въ доскахъ, ветхи, на Латинскомъ языкѣ.

Книга Аврелія Августина Епископа Гипонского учителя, безъ досокъ, ветха, на Латинскомъ языкѣ.

Книга описаніе Іерусалима града.

Книга Библія на Нѣмецкомъ языкѣ, въ черной кожѣ.

Книга Георгія Пахимеры по Греческому и по Латинскому языку.

Другая книга тогожъ Георгія такаяжъ, на одномъ латинскомъ языкѣ.

Книга о рѣчи посполитой творца Адама Консана, на Латинскомъ языкѣ.

Книга Виргилія Стихотворца на Латинскомъ языкѣ.

Книга Антонія Пассевина на Латинскомъ языкѣ, въ бумажныхъ доскахъ.

Книга Лѣтописецъ Церковный Ветхаго Завѣта, на Латинскомъ языкѣ.

Книга Іоанна Антонія Веліасивенса толкованія казанья, на Латинскомъ языкѣ.

Книга о гражданскомъ житіи на Латинскомъ языкѣ.

Книга Конская въ лицахъ на Польскомъ языкѣ, учительная.

Книга огороднаго и полатного строенія въ лицахъ, на Нѣмецкомъ языкѣ.

Книга чертежей полатныхъ въ лицахъ, на Нѣмецкомъ языкѣ.

ВЪ ПОЛДЕСТЬ.

Книга Аристотеля, томъ первой.

Книга Іоанна Филопона о сотвореніи мира.

ПОЛЬСКІЕ ПЕЧАТНЫЕ ВЪ ДЕСТЬ.

Книга житія святыхъ.

Книга Гисторія Кромерова.

Книга Политика Аристотелева.

Книга Судебникъ Магдебурского Права.

Книга Гисторія Бѣлского старого.

Книга Мартина Лютера на Нѣмецкомъ языкѣ.

ВЪ ПОЛДЕСТЬ.

Книга Ботера.

Книга Камень.

Книга Іустина Гисторика.

Книга Новый Завѣтъ.

Книга Краткое описаніе Польскихъ Королей.

к. г.

Въ прошломъ во 198 году Генваря 23 дня великихъ Государей въ грамотѣ къ Гетману писано, что извѣстно имъ великимъ Государемъ, учинилось, что Македонскія земли Архимандритъ Діонисій въ Малороссійскихъ городѣхъ въ Нѣжинѣ отдалъ многія греческія книги нѣжинскому жителю и чтобъ онъ Гетманъ тѣ книги у того нѣжинского жителя описавъ имянно прислалъ въ Сѣвескъ, а изъ Сѣвска велѣно тѣ книги прислать къ Москвѣ.

И въ томъ же въ 198 году Марта въ 7 деньк великимъ Государямъ изъ Сѣвска книгъ прислано по росписи:

Книга Законъ Царскій Рукописанный.

Аристотелева рукописанная о земляныхъ дѣлѣхъ.

Тогожъ Аристотеля книга, переведена, толкъ 5 гласовъ.

Книга Филиппа Клеверія землѣописательная, на Латинэкомъ языкѣ.

Книга всѣхъ Соборовъ на Латинскомъ языкѣ.

КНИГИЖЪ ВЪ ЧЕТВЕРТЬ.

Книга о Естествѣ каменей на Латинскомъ языкѣ и въ лицахъ.

Книга реторика Іоанна Восса, на Латинскомъ языкѣ.

Книга Философія Естественная, на Латинскомъ языкѣ.

Книга о подъемѣ въ Хинскую землю, на Латинскомъ языкѣ.

Книга толкованія Святыхъ, на Латинскомъ языкѣ.

Книга огородная въ лицахъ на Нѣмецкомъ языкѣ.

Книга Аристотеля на Латинскомъ языкѣ.

Книга побѣда и радость Густава, Короля Шведскаго, на Латинскомъ языкѣ.

Книга о всякихъ разговорехъ на Латинскомъ языкѣ.

Книга въ лицахъ резныхъ дѣлъ Нѣмецкимъ языкомъ описаніе.

Книга огородная въ лицахъ, на Нѣмецкомъ языкѣ.

Книга Аристотелева логика.

Книга о Александрѣ Великомъ зовому Квинтусъ Курціусъ.

Книга разговоры Эразма Ротеродама на Латинскомъ языкѣ.

Книга о разговорахъ Нѣмецкимъ и Польскимъ языкомъ.

7 книгъ Граматикъ и въ томъ числѣ 4 Греколатинскихъ, 2 Латинскихъ, 1 на Галанскомъ языкѣ.

Книга раздѣленіе Судебное на Латинскомъ языкѣ.

Книга Гишпанскія тайны на Латинскомъ языкѣ.

Книга о небесныхъ теченіяхъ на Латинскомъ языкѣ.

Книга о Гражданствѣ на Латинскомъ языкѣ.

Книга Сокращеніе привиліевъ на Латинскомъ языкѣ.

Книга въ тетратехъ реторика Іоанна Восса на Латинскомъ языкѣ.

И изъ тѣхъ вышеписанныхъ книгъ огородного и полатного и городоваго строеней и резныхъ и водовзводныхъ и фигурныхъ образцовъ 17 книгъ изъ Посольского Приказу во 192 и во 193 годехъ врозныхъ числехъ взялъ къ себѣ на дворъ Князь Василій Голицынъ и назадъ вприказъ неприсылывалъ.

Да во 191 году снесено въ Посольской Приказъ книгъ изъ Мастерскія Полаты.

15 книгъ печатныхъ на латинскомъ языкѣ глаголемыя атласъ, или описаніе всего свѣта переплетены.

И 7204 Іюля въ 29 день Великій Государь Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичь всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ указомъ вышеписанныя печатныя и письменныя книги Греческого, Латинского, и Греколатинского, и Нѣмецкого и Польского языковъ, которыя выше сего въ росписи написаны, въ Посольскомъ Приказѣ пересмотрѣть и переписать имянно; да и въ Приказѣ Малыя Россіи такіяжъ книги, которые есть на лицо переписать же и взять ихъ въ Посольской Приказъ съ роспискою. А переписавъ тѣ всѣ книги собрать и держать въ Посольскомъ Приказѣ въ береженіи и записать для вѣдома въ книгу.

Изъ послѣдующей бумаги о истребованіи Греческаго Евангелія печатнаго въ Приказъ книгъ печатнаго дѣла видно, что оный состоялъ подъ вѣденіемъ Ігумена Сергія Діака Андрея Михайлова въ 7205-мъ.

(О дальнѣйшей судьбѣ сихъ книгъ не видно ничего.)

ОБЗОРЪ СОЧИНЕНІЙ

ПИСАННЫХЪ НА МАЛОРОССІЙСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Языкъ, называемый обыкновенно малороссійскимъ, которымъ говорятъ въ юго-западныхъ губерніяхъ Россіи и въ Галицкомъ Королевствѣ, не есть нарѣчіе языка русскаго, образовавшагося въ послѣднее время; онъ существовалъ издавна и теперь существуетъ, какъ нарѣчіе славянскаго корня, занимающее по своему грамматикальному и лексикальному устройству средину между восточными и западными нарѣчіями огромнаго славянскаго племени, нарѣчіе правильное, богатое, гармоническое и способное къ развитію литературной образованности. Но едвали доказательства на все это нужны въ наше время, когда понятія о славянской филологіи довольно ясны, чтобъ избавить читателя отъ скуки слушать подтвержденіе извѣстныхъ истинъ, въ которыхъ никакой просвѣщенный человѣкъ сомнѣваться не будетъ.

Но можетъ быть спросятъ: гдѣ же прежняя малороссійская литература? ибо если существовалъ народъ, то какъ можно, чтобы языкъ его оставался во-все безъ письменности? Но спросимъ прежде: была ли въ сѣверной Руси великороссійская литература? А между тѣмъ языкъ этой половины нашего отечества такъ же древенъ, какъ

и южной. Письменность къ намъ перешла вмѣстѣ съ С. Писаніемъ, и потому первыя сочиненія наши были духовныя, и, слѣдовательно, на славено-церковномъ языкѣ, употреблявшемся при Богослуженіи. Потомъ, мало-по-малу, съ развитіемъ общественной и политической жизни явилась необходимость въ другихъ родахъ письменности; но такъ какъ только славяно-церковный языкъ былъ приготовленъ къ этому, то онъ послужилъ матеріаломъ и для свѣтской общественной письменности, съ тѣмъ различіемъ, что въ него начали входить слова, выраженія и обороты языка народнаго. Но вотъ Россія раздѣлилась; западная и восточная часть ея начали жить особою другъ отъ друга жизнію; образовалось два письменныхъ языка: въ одной изъ смѣшенія славяно-церковнаго языка съ великороссійскимъ, а въ другой изъ смѣшенія того же языка съ малороссійскимъ или южно-русскимъ нарѣчіемъ. Въ Малой какъ и въ Великой Руси была своя литература, свой книжный языкъ, на которомъ почти всѣ писали, но едва ли кто говорилъ; — много сочиненій, и политическихъ, и дѣловыхъ и, наконецъ, ученыхъ, было писано на этомъ языкѣ, много переводилось на него изъ другихъ языковъ; иное издано; большая часть покоится непробуднымъ сномъ въ библіотекахъ.

Этотъ языкъ, извѣстный подъ именемъ руського, много имѣлъ вліянія на образованіе нашего языка высшаго общества и литературы: извѣстно, что Ломоносовъ учился по грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго и выучилъ наизустъ Псалтырь переложенный въ стихи, Семеона Полотцкаго. Руській языкъ былъ гораздо обработаннѣе, нежели письменный языкъ Великой Россіи; на немъ было писано мно-

го книгъ, въ которыхъ нуждались и въ Москвѣ; притомъ же, лучшіе проповѣдники наши первой половины XVIII вѣка были Малороссіяне, и хотя старались писать по русски, или по словенски, но не могли не вносить въ свои сочиненія элементовъ роднаго слова. При сильнѣйшемъ наплывѣ иностраннаго просвѣщенія, языкъ нашъ измѣнялся, принималъ другія формы, составились новыя грамматики; старинные обороты греческіе, латинскіе, польскіе, уступали мѣсто французскимъ и нѣмецкимъ; выступила литература новая, носившая на себѣ слѣды вліянія Европейской образованности; вкусъ утончался; публика возъимѣла потребность въ чтеніи легкомъ, служащемъ къ удовольствію; явились романы, повѣсти, театральныя сочиненія. Вмѣстѣ съ Европейскимъ просвѣщеніемъ развивалась у насъ столичная жизнь: въ столицахъ сосредоточивались и просвѣщеніе, и науки, и литература, тамъ было горнило языка. Руській языкъ ушелъ въ западныя губерніи, бывшія еще подъ властію Польши, и, гонимый въ обществѣ, доживалъ вѣкъ въ семинаріяхъ и училищахъ.

Съ возвращеніемъ Россіи западныхъ и южныхъ ея областей, руській языкъ сталъ уже не нужнымъ; былъ другой общій языкъ: основаніемъ его взяты нарѣчія славено-церковное и великорусское, а образованъ онъ былъ по по всѣмъ возможнымъ иностраннымъ формамъ: и латинскимъ, и нѣмецкимъ, и французскимъ. . . . во всякомъ народномъ духѣ являлись у насъ сочиненія, исключая своего; такъ какъ и въ высшихъ обществахъ были въ модѣ попеременно всякіе языки, исключая русскаго.

Когда въ Европѣ явилась идея народности, подражательность уступала оргинальности, а школьность таланту;

Русскіе, хватая съ жадностію все, что ни попадалось подъ руку, усвоили себѣ и эту идею и нашли у себя богатыя силы для осуществленія ея; мы начали стыдиться своего равнодушія къ отечественному и безотчетной привязанности къ чужестранному; мы увидѣли, что, не смотря на огромное количество книгъ, у насъ нѣтъ литературы, и обратились къ собственному источнику національности и народности. Измѣнялся вкусъ; измѣнялся и языкъ. Чужестранныя формы, которыя наложены были на наше родное слово превратными понятіями объ изящномъ, уступали роднымъ формамъ народнаго языка великороссійскаго, облагороженнаго просвѣщеніемъ, науками и употребленіемъ въ высшемъ обществѣ. Измѣнялась и литература. Главное стремленіе ея было не къ подражанію иностранному, но къ своенародности. Въ такомъ преобразованіи должны были, повидимому, участвовать только одни великороссіяне, а между тѣмъ вся Россія, богатая другими элементами, имѣла на него право: ближайшее принадлежало Малороссіянамъ, какъ народу многочисленному и единому по вѣрѣ и племени съ Великороссіянами. Но народность Малороссіи есть особенная, отличная отъ народности Великороссійской; Малороссіяне во-все или не должны были касаться литературы, или же усвоить себѣ народность Великороссійскую. Несправедливость того и другаго мнѣнія, если бы кто имѣлъ несчастіе защищать ихъ, очевидна сама собою. Благодаря самодержавію и единовластію, у насъ не могутъ разныя противныя идеи управлять общественными мнѣніями, какъ-бы оно ни было разнообразно: у насъ необходимо должно быть одно стремленіе: если какая-нибудь идея въ извѣстномъ отдѣлѣ нашей цивилиза-

ціи брошена въ одномъ углу государства, не возможно, чтобъ она не проникла въ самые отдаленные. Теперь идея народности оживила нашу литературу: и читающая публика и писатели почитаютъ народность главнымъ достоинствомъ всякаго сочиненія по изящной словесности. Но какъ могъ явиться на поприщѣ изящной литературы Малороссіянинъ, получившій первыя впечатлѣнія въ Малороссіи, лепетавшій, можетъ быть, первыя слова на родномъ своемъ языкѣ? Не иначе какъ съ своею малороссійскою народностію, съ своимъ народнымъ нарѣчіемъ. Многіе изъ Малороссіянъ чувствовали, что на русскомъ языкѣ нельзя того выразить, что можно на малороссійскомъ, и потому начали употреблять свое родное слово. И въ самомъ дѣлѣ: они правы. Конечно, Гоголь въ своихъ высокихъ созданіяхъ много выразилъ изъ малороссійскаго быта на прекрасномъ русскомъ языкѣ, но надобно сознаться: знатоки говорятъ, что многое тоже самое, будь оно на природномъ языкѣ, было бы лучше. Притомъ, много найдется талантливыхъ людей, которые, по обстоятельствамъ жизни, такъ сроднились съ малороссійскимъ языкомъ, что еслибъ они начали писать по русски, то писали бы худо, а по малороссійски сочиненія ихъ читались бы соотечественниками съ большимъ удовольствіемъ.

И такъ, идея народности, подвинувшая впередъ русскую литературу, произвела въ ней особенный отдѣлъ—литературу малороссійскую, которая, по направленію своему, есть чисто русская, своенародная. Многіе изъ современныхъ рецензентовъ называютъ это стремленіе писать по малороссійски непонятною прихотью, но думаютъ неосновательно: оно есть потребность времени, потому что исходитъ изъ того начала, которое оживляетъ настоящее общество.

Малороссійскій народный языкъ до того времени почти не имѣлъ письменныхъ памятниковъ, какъ и всякое народное слово до появленія идеи народности; но, за то, этотъ языкъ тайно хранилъ въ себѣ богатыя сокровища поэзіи— народныя пѣсни и сказки. Долго никому до нихъ не было дѣла; только въ послѣднее время обратили на нихъ вниманіе. Сказокъ у насъ никто не издавалъ; пѣсень существуютъ четыре собранія: князя Цертелева, 1-е и 2-е изд. Максимовича, Запорожская Старина Срезневскаго и Малороссійскія и Червонорусскія Думы и Пѣсни, С. п. б. 1836 г. Къ этимъ надобно причислить собранія, являвшіяся въ Галиціи; изъ нихъ извѣстны мнѣ собранія Вацслава зъ Олеска, Жеготы Паули и Лозинскаго Сватьба Русская (Ruśkoe wesile). Галичане перещеголяли насъ полнотою и точностію своихъ изданій. Изъ русскихъ собраній только Запорожская Старина имѣетъ видъ какой-нибудь полноты. Г. Срезневскій имѣлъ цѣлію собрать однѣ историческія пѣсни, и издалъ съ замѣчаніями, очень дѣльными и учеными; собраніе князя Цертелева ограничивается только осемью думами; въ 1-мъ изд. Максимовича помѣщено только 130 пѣсень; во 2-мъ есть замѣчательныя бытовыя,—но прекрасное предпріятіе его остановилось; издатель Мал. и Червонорусскихъ Думъ и Пѣсень оказалъ услугу любителямъ народности сохраненіемъ многихъ важныхъ историческихъ пѣсень, изъ которыхъ одна изумительна по своей величинѣ и эстетическому достоинству. Вотъ и все. Тысячи драгоцѣнныхъ памятниковъ народной поэзіи еще не изданы и вовсе не извѣстны. Ждутъ ихъ изданія отъ Бодянскаго, Метлинскаго и другихъ.

Но малороссійскія сочиненія появились гораздо прежде, нежели изданія пѣсень. Уже въ 1808 г. было второе изда-

ніе Энеиды, перелицованной на малороссійскій языкъ И. Котляревскимъ. Онъ первый началъ писать по малороссійски (*).

Во время упадка классицизма и вторженія въ европейскія литературы романтическихъ идей, вкусъ общества портился и принялъ самое странное направленіе: не смѣли разстаться съ вѣрою въ завѣтные предразсудки, не смѣли принять формъ новаго рода, казавшихся еще дикими,— смѣялись надъ тѣмъ и другимъ: плодомъ такой нерѣшительности явился особенный родъ сочиненій—пародіи. Писатель бралъ предметы классическіе, одѣвалъ ихъ въ романтическую одежду, и такимъ нескладнымъ нарядомъ смѣшилъ публику. Многія изъ безсмертныхъ твореній древности испытывали горькую чашу пародій: въ числѣ ихъ была Энеида Виргилія. Перелицованныхъ Энеидъ вездѣ было довольное количество. И къ намъ, на святую Русь, забрело это направленіе, забрело такъ, какъ обыкновенно и другія идеи заходили къ намъ. У насъ начали писать пародіи—не угодно ли прочесть Осипова? но Котляревскій насмѣшилъ лучше.

Умный, смѣтливый человѣкъ сей-часъ отгадалъ, чѣмъ можно позабавить публику, которая, если не пресытилась классицизмомъ, то, по-крайней мѣрѣ, дремала за толстыми поэмами въ 12 пѣсняхъ и драмами съ тремя единствами. Котляревскій взялъ Энеиду для пародіи и выбралъ для ней такую форму, которая въ самомъ дѣлѣ могла удовлетворить желанію позабавиться надъ книгою. Чего лучше?

(*) Кто писалъ до него, и что написано, это пока остается нетронутымъ вопросомъ.

Малороссійскій языкъ—самая романтическая форма; Энеида—самое классическое содержаніе. Вотъ и явилась Энеида въ малороссійской одеждѣ: троянскій герой сталъ *моторный парубокъ*; Юнона—*суча дочка роскудкудакталась якъ квочка*; Зевесъ *лигавъ вишнйвку, макйвниками зайдавъ*, и Нептунъ *сидйвъ надъ водою, изморщившись, старый шкарбунъ*. Всѣ читали Энеиду, даже и тѣ, которые не сознавались въ томъ, вмѣняя въ стыдъ читать на такомъ нарѣчіи, какимъ говорятъ ихъ конюхи. Этому-то смѣшному обязана Энеида своимъ успѣхомъ. Что жъ такое Энеида Котляревскаго сама-по-себѣ, безъотносительно къ тогдашнему обществу? Пародія выполнена прекрасно, но время пародій уже прошло: романтическая форма стала намъ не чужда, а классическому содержанію мы возвратили должное уваженіе. Но истинный талантъ, въ какомъ бы видѣ не явился, не можетъ не показать своихъ достоинствъ; пусть сочиненіе его будетъ искажено, недокончено—все оно будетъ носить на себѣ отпечатокъ души творца, все-таки въ немъ найдете такую сторону, съ которой если взглянете, то невольно скажете: сочиненіе хорошо. Энеида, какъ пародія, потеряла для насъ свою цѣну; но таже самая Энеида, какъ вѣрная картина малороссійскаго быта, какъ первое сочинненіе на малороссійскомъ языкѣ, въ глазахъ нашихъ—драгоцѣнное твореніе: мы видимъ въ ней такія достоинства, которыя были скрыты отъ современныхъ читателей.

Энеида, разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, имѣетъ для насъ три неотъемлемыя достоинства. Во первыхъ, мы видимъ въ ней, какъ я сказалъ выше, вѣрную картину малороссійской жизни. Авторъ зналъ хорошо Малороссію,

жилъ въ ней и съ нею, пользовался всѣмъ, что было у него предъ глазами. Характеры его боговъ и героевъ истинно малороссійскіе въ малѣйшихъ ихъ пріемахъ. Во вторыхъ, она драгоцѣнна для насъ по неподражаемому юмору, съ которымъ авторъ изображаетъ пороки и смѣшную сторону своего народа. Стоитъ только вспомнить описаніе ада—всѣ грѣшники носятъ на себѣ черты малороссійскія и даже осуждены на муки, которыя только придутъ въ голову малороссіянину. Въ третьихъ, языкъ его, правильный, блестящій, народный въ высочайшей степени, останется самымъ лучшимъ памятникомъ. И надобно сознаться, что едвали у кого онъ достигаетъ такой игривости и непринужденности, хотя чуждый малороссійскому языку четырехстопный ямбъ, въ которой онъ заковалъ свою пародію, очень мѣшалъ его легкости.

Что касается до тривіальностей, соблазнительныхъ сценъ и нѣкоторыхъ отвратительныхъ описаній, которыхъ, къ сожалѣнію, много у Котляревскаго, то онѣ суть плодъ ложнаго понятія о смѣшномъ: тогда думали что все отвратительное можетъ забавлять.

Опера Наталка Полтавка есть опытъ Котляревскаго въ другомъ родѣ: сочинитель хотѣлъ представить здѣсь семейный бытъ Малороссіянъ, нѣжное сердце малороссійской дѣвушки; піеса пріобрѣла сочувствіе въ читателяхъ. Наталка представляема была столько разъ на сценѣ; всѣ слушали ее съ участіемъ, — и до сихъ поръ она любимое сочиненіе Малороссіянъ, не смотря на то, что содержаніе ея отзывается устарѣлою сентиментальностію прошлаго вѣка.

Стихотворенія Артемовскаго-Гулака, пріобрѣтшія такую извѣстность, написаны, исключая перевода Гетева Рыбака, въ пародическомъ духѣ, подобно Энеидѣ Котляревскаго. Необыкновенная легкость и правильность языка, свобода въ выраженіяхъ и непринужденный комизмъ обличаютъ въ сочинителѣ высокой талантъ, отъ котораго можно было бы ожидать драгоцѣнныхъ плодовъ . . . лучшее изъ его твореній — это *Панъ та Собака*, сказка, которая, въ ряду апологическихъ твореній русской литературы, занимаетъ почетное мѣсто.

Впрочемъ для многихъ не столько было забавно содержаніе сочиненій Котляревскаго и Артемовскаго, сколько слова, выговоръ, обороты малороссійскаго языка. Но пришла наконецъ пора получить вѣрнѣйшее понятіе о славянской филологіи. Гребенка первый (*) отошелъ отъ прежняго пародическаго направленія: этотъ даровитый писатель, сознавая, что слово, которымъ потѣшали публику Котляревскій и Артемовскій, вовсе не искаженное нарѣчіе русскаго языка, а языкъ данный судьбою въ удѣлъ 12 мил. народа, хотѣлъ въ своихъ сочиненіяхъ показать способность его къ развитію и богатство. Перевесть Полтаву Пушкина на малороссійскій языкъ — идея смѣлая, приносящая честь тому, кто первый счелъ языкъ способнымъ къ этому. Какъ многіе первые опыты даровитыхъ писателей — переводъ, правду сказать, не удался; но во всякомъ случаѣ, цѣнители малороссійскаго слова всегда будутъ благодарны писателю за то, что онъ показалъ его достоинство и проложилъ дорогу другимъ. Но его *Приказки* всегда прочтутся съ наслажденіемъ: авторъ

(*) Кажется, не Гребенка, а Боровиковскій въ своихъ балладахъ. *Примѣчаніе Корректора.*

явился въ нихъ не пародистомъ, не насмѣшникомъ надъ малороссійскою народностію и словомъ, но малороссійскимъ баснописцемъ, и превосходно показалъ способность малороссійскаго языка къ апологическимъ сочиненіямъ.

Безъ всякаго сомнѣнія, честь возведенія роднаго слова на высшую степень развитія,—смѣю сказать, честь созданія малороссійской литературы принадлежитъ писателю, скрывавшему себя подъ вымышленнымъ именемъ Основьяненка. Далекій отъ того, чтобъ принимать языкъ малороссійскій за орудіе къ возбужденію смѣха, этотъ талантливый писатель въ многочисленныхъ своихъ твореніяхъ имѣлъ задачею изобразить домашнюю жизнь малороссійскаго народа въ извѣстныхъ ея проявленіяхъ. Нравственная цѣль, обиліе чувства безъ сентиментальности, непринужденный комизмъ безъ притязаній на искуство смѣшить и увлекательность разсказа поставили его въ глазахъ образованной публики въ числѣ отличныхъ писателей, а вѣрное изображеніе народнаго быта, живость и естественность характеровъ пріобрѣли ему любовь соотечественниковъ, увидѣвшихъ въ первый разъ свое собственное въ литературѣ, изображенное по-своему, своимъ тономъ. Лучшая похвала Основьяненку съ этой стороны состоитъ въ томъ, что даже тѣ, которые ничего не читаютъ, принялись съ удовольствіемъ за его повѣсти; но всѣмъ этимъ не ограничиваются его литературныя заслуги: человѣкъ, имѣющій высшій взглядъ на изящное, откроетъ въ его сочиненіяхъ неотъемлемыя достоинства: въ основаніи почти каждаго изъ нихъ лежитъ идея глубокая, человѣческая, прекрасно развитая въ извѣстной формѣ проявленій нравственнаго міра разумныхъ существъ. Такія сочиненія, гдѣ бы они

ни были, должны быть включимы въ число отличныхъ твореній. Тѣмъ замѣчательнѣе онѣ кажутся при малороссійскомъ элементѣ, еще мало разработанномъ, на малороссійскомъ языкѣ, на которомъ не было ничего написано, кромѣ двухъ-трехъ пародій. Литература, считающая въ себѣ такія творенія, не можетъ быть ничтожною: при маломъ количествѣ своихъ произведеній она счастлива, если можетъ похвалиться такими, въ которыхъ видно не какое-нибудь подражаніе чужому, не иностранныя чуждыя идеи, одѣтыя въ искаженную форму, не жалкая всеобщность, мысли всѣмъ извѣстныя, выраженныя образами всѣмъ извѣстными, но истинное изображеніе своего, роднаго, со всѣмъ отпечаткомъ національнаго характера.

Многіе поставляли главнѣйшимъ достоинствомъ сочиненій Основьяненка комизмъ; но, по моему мнѣнію, это второстепенныя качества предъ неизчерпаемымъ родникомъ чувства. Обращаюсь къ тѣмъ, которымъ извѣстна малороссійская народная поэзія. Они знаютъ, какое важное мѣсто занимаетъ въ ряду достоинствъ этой дѣвственной поэзіи глубокое чувство; въ какой степени этотъ истинный источникъ всего благороднаго, изящнаго наполняетъ очаровательныя созданія украинской музы. Но это чувство является въ пѣсняхъ отдѣльно, отрывисто, кромѣ нѣкоторыхъ романсовъ, удивительныхъ по своей художественности: оно все въ лирическихъ пѣснопѣніяхъ, большею частію въ рапсодахъ, отрывкахъ, проявляется мгновенно, вспыхиваетъ сильно, но не продолжительно. Это движеніе сердца, звуки, издаваемые струнами его, аккорды согласные, плѣнительные, не исчезающіе въ воздухѣ: отголосокъ ихъ остается только въ сердцѣ; умомъ вы не

поймете его, потому что въ немъ нѣтъ мыслей, — въ немъ есть чувство, доступное единственно сердцу, хранилищу чувствъ. Оно не осязаемо, не видимо, не уловимо: облеките его въ форму, соедините съ мыслію, назначьте ему пространство и время, обставьте его тѣми картинами, при которыхъ оно будетъ понятно, сообщите его тѣмъ характерамъ, которые могутъ вмѣщать его, — и неясное сдѣлается яснымъ: вы его увидите въ образахъ; вы поймете то, что прежде только чувствовали; доступное сердцу станетъ понятно ему; красота первобытной поэзіи для васъ не утерятся; вы тогда можете дать отчетъ себѣ въ томъ, что васъ занимаетъ, къ чему вы влечетесь: оно вполнѣ ваше, потому что все ваше существо проникнуто имъ.

Писатель воспринимаетъ переданное ему народомъ и возвращаетъ ему отъ него взятое полнымъ и сознательнымъ; неправильнымъ, отрывистымъ частицамъ сообщаетъ цѣлость, собираетъ разсыпанные перлы и создаетъ изъ нихъ художественныя ожерелья. Съ этой точки зрѣнія мы должны смотрѣть на Основьяненка въ его прекрасныхъ повѣстяхъ, гдѣ наиболѣе проявляется эта существенная жизнь Малороссіи, вся полная чувства, дышащая ея дѣвственнымъ воздухомъ. По-крайней мѣрѣ, такое выраженіе имѣютъ четыре лучшія его повѣсти на малороссійскомъ языкѣ: Маруся, Козырь Дивка, Щира Любовь и Оксана: изображенія женскаго малороссійскаго сердца, представленнаго подъ разными обстоятельствами жизни и въ разныхъ характерахъ. Отлагая въ сторону всѣ впечатлѣнія, какія эти повѣсти могутъ произвести на читателя, который въ нихъ видитъ идиллическій міръ настоящаго времени, мы взгля-

немъ, что выражаютъ они, какъ собственно малороссійскія произведенія.

Идея любви, общая и священная человѣчеству, основаніе истинно-нравственнаго, а слѣдовательно и истинно-изящнаго, является въ различныхъ видахъ, обусловливаемая, между-прочимъ, степенью образованности и исторической жизнію народа. Въ народѣ юномъ, но просвѣтленномъ религіею и стоящемъ на извѣстной степени нравственнаго развитія, она проста, наивна, не удаляется отъ чувственности, но облагороживаетъ ее; чувство, обладающее существомъ, не подавляетъ его, но направляетъ къ дѣятельности. Малороссія, по степени образованія своего, страна дѣвственная, юная, по жизни же исторической она испытала слишкомъ много, выполнила назначенное ей отъ провидѣнія, и одряхлѣла . . . . древняя жизнь умираетъ въ ней, а новая только начинаетъ проявляться. Два характера отличаютъ ея настоящее положеніе.

Малороссійская женщина, осужденная въ теченіе двухъ вѣковъ на мгновенную радость, на минутные пламенные восторги, а потомъ на горькую, часто досмертную тоску, окованная въ своихъ желаніяхъ непреодолимою судьбою, получила себѣ въ удѣлъ наклонность къ мечтательности, оттѣняющей ее даже въ минуты полнаго наслажденія своимъ бытіемъ. Чувства обладаютъ ея существомъ, въ страсти она не предается порывамъ необузданнаго восторга, но хочетъ чувствовать эту радость; печаль ея есть чувствительное созерцаніе, которое въ области сердца тоже, что въ области ума ясное сознаніе. Этотъ характеръ переходилъ изъ рода въ родъ, отъ матери къ дочери, и до сихъ поръ сохраняется. Но, между-тѣмъ, эта мечтатель-

ность, плодъ тѣхъ несчастныхъ часовъ, когда женщина, едва расцвѣтшая, тосковала въ горькомъ одиночествѣ, тщетно призывая милыхъ сердцу изъ дальней могилы, теперь слилась уже съ другимъ элементомъ, чувствомъ семейнымъ. Протекли буйныя времена, исчезли бѣдствія, народъ началъ свыкаться съ жизнію мирною, семейною, и женщина уже познала миръ души, счастіе тихой жизни. Но печать прежняго остается на ней,—и потому, съ одной стороны, любовь Малороссіянки носитъ на себѣ отпечатокъ мечтательности, проникнута глубокимъ чувствомъ, часто убивающимъ нѣжное существо, немогущее преодолѣть препятствій, которыя завистливая судьба поставляетъ между ею и любимымъ предметомъ; — съ другой стороны, согласуясь съ духомъ времени, она не въ состояніи ограничиваться одною сферою внутренняго чувства; это чувство пробуждаетъ всѣ другія способности души и направляетъ ихъ къ дѣятельности. Типомъ перваго характера можетъ служить Маруся. Быть можетъ, для нѣкоторыхъ она покажется просто идиліею въ родѣ Геснера; нѣтъ, основаніе повѣсти истинно народное.

Маруся совершенно возможна въ Малороссіи. Скромная деревенская дѣвушка, воспитанная подъ надзоромъ простыхъ, но благочестивыхъ родителей, получившая съ рожденія томный и мечтательный нравъ, развившійся, какъ видно, чрезъ отчужденіе отъ подругъ и любовь къ домашнимъ занятіямъ, увидѣла на чужой сватьбѣ парубка, который ей полюбился. Но такъ-какъ у сердецъ мечтательныхъ мгновеннаго чувства не бываетъ, то эта любовь превратилась скоро въ тихую страсть. Вотъ они познакомились, сблизились: судьба поставила имъ препятствіе: страсть

сильнѣе развилась, сердце начало таять, — опять сблизились, — счастіе имъ улыбнулось; но вотъ опять разлука: — Маруся, въ которой томное, снѣдающее чувство развилось до высокой степени, не устояла; воля ея была слишкомъ слаба, міръ, окружающій ее, уже давно сталъ ей чуждъ, хотя она, по-видимому, жила для него, — Маруся истлѣла медленнымъ огнемъ, который при мечтательномъ настройствѣ духа сожигаетъ свою жертву непримѣтно. Эта столь поэтическая Маруся ничуть не идеалъ: она обыкновенна въ бытѣ малороссійскомъ; вы можете много увидѣть такихъ Марусь и, можетъ быть, ни одной не узнаете. Когда послѣ разлуки съ любезнымъ вся душа ея таетъ въ тихой страсти, когда вся жизнь ея сосредоточивается въ воспоминаніяхъ о незабвенныхъ минутахъ, проведенныхъ съ нимъ, — она занимается домашними работами: прядетъ, шьетъ, еще прилежнѣе, чѣмъ прежде, — и только изъ того, что чуждается брака и убѣгаетъ веселости, вы можете замѣтить, что ея сердце не свободно; но до какой степени связываютъ ее узы страсти — этого вы не узнаете. Самая кончина ея для посторонняго взора представляется обыкновенною — дѣвушка простудилась, получила горячку и умерла. Но авторъ раскрылъ предъ вами ея душу, ввелъ васъ въ таинственный міръ, и вы изумляетесь обилію неисчерпаемаго чувства, которое было отъ васъ закрыто, и вы смотрите на нее съ другой точки зрѣнія. Что же это такое? это чувство, наполнившее бѣдное сердце поселянки и убившее ее своимъ обиліемъ: вотъ малороссійская поэзія! Маруся, будучи ежедневнымъ явленіемъ, типомъ обыкновенной Малороссіянки, есть вмѣстѣ существо прекрасное. Авторъ низвелъ васъ въ свой буколическій міръ для того,

чтобъ показать всю его прелесть и изящество. А откуда это изящество характера Маруси? оно истекаетъ изъ глубины характера Малороссійской націи и понятно изъ ея исторической жизни. Маруся—это Малороссіянка древняго вѣка, живущая въ новомъ.

Необходимыя для обрисовки характеровъ дѣйствующихъ лицъ описанія и сцены того быта, въ которомъ дѣйствуютъ они, выполнены очень удачно. Авторъ избралъ лучшіе поэтическіе моменты малороссійской жизни и представилъ ихъ въ привлекательномъ видѣ: трогательное описаніе погребенія несчастной жертвы чувствъ прекрасно въ высшей степени, и поясняетъ самую душу Маруси, становитъ ее возможною въ томъ родѣ, котораго обряды и обычаи проникнуты до такой степени глубокою мечтательностію.

Но, при всемъ превосходномъ изображеніи характера Маруси, при всѣхъ прекрасныхъ описаніяхъ, трогательныхъ и увлекательныхъ сценахъ, — однимъ словомъ, при всѣхъ неотъемлемыхъ ея достоинствахъ, мы должны замѣтить, что она имѣетъ большіе недостатки. Характеръ Василя не ясенъ и даже не естественъ; въ немъ не видно такого простодушнаго чувства, какъ въ Маруси,—онъ сентименталенъ, и самое удаленіе его въ монастырь не производитъ сильнаго эфекта. Характеры Наума, отца Маруси, и матери ея тоже не отличаются рѣзкими чертами. Въ отдѣлкѣ нѣтъ художественности: иное ростянуто, другое не досказано.

Козырь Дíвка знакомитъ васъ съ другою стороною женскаго малороссійскаго міра; здѣсь тоже народное чувство, но уже при другихъ явленіяхъ и въ другомъ характерѣ.

Оно не исчезаетъ въ мечтательности, и душа, наполненная имъ не дѣлается преждевременною его жертвою; напротивъ, чѣмъ болѣе оно обьемлетъ ее, тѣмъ сильнѣе побуждаетъ къ дѣятельности, и ведетъ не къ смерти и разрушенію, но къ жизни. Ивга такая же чистая Малороссіянка, но совершенно противуположная Маруси. Она любитъ своего Левка, какъ Маруся своего Василя, а встрѣчаетъ гораздо большія препятствія и лишенія. Вмѣстѣ съ каждымъ изъ нихъ, усиливается ея чувство; но за то, чѣмъ сильнѣе искушаетъ ее судьба, тѣмъ готовѣе она побѣдить всѣ эти искушенія. Для достиженія цѣли, указанной ей чувствомъ, она бросается въ другую сферу, совершенно ей незнакомую, и любовь, руководившая ее, остается навсегда въ ея сердцѣ, помирившись съ жизнію. Вы видите здѣсь торжество воли, — не думайте искать источника въ разумѣ, — ищите его въ сердцѣ: Ивга предается его влеченію, и оно-то окрыляетъ ея волю и доводитъ до края желаній. Если Маруся можетъ служить типомъ Малороссіянки, подъ вліяніемъ судьбы, то Ивга есть таже Малороссіянка въ нормальномъ состояніи, то есть такова, какою ей быть должно при ея характерѣ, при свободномъ развитіи ея способностей: Маруся представлена авторомъ въ болѣзненномъ состояніи, хотя и естественно; но это потому, что на той націи, въ которой она живетъ, лежитъ отпечатокъ болѣзненной дряхлости, — это дѣвушка доживающей Малороссіи; — Ивга дитя свѣжей жизни, процвѣтшей уже на обновленной почвѣ, которую питали прежнія стихіи, но освѣщало солнце возрожденія.

Повѣсть Козырь Дíвка по отдѣлкѣ гораздо лучше Маруси; здѣсь не страдаетъ художественность, соблюдена сораз-

мѣрность въ частяхъ, и все на своемъ мѣстѣ. Читатель увидитъ здѣсь вѣрную картину нравовъ различныхъ сословій Малороссіи, начертанную съ истиннымъ юморомъ, и тѣмъ избавляется отъ монотонности, неизбѣжной тамъ, гдѣ хотятъ заставить или плакать, или смѣяться отъ начала до конца піесы.

Представивъ въ двухъ повѣстяхъ характеръ Малороссіянки въ жизни созерцательной и практической, г. Основьяненко въ своей повѣсти Щира Любовь (Вотъ Любовь) показываетъ вамъ самое высокое развитіе малороссійскаго чувства. Если Маруся есть изображеніе древняго вѣка, исчезающаго въ новомъ, если въ Ивгѣ глубокое чувство, овладѣвшее всѣмъ составомъ женщины, вводитъ ее въ сферу практической жизни, то въ Галочкѣ оба эти элемента сливаются: мечтательность въ ней развита еще живѣе, чѣмъ въ Марусѣ, за то и воля въ ней дѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ въ Ивгѣ. Чувство, обладающее Ивгою, устремляетъ ее къ боренію съ препятствіями, поставленными судьбою, къ достиженію цѣли посреди житейскаго волненія; въ Галочкѣ это чувство служитъ источникомъ борьбы, происшедшей во внутреннемъ мірѣ. И Маруся, и Ивга суть типы извѣстныхъ малороссійскихъ лицъ съ ихъ главными побужденіями: Маруся женщина обыкновенная, черты ея—томность, нѣжность и слабость вы найдете повсюду, даже всю исторію ея можете услышать вездѣ; Ивга дѣлается возможною по мѣрѣ того, какъ новая жизнь замѣняетъ старую: народъ становится на высшую степень общественности, слѣдовательно, дѣятельность будетъ плодомъ всѣхъ побужденій;—Галочка всегда идеалъ, показывающій высокое нравственное совершенство, до ка-

кого можетъ довести глубокое чувство при здравомъ состоянии другихъ способностей. Но надобно сознаться, что для повѣсти *Щира Любовь* не достаетъ еще много, не смотря на прекрасныя описанія и трогательныя сцены, показывающія въ авторѣ высокій талантъ. Чувства доходятъ иногда до сентиментальности, напоминающей романы прошлаго вѣка; характеръ офицера не ясенъ, сама Галочка не вездѣ понятна: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она говоритъ такъ, какъ будто бы слушала университетскія лекціи.

По моему мнѣнію, эти три піессы, вмѣстѣ съ *Оксаною*, которая можетъ служить какъ бы дополненіемъ изображенія малороссійской женщины, *Ложными Понятіями* и *Панною Сотниковною*, писанными по русски, суть лучшія произведенія Основьяненка. Но талантъ нигдѣ не оставляетъ его. Повѣсть: *Отъ тобі́ шкарбъ* имѣетъ большое достоинство, какъ изображеніе народныхъ вѣрованій, и замѣчательна по своему юмору и богатому описанію. *Салдатскій портретъ* есть художественный эскизъ изъ малороссійскаго быта. Не менѣе замѣчательна по своему комизму опера *Сватанье на Гончаровкѣ*, доказывающая, что авторъ можетъ быть и драматическимъ писателемъ. Не лишнимъ считаемъ выставить здѣсь списокъ сочиненіямъ Г. Основьяненка (*).

(*) А. *Малороссійскія повѣсти*, (2 части; издан. въ Харьк.).

1. Салдатскій Портретъ.
2. Праздникъ Мертвецовъ.
3. Дѣлай добро и тебѣ будетъ добро.
4. Конотопская вѣдьма.
5. Вотъ тебѣ и кладъ.

Переводы помѣщены въ період. изданіяхъ: въ Современникѣ и др.

6. Божія дѣти (въ Утр. Зарѣ).

Произведенія Шевченка, изданныя въ отдѣльной книжкѣ подъ названіемъ *Кобзарь*, показываютъ въ авторѣ необыкновенное дарованіе. Онъ не только напитанъ народною малороссійскою поэзіею, но совершенно овладѣлъ ею, подчинилъ ее себѣ и даетъ ей изящную, образованную форму. Черты въ изображаемыхъ имъ лицахъ—*Катеринѣ*, *Кобзарѣ*, *Перебендѣ* суть тѣ самыя, которыя намъ представляетъ природа; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нихъ заключается поэзія общая, понятная всякому. Чувство поэта отличается характеромъ томнымъ, унылымъ; онъ принимаетъ близко къ сердцу прежнюю судьбу народа,—но это тоска вовсе не изученная — это цѣлый народъ, говорящій устами своего поэта: душа его сознала сочувствіе

---

7. Перекотиполе (въ Молодикѣ).
8. Вотъ любовь (въ Современ).
9. Панна Сотниковна. } На русск. языкѣ; помѣщены въ Соврем.
10. Ложныя понятія. } На русск. языкѣ; помѣщены въ Соврем.
11. Украинскіе Дипломаты. } На русск. языкѣ; помѣщены въ Соврем.
12. Ярмарка. } На русск. языкѣ; помѣщены въ Соврем.
13. Фенюшка.
14. Ганнуся (въ Телескопѣ), отпечатана особо.
15. Герой очаковскихъ временъ (въ Современникѣ).
16. Маргарита. } Въ Москвит. переводъ.
17. Оксана. } Въ Москвит. переводъ.
18. Добрый Панъ (въ Кіевлянинѣ).
19. Гаркуша (въ Соврем.)
20. Козырь Ди́вка (перев. въ Современ., особо отпечатана.)
21. Основаніе Харькова (на русскомъ языкѣ, въ Молод.)
22. Двѣнадцатый годъ въ провинціи (въ От. Зап.)

В.) 1. Головатый (въ От. Зап.)
2. Городъ Харьковъ (въ Соврем.)
3. Листы до нашихъ земляки́въ (особо отпеч.)

и сходство между состояніемъ своимъ и общенароднымъ чувствомъ; вмѣстѣ съ движеніями сердца, которыя принадлежатъ поэту, живо слились движенія, свойственныя всякому, кто будетъ въ состояніи ему сочувствовать. Оттого всякій — будь только у него хоть нѣсколько тѣхъ побужденій, которыя наполняютъ внутренній міръ Малороссіянина—будетъ до того проникнутъ поэзіею Шевченка, что забудетъ, чужое ли это, полученное извнѣ, или свое собственное, которое явилось въ области сердца съ незапамятнаго времени, такъ-какъ первыя идеи дѣтства. Какъ, на-примѣръ, превосходно это описаніе:

---

4. О Слободскихъ Полкахъ (въ Соврем).

C.) 1. Панъ Халявскій (въ От. Зап).

2. Похожденія П. Столбикова. 3 части.

D.) Драм. произведенія.

1. Дворянскіе Выборы. 2 части. Комедія.

2. Шельменко—волостной писарь. } Комедія.

3. Шельменко—деньщикъ. } Комедія.

4. Сватанье на Гончаровкѣ. Опера.

5. Щира Любовь. Драма.

6. Бой-жинка. Опера.

МЕЛКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

Готоропъ.

Исторія харьковскаго театра.

Безсрочный.

Знахарь.

Мемуары Пампушкина.

Званые гости, и многія другія мелкія статьи, помѣщенныя въ прежнихъ періодическихъ изданіяхъ, въ Харьковѣ выходившихъ.

Бьють пороги, мисяць сходить,
Якъ и перше сходивъ —
Нема Сичи, пропавъ и той,
Хто всимъ верховодивъ;
Нема Сичи — очереты
У Днипра пытають:
«Де-то наши дити дились?
Де вони гуляють?»
Чайка скиглить, литаючи,
Мовъ за дитьми плаче,
Сонце гріе, витеръ віе
На степи козачій.
На тій степи скризь могилы
Стоять, та сумують —
Пытаються у буйного:
«Де наши панують?
Де панують, бенкетують?
Де вы забарились? . . .
Вернитеся! — Дивитеся,
Жита похилились, —
Де паслися ваши кони,
Де тирса шумила,
Де кровъ Ляха, Татарина
Моремъ червонила —
Вернитеся!» —

Языкъ Шевченка превосходенъ вездѣ; надобно только пожелать его сочиненіямъ большей художественности, недостатокъ этотъ видѣнъ не въ Кобзарѣ, но въ послѣдующихъ его сочиненіяхъ.

Основьяненко и Шевченко, безъ сомнѣнія, суть лучшіе малороссійскіе писатели; особенно отъ послѣдняго, при счастливомъ направленіи, можно ждать плодовъ достойныхъ; но малороссійская литература всегда будетъ гордиться и

другими именами даровитыхъ писателей, каковы на-примѣръ: *Тополя*, *Могила* и др.

Чары г. Тополи, какъ всякое сочиненіе, выходящее изъ обыкновеннаго круга, испытали двѣ крайности въ сужденіяхъ нашихъ критиковъ. Полевой въ Б. для Ч. указывалъ на нихъ, какъ на необыкновенное, замѣчательное явленіе; другіе говорили, что въ Чарахъ нѣтъ здраваго смысла, ни тѣни народности. Читатель-Малороссіянинъ не увидитъ въ Чарахъ отпечатка творчества, но онъ все-таки прочтетъ ихъ съ удовольствіемъ, прочтетъ не одинъ разъ, и всегда съ новымъ наслажденіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если вы будете смотрѣть на Чары, какъ на нѣчто полное, оконченное, то онѣ вамъ представятся съ невыгодной стороны. Но сочинитель не заботился о цѣломъ, и самъ признался въ томъ: содержаніемъ своей піесы взялъ онъ народную пѣсню *Не ходи, Грицю, на вечерницѣ*, но еслибъ онъ взялъ для этаго и другую пѣсню, Чары бъ все остались Чарами, нужнобы только измѣнить разговоры дѣйствующихъ лицъ. Онъ самъ ихъ назвалъ *Чары или нѣсколько сценъ изъ народныхъ былей и разсказовъ украинскихъ*—и далъ самое опредѣлительное названіе. Всѣ сцены чрезвычайно вѣрны, интересны сами-по-себѣ, всѣ представлены безъ малѣйшей претензіи на творчество. Г. Тополя изображаетъ, что̀ видѣлъ, слышалъ, что̀ умѣлъ подмѣтить. У него нѣтъ развитыхъ характеровъ, но, за то, каждое лицо является съ своимъ отпечаткомъ; по нѣкоторымъ чертамъ дѣйствующаго лица, вы можете представить себѣ въ воображеніи его пріемы, образъ выраженія, можете судить о его характерѣ. Въ Чарахъ нѣтъ единства и оконченности въ цѣломъ, но все окончено въ

сценахъ: каждая изъ нихъ представляетъ цѣлую, вѣрную картину. Возьмите для примѣра ту сцену, гдѣ дѣвушки спрятались за колодками, чтобъ подслушать разговоры своихъ любовниковъ. Какъ здѣсь все живо, какъ вѣрно списано! Возьмите хоть фантастическую сцену изъ народныхъ повѣрій: вы видите здѣсь всю народную фантазію, какъ она существуетъ. На-примѣръ, чортъ, начальникъ вѣдьмъ, изображенъ въ видѣ Жида, говорящаго по польски: это въ самомъ дѣлѣ малороссійскій чортъ; понятіе о немъ вытекаетъ изъ исторіи и прежней жизни! Или хоть ту сцену въ шинку, гдѣ изображенъ разгулъ малороссійскій. Сочинитель ничего не утрировалъ, не идеализировалъ; онъ вамъ представляетъ эту сторону народнаго быта, какова она въ самомъ дѣлѣ, и между-тѣмъ какъ поэтически: дурная сторона не видна; хотя сцена списана прямо съ натуры. Это не идеалъ, котораго разсѣянныя черты вы должны искать вездѣ: это простое описаніе того, что авторъ видѣлъ, и описаніе вѣрное, мастерское, а потому такъ и занимательно. Какъ безъискуственны у г. Тополи пѣсни, которыя поютъ его герои. Они льются непринужденно, безъ всякой натяжки, совсѣмъ не по-оперному, безъ всякой перемѣны и передѣлки со стороны автора, съ тою небрежностію, которая характеризуетъ дѣйствительность. Вы встрѣтите въ пѣсняхъ очень часто недомолвки, часто одна пѣсня сбивается на другую, иногда не доканчивается; но это-то и достоинство въ такомъ сочиненіи, какъ Чары, гдѣ авторъ хочетъ познакомить васъ съ дѣйствительностію. — Языкъ г. Тополи не можетъ даже назваться его языкомъ: это языкъ совершенно народный, чистый, простой, усѣянный затѣй-

ливыми пословицами и поговорками.... однимъ словомъ, если вы не знаете Малороссіи,—прочтите Чары — и вы уже познакомились съ извѣстными частями ея многосторонняго быта.

Думки и Пѣсни Амвросія Могилы есть собраніе оригинальныхъ стихотвореній и переводовъ, большею частію лирикоописательнаго рода. Поэтъ изливаетъ свои чувства, возбуждаемыя въ слѣдствіе впечатлѣній малороссійскаго быта. Большая часть изъ его стихотвореній запечатлѣна истиннымъ дарованіемъ и отличается особенною художественностію. У Могилы нѣтъ того саморазвитія, какъ у Шевченка; онъ не создаетъ идеаловъ народной поэзіи, не выказываетъ чувствъ, которыя бы невольно лились изъ невѣдомаго источника: его чувство идетъ объ-руку съ мыслію; онъ изучилъ сокровищницу поэтической стороны Малороссіи и является вездѣ, какъ талантъ, сознающій свой предметъ. Могила по формѣ поэтъ лирическій, но субъективность въ немъ прорывается незамѣтно; вы узнаете его личность, когда будете проникнуты тѣмъ, что онъ вамъ объективно выражаетъ. Возьмите, на-примѣръ, первое его стихотвореніе *Бандура:*

Про гетьмана, чи про гайдамаку,
Ди́дъ заспи́вае, въ бандуру заграе, —
Плаче бандура, мовъ оживае,
Жаль ви́зьме дитину, ви́зьме и бурлаку.
Его бандура, схоче ви́нъ, завые;
Его бандура й ворономъ закряче;
Мовъ та дитина, жали́бно плаче....
Слёзы польются серденько ные....

Собственныя чувства поэта выказываются тогда уже, когда явленіе, пробудившее ихъ, овладѣетъ вами, и вы

сталкиваетесь съ его впечатлѣніями и признаете ихъ за свои. Онъ какъ будто не хочетъ высказать всего, что у него на душѣ, и дѣлится вмѣстѣ съ вами, не сознаваясь. Это достоинство истиннаго художника, и нельзя не видѣть здѣсь малороссійскаго характера. Кто слѣдилъ за Малороссіяниномъ въ минуты его сердечнаго восторга, въ тѣ минуты, когда онъ подымается изъ сферы обыкновенной жизни, — тотъ можетъ повѣрить, какъ скупо малороссійское сердце на дѣлежъ своихъ движеній съ другими; Малороссіянинъ захочетъ васъ напередъ увлечь, — вы невольно выскажетесь, а онъ въ глубинѣ души будетъ дѣлиться съ вами и все-таки покажетъ на лицѣ улыбку равнодушія. Характеръ стихотвореній Могилы отличается глубокою грустію и вѣрными изображеніями древняго быта. Онъ прекрасно понялъ поэзію степной козацкой жизни; у него козакъ вездѣ является существомъ высокимъ, но вмѣстѣ буйнымъ и дикимъ; сцена дѣйствія его покрыта туманомъ и слезами. Изъ лучшихъ его произведеній въ этомъ родѣ: *Чарка*, отличающаяся горькою ироніею, *Козачья Смерть*, гдѣ представлена страшно-поэтическая картина смерти отца съ сыномъ, *Козакъ та Буря*, гдѣ поэтъ изображаетъ сходство человѣческой природы съ физическою, и *Смерть Бандуриста*, прекрасная по своимъ блестящимъ описаніямъ и звучнымъ стихамъ. Два стихотворенія *Старець* и *Дитина Сиротина* — изображенія другой стороны жизни малороссійской — горькаго сиротства, безнадежной грусти, мірскаго несчастія. Языкъ въ Думкахъ и Пѣсняхъ правиленъ, благороденъ и особенно оригиналенъ. Стихи истинно малороссійские; Могила пишетъ болѣе силабическимъ размѣромъ,

который иногда подходитъ подъ метрическій, часто перемѣняется въ одной и той же піесѣ: въ каждой мысли своя форма. Поэтъ не стѣсняетъ себя опредѣленною мѣрою, и оттого у него все такъ вольно и непринужденно, и мысль выражена вполнѣ, и гармонія стиха соотвѣтствуетъ гармоніи чувства.

Въ 1833 году напечатаны были *Наськй Украинськй Казки Запорозьця Иськи Материнки*, маленькая книжечка, гдѣ помѣщены три малороссійскія сказки въ стихахъ: первая *Сопилка*, замѣчательная по своему поэтическому содержанію; вторая *про дурня та его коня*, общая всѣмъ славянскимъ племенамъ; третья про *Ивася та змію, та дочку іи Олену*, одна изъ любимыхъ Малороссіянами. Всѣ эти сказки достойны вниманія, и показываютъ въ авторѣ знатока малороссійской народности и языка.

Кромѣ означенныхъ нами писателей, изъ которыхъ почти каждый явился съ самобытнымъ дарованіемъ, есть еще и другіе, которыхъ сочиненія имѣютъ болѣе или менѣе относительную цѣну въ малороссійской литературѣ. Таковы: *Боровиковскій*—переводчикъ Мицкевичева *Фариса* и сочинитель нѣсколькихъ балладъ; неизвѣстный авторъ *Маруси*, стихотворной повѣсти, изданной въ Одессѣ; *Стецько Шереперя*, написавшій оперу *Купала на Ивана*, которая, не смотря на нѣкоторые недостатки, заключаетъ въ себѣ довольно вѣрныя изображенія народнаго быта; онъ же написалъ нѣсколько пѣсень и въ томъ числѣ извѣстную: *за Неманъ иду*; — *Петренко*, котораго лирическія стихотворенія проникнуты чувствомъ; *Корсунъ*, передавшій малороссійскими стихами любопытныя украинскія повѣрья; *Писаревскій*, сочинитель повѣсти *Стецько*, и *Ко-*

реницкій, явившійся въ свѣтъ съ названною имъ *сатирицькою* поэмою *Вечерницѝ*, которая, не смотря на легкой стихъ, исполнена мѣстами такихъ пошлостей, что, прочитавши ее, пожалѣешь невольно объ авторѣ.

Доказательствомъ распространяющагося вкуса къ чтенію на малороссійскомъ языкѣ служатъ два сборника, вышедшіе въ прошломъ 1841-мъ году. Одинъ изъ нихъ изданъ въ Петербургѣ Гребенкою и наполненъ сочиненіями: Шевченка, Основьяненка, помѣстившаго тамъ свою прекрасную повѣсть *Оксана* и два малороссійскіе разсказа, Боровиковскаго, Писаревскаго, Кулиша и другихъ. Самъ собиратель приложилъ къ нему прекрасное предисловіе *Такъ собі́ до землякі́въ*, гдѣ изображены четыре времени года Малороссіи. Сборникъ называется *Ласті́вка*. Другой издалъ г. Корсунъ въ Харьковѣ изъ трудовъ здѣшнихъ писателей подъ названіемъ *Сні́пъ*. Тамъ помѣщены: Переяславська Ні́чъ—трагедія, *Вечерницѝ*—Кореницкаго, Стецько Писаревскаго и стихотворенія Петренки, Шерепери, самаго издателя и другихъ.

Вотъ, кажется, все, на что можно обратить вниманіе въ малороссійской литературѣ, и едвали не все, что было писано на малороссійскомъ языкѣ въ Россіи (*).

Іеремія Галка.

1842. Харьковъ.

(*) За исключеніемъ сочиненій автора этой статьи: Сава Чалый, драматическія сцены; Переяслі́вська Ні́чь, трагедія; Украинскія баллады Вѣтка, собраніе стихотвореній. Многое кромѣ того пишется и остается непечатаннымъ. *Примѣч. издателя.*